

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ - 1977

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 1

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

БАКУ — 1977

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Адрес редакции: 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АФФИКСОВ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

К примечательным особенностям тюркских языков относится наличие у звукоподражательных глаголов особых аффиксов. Наибольшее распространение получили аффиксы *-ylda-*, *-yгда-*, ср. азерб. *вызылдамаг* 'жужжать', *зынгылдамаг* 'звенеть', *гугулдамаг* 'ворковать', тур. *gürüldemek* 'шуметь', 'грохотать', *tırıldamak* 'лепетать', 'мурлыкать', *patırdamak* 'грохотать', *takırdamak* 'звенеть', *gıcırdamak* 'скрежетать зубами', *fişirdamak* 'журчать', гаг. *гурулдамаа* 'бурчать' (о животе), *гыжырдамаа* 'скрипеть', *фыкырдамаа* 'кипеть с шумом', караимск. *гүрүльдэ* 'шуметь', *гъыджырда(т)* 'скрежетать зубами', *хырылда* 'сосать', 'шуметь', *вызылда* 'жужжать', ног. *дабырдау* 'тарахтеть', *дүмбирдеу* 'тарахтеть', *канъкылдау* 'гоготать', *куърсилдеу* 'грохотать', *узылдау* 'выть', *шакылдау* 'издавать резкий звук', *ызылдау* 'свистеть', *ырылдау* 'рычать', тат. *бакылдау* 'квакать', *безелдәу* 'жужжать', *быгырдау* 'бурлить', *быкылдау* 'лепетать', *быкырдау* 'кипеть', *бытылдау* 'лепетать', *выжылдау* 'жужжать', *дерелдәу* 'дребезжать', *дымбырдау* 'тренькать', 'бренчать', *дынгырдау* 'греметь', *жуылдау* 'жужжать', *лабырдау* 'тараторить', *лапылдау* 'шлепать', *лыгырдау* 'болтать', *хырылдау* 'хрипеть', *шатырдау* 'трещать', *ышылдау* 'шипеть', ккалп. *бажылда* 'злобно кричать', *барылда* 'греметь', *бырқылда* 'бурно кипеть', *дарылда* 'кричать', *дүрилде* 'гудеть', *қакылда* 'каркать', каз. *бажылдау* 'резко, неприятно шуметь', 'кричать', *бақылдау* 'блеять', *былыылдау* 'шлепать', *дуылдау* 'шуметь', *дүрілдеу* 'греметь', 'стучать', *зуылдау* 'гудеть', *күркілдеу* 'храпеть', *пырылдау* 'храпеть', *пысылдау* 'сопеть', *тырсылдау* 'трещать', *ыргылдау* 'рычать', *ысылдау* 'шипеть', кирг. *бадылда* 'тараторить', *булкулда* 'бултыхаться', *буркулда* 'бурлить', *бышылда* 'сопеть', *бытылда* 'чирикать', *чалпылда* 'шлепать', *чопулда* 'чмокать', *чийылда* 'визжать', *чыңылда* 'звенеть', *кыртылда* 'хрустеть', *көлкүлдө* 'булькать', уйг. *вижилдимақ* 'свистеть', *вакилдимақ* 'квакать', *гачилдатмақ* 'хрустеть', *гижилдимақ* 'хрипеть', *гүрүлдүмәк* 'грохотать', *ғирилдимақ* 'рычать', ойротск. *бапылда* 'квакать', *боркылда* 'клокотать', *быдъылда* 'бормотать', *коркулда* 'хрюкать', *тыпылда* 'шлепать', *шыңкылда* 'звенеть'.

В чувашском языке также встречаются характерные для тюркских звукоподражательных глаголов аффиксы *-ylda-* и *-yгда-*, но глаголы, содержащие эти аффиксы, дополнительно осложняются аффиксом *-t-*, например: *качăртат* 'хрустеть', *макăртат* 'бормотать', *мăрăлтат* 'бормотать', *пакăлтат* 'булькать', *чашăлтат* 'шипеть', *такăртат* 'стучать', 'шуметь', *шăнкăртат* 'звенеть', 'греметь' и т. д.

В некоторых тюркских языках образование звукоподражательных глаголов происходит не по приведенной общетюркской схеме. В кумык-

ском и узбекском языках характерным для звукоподражательных глаголов является аффикс *-la-*, ср. кумыск. *дангырламакъ* 'звенеть', *зангырламакъ* 'звенеть', *къавгаламакъ* 'шуметь', *къакъылламакъ* 'кудахтать', *къанчылламакъ* 'скрипеть', *хашылламакъ* 'шуршать', *шакъырламакъ* 'трещать', *шувулламакъ* 'шуршать', *шырылламакъ* 'журчать', узб. *фиркилламоқ* 'хрустеть', *вақирламоқ* 'квакать', *жингилламоқ* 'звенеть', *зувилламоқ* 'жужжать', *ғизилламоқ* 'лететь со свистом', *пақилламоқ* 'хлопать'.

Аффикс *-la-* у звукоподражательных глаголов встречается также в хакасском и тувинском языках, ср. хак. *хырла-* 'хрипеть', *орла-* 'орать', *кййле-* 'гудеть', *сыыла-* 'шипеть', *напла-* 'плюхаться'¹, тув. *уёла-* 'стонать', *дирингле-* 'грохотать', 'стучать', *халакта-* 'ахать' (*-ta < -la*)².

В тувинском языке довольно распространен аффикс *-га-*, *-ге-*, образующий звукоподражательные глаголы: ср. *шылыра-* 'шелестеть, шуршать' (<звукоподр. *шыл||шылырт*), *кыцыра-||коңгура-* 'звенеть' (<звукоподр. *кың||кыңгырт, коң||коңгурт*), *мөөре-* 'мычать' (<звукоподр. *мөө*)³.

В звукоподражательных глаголах тувинского языка также употребителен сложный аффикс *-га-аг-* или *-la-аг-*, например: *далдыраар-* 'шуршать', *холдураар-* 'клокотать', *койтулаар-* 'булькать', *кыжыраар-* 'скрипеть', *кыйыраар-* 'трещать', 'хрустеть', *кылдыраар-* 'журчать', *кыңгыраар-* 'звенеть', *мөөлээр-* 'плакать', 'реветь', *сыылаар-* 'визжать', *чилээр-* 'шуметь'.

Аффикс *-га-*, *-ге-* характерен для звукоподражательных глаголов и в хакасском языке: например, *сыгдыра-* 'звенеть', *тыцыра-* 'трещать', *хогдыра-* 'греметь', *полбыра-* 'болтать', 'тарахтеть' (о человеке), *кйзйре-* 'греметь', *чалбыра-* 'гореть', 'полюхаться с треском' (о пламени)⁴, *кйгре-* 'греметь', *нызыра-* 'греметь', *пыдыра-* 'бормотать', *пылчыра-* 'хлюпать' и т. д.

В тувинском языке от звукоподражательных слов при помощи аффиксов *-ңайын||-ңейин*, *-кайын||-кейин*, *-гайын||-гейин* образуются глаголы со значением «однообразно (мерно, ритмично) звучать», ср. *шааңайын-* 'мерно шуметь', 'ритмично рокотать', *тыыңайын-* 'монотонно шипеть', 'жужжать', 'журчать', *сыыңайын-* 'скулить', 'визжать' (например, о собаке), *дазырткайын-* 'трещать'⁵.

В якутском языке так называемые разделительно кратные формы звукоподражательных глаголов образуются путем присоединения к основе аффиксов *-үä-* (*-угүä-*), *-dä-* (*-угdä-*), например: *сыыбаргаа-* 'поскрипывать' (*сыып-сыып* — звуки, производимые кузнечиком); *талырдаа-* 'побрякивать' (*талыр* — резко обрывающийся дробный стук небольшого деревянного предмета).

Длительность звучания имеет два вида: а) равномерно-длительное, выражаемое аффиксами *-үlä-*, *-үүпä-*, например: *барылаа-* 'мощно реветь', 'рокотать' (*бар, барк* — резкий, грубый, неожиданный звук низкого тона); *куугунаа-* 'греметь' (*куу-хаа* 'шум', 'гам', 'сутолока'); б) учащательно-длительное, выражаемое аффиксами *-үүгä-*, *-d'үүгä-*, *-j-*, например: *татыгыраа-* 'производить непрерывный ряд частых звуков

¹ «Грамматика хакасского языка». М., 1975, стр. 166.

² Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, стр. 263.

³ Там же, стр. 265.

⁴ «Грамматика хакасского языка», стр. 168.

⁵ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Указ. раб., стр. 272.

та-та-та', *дыабыдыгыраа*- 'сердито тараторить' (*дыап* — стук плотно соприкасающихся предметов) и т. п.⁶

Звукоподражательные глаголы во всех языках мира имеют свою специфику. Природные звуки, в частности звуки, издаваемые животными, относятся к неартикулируемым. В этих звуках нет никаких фонем, и, с этой точки зрения, они представляют собой сплошные, нечленимые комплексы звуков, не имеющие однозначной связи. Обычно они «полисемантчны» и являются результатом непроизвольного акта.

Звукоподражательное слово имеет совсем иную природу и другое назначение: оно призвано посредством звукоподражания создать звуковую оболочку для обозначения определенного звучания, независимо от того, будет ли оно представлено в языке как процесс, сопровождающийся звучанием, или как название звучания, например, «треск», «звон» и т. д. Человек, создающий звукоподражательное слово, должен расчленив неартикулируемый поток звуков на фонемно членимый комплекс.

Совершенно очевидно, что никаких звукоподражательных аффиксов в природе вообще быть не может. Аффиксы звукоподражательных глаголов, как правило, представляют собой какие-то аффиксы, заимствованные у других категорий глаголов.

Каково же происхождение аффиксов звукоподражательных глаголов *-yɣda-* и *-yɭda-*, имеющих в тюркских языках наибольшее распространение?

На этот вопрос в тюркологической литературе уже имеется известный ответ. Конечный составной элемент аффиксов *-yɭda-*, *-yɣda-* квалифицируется просто как фонетическая разновидность широко распространенного в тюркских языках глагольного словообразовательного аффикса *-la-*. Например, в книге «Современный казахский язык» аффикс *-da-* в таких звукоподражательных глаголах, как *тарсыл-да-у* 'стучать, грохотать', *ысыл-да-у* 'шипеть', 'издавать свист', рассматривается в разделе, посвященном аффиксу *-la-*, *-le*⁷. Аналогичным образом квалифицируется аффикс *-da-* и в книге «Современный татарский язык» на примере таких глаголов, как *каштырда*- 'шуршать', 'шелестеть', *шыгырда*- 'скрипеть' и т. д.⁸

Подобное толкование происхождения аффикса *-da-* довольно сомнительно. В казахском языке начальное *l* аффиксов действительно подвергается ассимиляции, поэтому в глаголе *ысылда* 'шипеть' *-da-* мог бы образоваться из *-la-*. Но тогда возникает вопрос: почему тот же аффикс *-la-* не подвергается ассимиляции в таких звукоподражательных глаголах, как *дыбыр-ла* 'шуметь', *сыбыр-ла* 'шептать'?

В татарском языке начальный *l* аффикса *-la-* вообще ассимиляции не подвергается. Как же в таком случае мог возникнуть его фонетический вариант *-da-* в таких глаголах, как *шыгыр-да* 'скрипеть', *шатыр-да* 'трещать' и т. д.? Все это указывает на то, что аффикс *-da-* в этих случаях не может быть возведен к аффиксу *-la-*.

Первый составной элемент *-yɣ-* вообще не выделяется. Очевидно, его относят к составу мимем. Как самостоятельный аффикс иногда выделяется *-yɭda-*.

При выяснении происхождения аффиксов *-yɭda-*, *-yɣda-* целесообразно обратиться к таким тюркским языкам, как тувинский и хакасский. Как уже упоминалось выше, в хакасском и тувинском языках звуко-

⁶ Е. И. Убрятова. Краткий грамматический очерк якутского языка. — В кн.: «Якутско-русский словарь». М., 1972, стр. 596.

⁷ «Современный казахский язык». Алма-Ата, 1962, стр. 253.

⁸ «Современный татарский литературный язык». М., 1969, стр. 286—287.

подражательные глаголы могут иметь аффиксы -га- и -ла-; сравните тув. *шылы-ра* 'шелестеть', *каңы-ра* 'звенеть', хак. *хог-ды-ра* 'гремять', *пылды-ра* 'бормотать', тув. *дирти-ле* 'грохотать', *уё-ла* 'стонать', хак. *хыр-ла* 'хрипеть', *сыы-ла* 'шипеть' и т. д.

Эти аффиксы, правда, не так часто, встречаются в составе звукоподражательных глаголов и других тюркских языков; сравните тат. *яңы-ра* 'звенеть', алт. *быркы-ра* 'бурлить', *быды-ра* 'трещать', чув. *чаш-ла* 'шипеть', *сър-ла* 'жужжать', тат. *чур-ла* 'урчать', *ыс-ла* 'шипеть', *шау-ла* 'шуметь', *шар-ла* 'клокотать', ккалп. *жабыр-ла* 'шуметь', галдеть, алт. *гангыр-ла* 'бренчать, звенеть', *да-быр-ла* 'шуметь', каз. *дыбыр-ла* 'шуметь', *сыбыр-ла* 'шептать' и т. д. По-видимому, в якутском языке аффиксу -ла- соответствует аффикс -(y)lā-, сравните якутск. *борылаа* 'рокоотать'.

Таким образом, можно с известным основанием предполагать, что первые составные элементы аффиксов -ylda- и -yrda- генетически родственны рассмотренным выше аффиксам -ла-, -га- и представляют их разновидности.

В тувинском и хакасском языках аффикс -уг- не представлен, но в якутском он встречается в составе сложного аффикса многократных глаголов -yrdā-.

Второй составной элемент аффиксов -ylda-, -yrda- находит также соответствие в якутском языке; сравните тот же якутский аффикс -yrdā-, например, *талырдаа* 'побрякивать'. По-видимому, эти аффиксы первоначально выражали многократность действия. Аффикс -ла- в тюркских языках также употреблялся в роли аффикса многократного действия. В современных тюркских языках представлены некоторые его реликты, сохраняющие древнее значение многократности; сравните узб. *буқ-ла-моқ* 'складывать' от *буқмоқ* 'гнуть', *саға-ламоқ* 'стегать' от *савамоқ* 'бить прутом', *каши-ла-моқ* 'почесывать' от *кашимоқ* 'чесать' и т. д. Существовал в тюркских языках и аффикс многократного действия -уl-, позднее выступавший как показатель страдательного залога.

Имеются также косвенные доказательства того, что аффикс -г- (варианты -га-, -уг-) также имел значение многократного действия. Он является одним из компонентов многократного аффикса -štȳr-; сравните тат. *уқы-штыр* 'почитывать', *кара-штыр* 'поглядывать, заглядывать', тур. *saça-ştır-tak* 'рассеивать' от *saç-tak* 'сеять', тат. *чәч-рә* 'разбрызгиваться' от *чәч* 'сеять'. Многократный аффикс -уг- в тюркских языках был использован как показатель настоящего времени; сравните тур. *çalış-ır* 'он работает'. Любопытно также отметить, что в татарском языке имеется аффикс звукоподражательных глаголов -үүг-, -қуг-, например: *сыз-гыр* 'свистеть', *ыж-гыр* 'сильно свистеть' (о ветре), *пош-кыр* 'фыркать' (о лошади). В данном случае многократный аффикс -уг- соединен с другим древним многократным аффиксом -q-.

В тюркских языках довольно часто встречаются так называемые мимемы или звукоподражательные слова, содержащие элемент -үг-, сравните хак. *тыңыр* 'треск', *хаңдыр-саңдыр* 'грохотание', каз. *дыбыр* 'быстрый, невнятный говор', *сылбыр* 'журчание', *сыбдыр* 'шорох', 'шелест', якутск. *кычыр* — подражание однократному резкому скрипу, чув. *тăпăр* — подражание звуку при падении, *сăтăр* — подражание легкому треску и т. п.

В данном случае неясно, содержат эти мимемы тот же аффикс -үг-, или же он неотделим от мимем.

Второй составной элемент -да- в аффиксах -ylda-, -yrda-, по всей вероятности, восходит к древнему аффиксу -t-, который в тюркских языках также некогда имел значение аффикса многократного действия.

Косвенным доказательством этого может служить вхождение этого аффикса в состав суффикса многократного действия -štyr-; сравните тат. *кара-штыр* 'посматривай', *уқы-штыр* 'почитывай' и т. д.

В ту эпоху, когда аффикс -t- обозначал многократность действия, в некоторых тюркских языках он использовался в роли показателя настоящего времени; сравните чув. *иле-т-ән* 'я беру', тат. диал. *бара-т* 'он идет', кирг. *бара-т* 'он идет' и т. д.

Происхождение аффиксов звукоподражательных глаголов в якутском языке также сравнительно легко может быть объяснено возведением их к древним многократным аффиксам, в особенности их элементов -dā-, -lā- и -yγ-. В отличие от других тюркских языков, в якутском языке употребляется еще элемент γā, генетически также восходящий к древнему тюркскому аффиксу -qa- многократных глаголов. В настоящее время в некоторых тюркских языках сохранились лишь незначительные его реликты; сравните азерб. *чал-ха-маг* 'взбалтывать', узб. *чайқа-моқ* 'полоскать' и т. д. Этот же аффикс представлен в форме -yγγ-/-qγγ- в звукоподражательных глаголах в татарском языке. Отсюда можно сделать общий вывод: аффиксы звукоподражательных глаголов в тюркских языках генетически восходят к аффиксам многократного действия.

Большой интерес представляет ареальное распределение форм аффиксов звукоподражательных глаголов в тюркских языках. Наибольшее распространение имеют аффиксы -ylda-, -yγda-, характерные в равной мере как для кыпчакских, так и для огузских языков. Это обстоятельство свидетельствует о том, что эти аффиксы сформировались в ту историческую эпоху, когда между кыпчакскими и огузскими языками еще не было сколько-нибудь существенных различий.

Аффикс -la- у звукоподражательных глаголов в узбекском и кумыкском языках — явление явно вторичное. По-видимому, когда-то в этих языках существовали аффиксы -ylda-, -yγda-, которые впоследствии были вытеснены в связи с распространением sporadически встречающегося аффикса -la-.

Особый ареал составляют тувинский и хакасский языки. Для этого ареала характерно сохранение наиболее древних форм аффиксов -ga- и -la-. К этому ареалу в известной степени примыкает и якутский ареал. Сближает якутский язык с тувинским и хакасским употребление в аффиксах звукоподражательных глаголов элементов ka и pa, qa; сравните тувинские аффиксы -ṇajup- и -kaɣup-, якутск. -γā-, -γy-pa-.

Все эти факты указывают на то, что якутский язык в древности был связан в первую очередь с тувинским и хакасским языками.

З. И. БУДАГОВА

СТРУКТУРА СКАЗУЕМОГО В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Структура сказуемого как ядра предложения, несмотря на многочисленные работы, посвященные ее описанию, продолжает оставаться в числе неразработанных вопросов тюркского языкознания¹. Существующие классификации структурных типов сказуемого в тюркских языках не охватывают всего их разнообразия. Теоретический подход к этой проблеме в языкознании вообще и в тюркологии, в частности, различен, а нередко и весьма противоречив. Так, например, Г. Д. Санжеев и Н. П. Дыренкова² выделяют простые и составные сказуемые. И. М. Балакаев именные сказуемые делит на простые, сложные и составные, а глагольные — на простые и сложные³. Ряд других специалистов различают простые, сложные (составные) и развернутые сказуемые⁴. И. А. Андреев считает, что, с точки зрения структуры, можно говорить о сказуемом одночленном (состоящем из одной словоформы), двучленном (состоящем из двух словоформ) и многочленном (состоящем более чем из двух словоформ)⁵.

Некоторые тюркологи⁶ сказуемое, выраженное сложным словом (глаголом, а также именными частями речи), определяют как простое, другие⁷ — считают его сложным (составным) членом предложения. При этом упускается из виду то обстоятельство, что сложный член предложения представляет собой синтаксическую единицу, тогда как слож-

¹ См.: Н. А. Баскаков. К вопросу о структуре сказуемого в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1972, № 2, стр. 68.

² Г. Д. Санжеев. Грамматика бурят-монгольского языка. М.—Л., 1941, стр. 139—142; Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, стр. 230; см. также: «Азербайжан дилинин грамматикасы», II hissə, Баки, 1959, стр. 92—113.

³ И. М. Балакаев. Комбинированное управление в казахском языке. — «Тюркологический сборник». М.—Л., 1951, стр. 45.

⁴ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М., 1960, стр. 371; Н. А. Баскаков. Развернутое сказуемое. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», III. Синтаксис. М., 1961, стр. 114.

⁵ И. А. Андреев. Структура простого предложения современного чувашского языка. Автореф. докт. дисс. М., 1970, стр. 25.

⁶ Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. М., 1958, стр. 97; Е. М. Быкова. Подлежащее и сказуемое в современном бенгальском языке. М., 1960, стр. 64.

⁷ См.: Ә. Дәмирчизадә. Мүасир Азербайжан дили. Баки, 1947, стр. 22; «Мүасир Азербайжан дили», II hissə (Синтаксис). Баки, 1959, стр. 82—113; М. Балакаев, Т. Кордабаев. Қазіргі қазақ тілі грамматикасы. Синтаксис. Алматы, 1961, стр. 35; М. Корбангалиев, Х. Хисматуллин, Р. Шакирова. Татар теле грамматикасы (Синтаксис). Казан, 1961, стр. 14—15; А. Алиев, Х. Байлиев. Туркмен дилинин грамматикасы (Синтаксис). Ашгабад, 1956, стр. 30; «Современный татарский литературный язык. Синтаксис». М., 1971, стр. 19.

ное слово — это единая и целостная лексическая единица. Поэтому в синтаксическом плане член предложения, выраженный сложным словом, должен рассматриваться в предложении как простой его член.

Спорным остается также вопрос о квалификации сказуемого, выраженного сложным глаголом, состоящим из имени и глагола (типа *gäbul etmäk*, and *ičmäk* и т. п.). Некоторые ученые⁸ относят эти сказуемые к именным, так как вкладываемое в них вещественное значение выражается именами. С нашей же точки зрения, сказуемое, выраженное сложным глаголом («имя + глагол»), должно рассматриваться все-таки как глагольное (хотя вещественное значение его и содержится в имени), ибо все сочетание в целом выражает глагольное действие.

Ряд ученых⁹ относит к сложным те сказуемые, вторым компонентом которых является связка *idi* или *imiš*, другие¹⁰ считают эти сказуемые составными. Утвердившееся представление о том, что присутствие в составе простого глагольного сказуемого вспомогательных глаголов якобы превращает его в составное глагольное сказуемое, вряд ли правомерно. Использование частиц, вспомогательных слов *idi*, *imiš* или послогов не приводит к каким-либо изменениям в структуре ни простого, ни составного сказуемого.

В тюркологии сказуемые, выраженные словами *vağ* или *jök*, квалифицируются по-разному. Некоторые ученые считают их именными¹¹, другие рассматривают их как особый тип сказуемого¹², а третьи вообще не выделяют такого сказуемого¹³.

М. А. Казем-Бек слова, подобные *vağ* и *jök*, относит к безличным глаголам, причастиям¹⁴, следовательно, к сказуемым, то есть квалифицирует их как глагольные сказуемые. А. Джавадов, напротив считает предложения со сказуемыми *vağ* и *jök* личными¹⁵.

Оба последние мнения, являющиеся взаимоисключающими, не подтверждаются фактами азербайджанского языка, в котором слова *vağ* и *jök* самостоятельно или в сочетании с другими словами могут выступать в роли сказуемого как личного, так и безличного предложения, например:

*Хəбər var əglə батан,
Хəбər var гара бəһтан.*

(Р. Рза)

‘Есть весть, которой нельзя не поверить,
Есть весть — черная клевета’.

⁸ М. Б. Балакаев. Современный казахский язык. Синтаксис. Алма-Ата, 1950, стр. 152—153; А. Ф. Фуломов. Хозирги замон ўзбек тилидан конспектив курс. Сада гап. Тошкент, 1948, стр. 31—32.

⁹ См.: Э. Дюмичизадэ. Указ. раб., стр. 22; «Мүасир Азербайжан дили (Синтаксис), I китаб. Баку, 1950, стр. 194; А. Ф. Фуломов, З. Маруфов, З. Шермухаммедов. Ўзбек тили грамматикасы (Синтаксис). Тошкент, II китм, 1949, стр. 25; М. Балакаев, Т. Кордабаев. Қазирги қазақ тілі грамматикасы. Синтаксис. Алматы, 1961 и др.

¹⁰ «Азербайжан дилинин грамматикасы», II hissə (Синтаксис). Баку, 1959, стр. 92; З. Тағызадэ. Мүасир Азербайжан дилинин синтаксиси. Баку, 1960, стр. 46—49 и др.

¹¹ М. З. Зəкиев. Хəзерге татар əдəби теле (Синтаксис). Казан, 1958, стр. 86; «Хазирги заман туркмен дили. Синтаксис». Ашгабад, 1962, стр. 107; В. В. Решетов. Основы фонетики и грамматики узбекского языка. Ташкент, 1961, стр. 215.

¹² А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 348; Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 59.

¹³ М. Мирзаев, С. Усманов, И. Расулов. Ўзбек тили. Тошкент, 1962; Т. Ибрахимов. Бош булақлар. Тошкент, 1945; М. А. Казем-Бек. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846, II издание, стр. 176—404.

¹⁴ М. А. Казем-Бек. Упом. раб.

¹⁵ Э. М. Чавадов. Мүасир Азербайжан дилинда шəхсиз чүмлəр. — «Низами адына əдəбијат вə дил институтунун əсəрлəri», X чилд. Баку, 1957, стр. 132.

Чохдандыр ки, бу кағыз бизим евимиздән јох олмушдур (М. С. Ордубады) 'Прошло много времени с тех пор, как эта бумага исчезла из нашего дома'; *«Этә сөз јохду» — деди* (М. Ибрагимов) 'Он сказал: «Относительно мяса ничего (плохого) не скажешь»'.

Как отмечает подавляющее большинство тюркологов, синтаксическая роль слов *vağ* и *jok* заключается в том, что они выступают в предложении в качестве сказуемого особого типа. И это вполне естественно, так как, выступая в функции именного сказуемого, эти слова приобретают целый ряд специфических особенностей. Недаром Н. К. Дмитриев¹⁶ выделял в особую группу простые предложения башкирского языка, сказуемые которых выражались словами *vağ* и *jok*.

В азербайджанском языке слово *vağ* может выступать в качестве сказуемого без предикативных аффиксов только в предложениях с подлежащими в третьем лице¹⁷.

Слово *jok* в функции самостоятельного сказуемого имеет все признаки именного сказуемого: принимает аффиксы сказуемости, присоединяется к вспомогательным глаголам и т. д.

Сказуемое, выраженное модальными словами *lazım* или *tımtkın*, по мнению некоторых языковедов¹⁸, не способно выступать самостоятельно, если функцию подлежащего выполняет *masdar*. Большинство же лингвистов указывает, что сочетание *masdar* с указанными словами образует сказуемое безличных предложений. Принимая аффиксы третьего лица, слова *lazım* и *tımtkın* выступают как безличные глаголы¹⁹. Ряд лингвистов полагает, что эти слова в сочетании с именем выступают как самостоятельные сказуемые, а в сочетании с *masdar* образуют составные сказуемые²⁰. Если в предложении сказуемое выражено словами *lazım* или *gägäk*, то подлежащее может быть либо именем, либо глаголом: *Һалва-һалва демәклә ағыз шириң олмаз, бала, һалва үчүн уң кәрәк, јағ кәрәк, одун кәрәк* (М. Ибрагимов) 'Сколько ни повторять «халва», во рту не станет сладко, для халвы нужна мука, нужно масло, нужны дрова'; *Бир шеј һамынын үрәјиндән олду, тез јеринә јетирмәк кәрәкдир* (М. Ибрагимов) 'Если что-то всем пришлось по душе, то [это] необходимо быстро выполнить'; *Сәнә бу дәмдә о көзәл тәбиғәт үзүндә јашамағ лазымдыр* (Дж. Джабарлы) 'Тебе в данный момент необходимо жить на лоне этой прекрасной природы'; *Мүәллим бизә лазымдыр* (Т. Шахбази) 'Учитель нам нужен'.

Слово *tımtkın* выступает в качестве сказуемого, при котором подлежащее выражено *masdar*: *Бәзи сөzlәри бахышдан да охумағ мүмкүндүр* (М. С. Ордубады) 'Некоторые слова можно прочитать по взгляду'.

¹⁶ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 256.

¹⁷ Вообще, опущение личных аффиксов именного сказуемого в азербайджанском языке — жанрово-стилистическое средство, используемое в разговорной речи, пословицах и поговорках и т. д., а не грамматическая норма, как в ряде других тюркских языков (узбекском, казахском, туркменском и др.), в которых предикативность выражается в первую очередь порядком слов и интонацией. См.: I. A. Batmanov ve A. N. Bilner. *Ўзбек tili dersligi*. Тошкент, 1933, стр. 11; П. Шимкевич. Практическое руководство для ознакомления с наречием туркмен Закаспийской области. Ашхабад, 1889, стр. 55; М. Б. Балакаев. Современный казахский язык. Синтаксис. Алма-Ата, 1959, стр. 132.

¹⁸ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, § 1028, 1029.

¹⁹ Л. Будагов. Практическое руководство турецко-татарского азербиджанского наречия. М., 1857, стр. 122.

²⁰ Л. С. Гадельшин. Инфинитивная форма глагола в современном татарском литературном языке. Казань, 1957, стр. 15.

Анализ фактов свидетельствует об отсутствии существенных синтаксических различий при употреблении указанных слов в сочетании с масдаром или именем. В обоих случаях слова *lazım, gägäk, mım-küp* и *zäğüg* с affиксами сказуемости, выражая суждение о подлежащем (вещественном или отвлеченном), выступают в роли самостоятельного сказуемого, привносимая же ими модальность обусловлена их лексическим значением, а не тем или иным сочетанием (с масдаром либо именем). До настоящего времени не получил однозначного решения и вопрос о том, является ли частица составным элементом сказуемого, которое она образует в сочетании с глаголом (либо именем), или же эта частица лишь «примыкает» к сказуемому в качестве более или менее свободного придатка.

Частица в сочетании с глаголом или именем так или иначе характеризует действие, являясь элементом сказуемого; изъятие частицы влечет за собой изменение временного, модального или экспрессивного значения сказуемого, часто же такое изъятие вообще невозможно. Степень спаянности с полнозначным словом определяется характером частицы и условиями ее функционирования. Так, например, сказуемое, выраженное глаголом повелительного наклонения, в сочетании с разными частицами передает различные оттенки значения (призыв, просьбу, пожелание, предупреждение). В этом случае частица является неотъемлемой частью сказуемого: — *Aj uşaglar, kəlin арабадакы шеј-лери бошалдаг* (М. Сулейманов) 'Эй, ребята, давайте разгрузим арбу'; *Сөзүңүзү дејин көрөк* (С. Рагимов) 'Ну, говорите, что там у вас'; — *Бах, јолда-задда јубанма!* (М. Сулейманов) 'Смотри, не задерживайся в дороге'; — *Aj бала, гој ушаг чөрәјини јесин* (С. Рахман) 'Эй ты, пусть ребенок поест'.

Анализ существующих классификаций типов сказуемого в современных тюркских и нетюркских языках показывает, что всем им присущ общий недостаток — они базируются одновременно на самых различных признаках (семантических, морфологических, синтаксических), что приводит к отсутствию четкости в подразделении сказуемых на классы (типы). Указанные типы выделяются в результате ряда последовательных дифференцирований: сначала на основании формы, затем по принадлежности компонентов к той или иной части речи и, наконец, на основании значения компонентов. Для создания более или менее строгой и единообразной классификации необходимо основываться на едином признаке, каком-то одном из указанных критериев (либо семантическом, либо формальном).

Попытаемся классифицировать типы сказуемых по одному признаку, а именно — формальному.

Простое глагольное сказуемое и составное именное сказуемое могут рассматриваться как две начальные, исходные формы, а все остальные разновидности сказуемых — как различного рода трансформации этих исходных или «ядерных» форм. Таким образом, двумя основными типами сказуемого можно считать простое и составное. Причем составное складывается из двух компонентов: первый из них является глагольным или именным, а второй может быть как словом, так и словосочетанием, или даже целым комплексом.

Внутри каждого формального типа (класса) могут быть выделены подклассы по семантическим различиям между группами элементов. Выявление подобных семантических подклассов, несомненно, представляет определенный интерес, однако в данном случае в нашу задачу не входит.

Думается, что вопрос о структуре сказуемого в тюркских языках целесообразно рассматривать в общем плане следующим образом.

Как именные, так и глагольные сказуемые бывают простыми и составными.

Простые именные и глагольные сказуемые образуются путем присоединения к простым, производным и сложным именам и глаголам, а также масдарам личных аффиксов.

Составные (сложные)²¹, именные и глагольные сказуемые состоят из неразлагаемого, единого по функции, сочетания двух или более слов. Они семантически богаче простых. Ими, кроме основного лексического значения, передаются различные модальные и эмоциональные оттенки.

Сложное именное сказуемое обычно выражается определительными словосочетаниями второго и третьего типов. Первый же тип изафетных словосочетаний в роли составного сказуемого выступает лишь в определенных нижеуказанных случаях:

а) второй компонент выражен словами, показывающими счет, меру, время, или словами *чур, шеј*: *Куллүдән ајрылдыгы ики ај иди* (А. Шайк) 'Прошло два месяца, как он расстался с Гюлли';

б) первый компонент выражен числительным, второй — одним из слов: *däiä, kārā, nāiäg, tapat* и т. п.: *Онлар дөрд нәфәр идиләр* (М. Джалал) 'Их было четверо';

в) подлежащее выражено именем собственным или личным местоимением, а второй компонент является словом типа *arvad, kadyn, gälin, goša, kiši, adam, säxs, gyz, oglan, ušag*: *Мехдигулу һәлим тәбиәтли, куләр үзлү, рәһмдил бир шахс иди* (С. С. Ахундов) 'Мехтигулу был кротким, приветливым и добродушным человеком';

г) сказуемое, или один из его элементов, выражено словом, тождественным или близким по значению подлежащему предложению: *Догрудан да, Гурбанәли бәјин аты көзәл ат иди* (Дж. Мамедкулизаде) 'Действительно, конь Гурбанали-бека был прекрасным конем'.

Сложное глагольное сказуемое может быть выражено следующими глагольными сочетаниями:

а) типа масдар (в основном падеже) + личная форма глагола *башламак* с инхонативным значением, например: *Нәсрулла киши дөнүб кери гачмага башлады* (С. Рагимов) 'Дядя Насрулла, повернув, побежал обратно';

б) сочетанием деепричастной формы на *-a/-e* с модальным глаголом *bilmäk* в значении, соответствующем выражению категории возможности-невозможности, например: *О, јолу кедә билмирди* (А. Велиев) 'Он не мог ходить (по дороге)';

в) соединением деепричастия на *-(j)ub||-(j)ib* *-(j)ub||-(j)üb* со вспомогательным глаголом *eť* в модальном значении «чего доброго», например: *Бәри кәл, Таһир, буларара набәләдсән, бирдән азыб-еләрсән* (Г. Мехти) 'Тахир, вернись, ты не знаком со здешними местами, вдруг, чего доброго, заблудишься';

г) глаголами так называемого внутреннего объекта, например: *Гоча Кулпәри јахшыча ојун ојнады* (Уз. Гаджибеков) 'Прекрасно разыграла (досл.: сыграла игру) старая Гюльпери!';

²¹ Отсутствие единого мнения в определении различных типов сказуемого объясняется также и неунифицированностью терминологии. В ряде работ термин «составное сказуемое» употребляется для обозначения определенной структурной формы глагола и противопоставляется «сложному сказуемому», в других работах под термином «составное сказуемое» подразумевается сложное сказуемое. Часто термины «составное» и «сложное» употребляются как адекватные. Чтобы не усложнять вопроса и не вносить путаницы, термины «составное» и «сложное» употребляются нами как синонимы.

д) перифрастическими формами глагола, образованными с помощью вспомогательного глагола *olmag*, например: *Бәлкә, мән сәнинлә јенә данышмалы олдум* (Дж. Джабарлы) 'Может быть, мне придется вновь поговорить с тобой';

е) сложными глаголами типа деепричастие на *-(j)a-(j)ä* или *-j(yb)*, ... + вспомогательный глагол, характеризующий действие соответственно его протеканию во времени и пространстве, например: *Арвады Искәндәрә баха-баха галды* (А. Велиев) 'Жена Искендера устала на него'; *Сәни гудурдан өлүб кедиб* (А. Ахвердиев) 'Тот, кто избаловал тебя, уже умер';

3) устойчивыми глагольными словосочетаниями, например: *Сән јашда оlanda мән дә һеч нәји вечимә алмырдым* (Г. Мехти) 'В твои годы и мне все было нипочем'; *Көрүнүр ки, өзатларына соған доғрајыб* (И. Касумов) 'Видно, здорово насолил им'.

В современных тюркских языках существует целый ряд глагольно-именных устойчивых сочетаний, выступающих в роли главного члена (аналогичного сказуемому) безличного предложения. В их состав входит имя в основном падеже, внешне напоминающее подлежащее (например, *göresi, göresiniz, göreseleri, gälir*). На этом основании некоторые языковеды считают, что глагол *gälir* выступает в качестве самостоятельного сказуемого²² и предложения типа *manım içmäjim gäldi* 'Мне захотелось пить' считают личными.

На самом же деле слово *ičmäjim* в именительном падеже в данном сочетании семантически неотделимо от формально сказуемостной (чаще всего, глагольной) части сочетания и вместе с последней образует единый составной (главный) член предложения (безличного).

Нередко первая часть сочетания представляет собой определительное словосочетание 3-го типа, которое, в свою очередь, также может усложняться, например: *Бунун зәрбиндән заваллы ушағын үрәји кетди* (С. С. Ахундов) 'От его удара бедное дитя потеряло сознание' или *Тарчалан оғланын кефи көк иди* (С. Кадырзаде) 'Юноша-тарист был в прекрасном настроении'.

Видовые конструкции также выступают в роли сложного сказуемого: *О јоргунлуғуну алыб, тарини сојудунчаја гәдәр узана галды* (А. Аб-ульгасан) 'Он оставался лежать до тех пор, пока не остыл и не отдохнул'; *Инсана елә кәлирди ки, бу сәс дүнја бина оlandан бәри давам едиб кәлир* (И. Эфендиев) 'Человеку казалось, что этот звук существует со дня сотворения мира'; *Архын о тәрәф, бу тәрәфиндә учсуз-бучагсыз памбыг тарлалары узаныб кедирди* (И. Эфендиев) 'По обе стороны арыка простирались бескрайние хлопковые поля' и др.

Встречаются и такие неразложимые глагольные видовые конструкции, обе части которых имеют спрягаемую форму. На первый взгляд, они напоминают однородные глагольные сказуемые. Фактически же они являются составными сказуемыми: *О бир шеј дејил, дүзәлтмәк олар, әризә верәрик, дүзәләр кедәр* (Дж. Джабарлы) 'Ничего страшного, это поправимо, подадим заявление, и все будет в порядке'.

Слова в предложении, сохраняя свою морфологическую принадлежность, приобретают еще и дополнительный признак — синтаксическую функцию, а в связи с этим и новую номенклатуру. Однако отдельно взятые самостоятельные слова не всегда принимают на себя функцию того или иного члена предложения. Иногда эти слова могут выступать в роли составных частей — компонентов членов предложения, как,

²² А. Аннануров. Вопросы синтаксиса в плане перевода с русского на туркменский язык. Ашхабад, 1956, стр. 42.

например, это имеет место в составном или сложном сказуемом (двучленном и многочленном), представляющем собой аналитическое образование — свободное или фразеологически и грамматически замкнутое сочетание.

Анализ вспомогательных глаголов, входящих в состав простого и составного сказуемых, позволяет заключить, что эти глаголы далеко не однородны и могут быть разбиты на три группы в зависимости от степени грамматикализации выражаемого ими значения.

В первую группу должны быть выделены собственно связки *idi*, *imiš*. Во вторую группу — глаголы с полувещественным значением, частично утратившие или утрачивающие свое самостоятельное значение. Сюда относятся также такие глаголы, как *ol* и *et*. Третья группа включает глаголы, выступающие в качестве вспомогательных в сочетаниях типа *gālib gāl-*, *dārd čāk-*, *fikrā get-*, хотя в изолированном употреблении они выступают как полнозначные лексические единицы.

Н. П. ГОЛУБЕВА

СИНОНИМИЯ И ВАРИАНТНОСТЬ ПРИГЛАГОЛЬНЫХ УПРАВЛЯЕМЫХ ФОРМ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

(К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ ГЛАГОЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ)

При определении управления исследователи обычно исходят из зависимости имени в косвенном падеже от лексических и грамматических свойств главенствующего слова. К грамматическим свойствам относят принадлежность главенствующего члена к той или иной части речи и его структуру (производность и залоговость). Под лексическими свойствами понимается лексическое значение и принадлежность к определенной лексико-семантической группе. При выделении управляемых форм учитываются также выражаемые ими отношения. В то же время объем относимых к управлению фактов у разных исследователей оказывается различным. Можно считать общепризнанным (правда, не в тюркологии), что не любая форма в косвенном падеже должна квалифицироваться как управляемая. От управления следует отличать так называемое «падежное», или «именное», примыкание. Пока, однако, не выработано единого принципа выделения примыкающих падежных (и предложно- или послеложно-падежных) форм. При выделении этих форм исследователи исходят либо из отсутствия прямой синтаксической зависимости от глагола (примыкающая падежная форма обусловлена только значением падежа, которое говорящий стремится выразить в предложении¹; по сути дела, это свободная синтаксическая форма, способная к самостоятельному употреблению, с собственным структурно-смысловым значением²), либо из выражаемых этими формами синтаксических отношений: к примыкающим относятся формы косвенных падежей с предлогом (послелогом) и без него, выражающие собственно- или обстоятельственно-характеризующие, либо комплетивные отношения³. При таком подходе определяющим критерием глагольного управления признается наличие объектных отношений между именем и глаголом, и в соответствии с этим глаголы движения и состояния исключаются из состава управляющих, а управляющими считаются только переходные глаголы⁴. Подобный, весьма суженный подход к

¹ См.: М. Д. Лесник. К вопросу о приглагольном управлении в современном русском литературном языке. — В кн.: «К вопросу управления (приглагольного и приименного)». Рига, 1957, стр. 31—32.

² Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, стр. 52—53; *ее же*. О структурных основаниях синтаксической синонимии. — «Русский язык в национальной школе», 1968, № 4.

³ См.: «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970, стр. 511.

⁴ См.: А. С. Аманжолов. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников. М., 1969, стр. 97.

управлению уравнивает понятия управления и переходности. Против такого подхода можно привести еще и тот довод, что зависимые формы при непреходных глаголах (например, глаголах движения) тоже могут быть обусловлены лексическим значением глагола (ср. *Istanbuldan Ankaraya hareket etmek* 'двигаться из Стамбула в Анкару').

Расхождения, возникающие при анализе управления и относимых к нему фактов, обусловлены тем обстоятельством, что в одних случаях исследователь опирается на главный член, а в других — на зависимый⁵.

При выделении управляемых форм мы отталкивались от управляющего глагола, так как, с нашей точки зрения, основная особенность управления состоит в том, что это связь, исходящая от главенствующего слова. Поэтому к управляемым мы относим те падежные и послеложно-падежные формы, которые предопределяются значением глагола. Характер выражаемого при этом отношения (объектное, обстоятельственное, комплетивное) мы не считаем определяющим: он зависит в конечном счете от значения управляющего глагола.

В отличие от управляемых примыкающие падежные формы выражают связь на уровне предложения. Полагаем, что говорить о примыкании на уровне словосочетаний возможно лишь в отношении несклоняемых слов. Примыкающими могут быть только те падежные и послеложно-падежные формы, которые способны выражать обстоятельственные (локативные, временные, причинные, целевые) значения, определяющиеся не смыслом глагола, а смыслом всего предложения. В качестве примыкающих чаще других падежных форм выступают формы пространственных падежей в локативных и временных значениях. Ср.: *Uzaktaki bir köşede müdürün iskambil kâğıdı karıştırmakta olduğunu gördü* (S. Ali. İçimizdeki şeytan). 'Он увидел, как в дальнем углу директор тасовал колоду карт'.

В тюркских языках глагол управляет формами всех косвенных падежей, кроме родительного. Родительный падеж непосредственно глаголом⁶ не управляется и противостоит в этом отношении всем остальным косвенным падежам. Случай оформления подлежащего родительным падежом в зависимом обороте, когда глагол выражен формами на *-dik, -acak, -ma, -ış, -maklık* с аффиксами принадлежности (типа *Nihadın bulunduğu yer* 'место, где находится Нихад'), по нашему мнению, не следует относить к управлению, так как родительный падеж здесь обусловлен изафетной конструкцией, а не значением глагола.

Винительный падеж не способен управляться собственно именем и этим противостоит всем остальным косвенным падежам. Отглагольные имена, масдары и причастия сохраняют способность глагольного управления [ср.: *Her teklifinizi kabule hazırım* (N. Hikmet. *Kafa tas*) 'Я готов к принятию любого вашего предложения'], поэтому полагаем, что форму винительного падежа при них не следует рассматривать как приименную. Опора на главенствующее слово при анализе управления требует выявления падежных и послеложно-падежных форм, связанных со значением данного глагола и глаголами определенных лексико-семантических групп. В работах, посвященных управлению тюркских глаголов, этому вопросу почти не уделяется внимания. В тех же случаях, когда этот вопрос затрагивается в связи с падежными формами, соподчинимые, то есть последовательно подчиняемые, и сино-

⁵ Об этом см.: Л. З. Сова. Аналитическая лингвистика. М., 1970, стр. 20—46, 89—94.

⁶ Возможно опосредствованное управление родительным падежом через послелог *için, ile, üzere, gibi, kadar*, если управляемый член — местоимение (*bununla iftihar etmek* 'гордиться этим').

нимичные, параллельно подчиняемые формы⁷ дифференцированно не рассматриваются. Так, формы винительного и исходного падежей при глаголе *inmek* 'спускаться' обозначают маршрут и выступают как равнозначные, синонимичные, выполняющие одну и ту же роль: *merdiveni/merdivenden inmek* 'спускаться по лестнице'. Те же формы, но в разных значениях (винительный в значении прямого объекта и исходный в значении источника) при глаголе *almak* 'брать' являются соподчинимыми, реализуясь одновременно: *sigortadan paraları almak* 'взять деньги в страховом обществе'.

Признаки соподчинимости и синонимичности управляемых форм в принципе независимы и не исключают друг друга.

Соподчинимость управляемых форм характерна для глаголов более чем двухвалентных (прямопереходных⁸, глаголов движения и т. д.). Соподчинимые управляемые формы способны разграничивать значения глаголов и объединять их в семантические группы.

Синонимия управляемых форм — еще слабо разработанная проблема в тюркологии. Хотя факты параллельного употребления управляемых форм широко известны, и ссылки на них можно найти в грамматиках⁹, тем не менее при ориентированности грамматических описаний на морфологические показатели эти факты рассматривались в разных рубриках и специально не исследовались. Только в последние годы они стали объектом специального рассмотрения в кандидатских диссертациях¹⁰ и в грамматических описаниях¹¹, однако исчерпывающего объяснения еще не получили. А оценка этих фактов очень важна для выяснения взаимодействия грамматического и лексического элементов в словосочетании, построенном по типу управления. Споры о лексической и грамматической природе управления (управление — факт словаря или грамматики), как нам кажется, акцентируют внимание только на одной из сторон связи управления¹², тогда как особенно важен именно учет взаимодействия этих сторон. Без анализа параллельного управления учет такого взаимодействия будет неполным.

Данная статья не претендует на исчерпывающий охват фактов синонимии управляемых форм. Мы остановимся только на некоторых спорных случаях.

В грамматике четко не разграничиваются синонимия и вариантность¹³. При обозначении разных управляемых форм с одинаковыми или близкими значениями употребляются оба термина. Абсолютная тождественность значения в грамматической синонимии — явление, по-

⁷ Ср., например: Г. К. Кулиев. Глагольное управление в азербайджанском и туркменском языках. Автореф. канд. дисс. Баку, 1969.

⁸ См.: Н. П. Голубева. Синтаксическая сочетаемость переходного турецкого глагола. — В кн.: «Проблемы семантики». М., 1974.

⁹ См., например: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 84—94, 313—344. Мы привлекали примеры из этой «Грамматики» (далее — К).

¹⁰ См.: И. П. Винокуров. Синонимика падежных конструкций в якутском языке. Автореф. канд. дисс. Якутск, 1971; М. С. Сергалиев. Синонимика глагольных словосочетаний в современном казахском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1967.

¹¹ Э. Р. Тенишев. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976, стр. 65—67.

¹² Так, например, те, кто признает управление фактом грамматики, принимают за исходное зависимые члены. Ср.: Е. В. Кротович. Управление как способ выражения синтаксических отношений. Львов, 1958, стр. 4.

¹³ Ср. понятие вариативного управления, при котором глагол может управлять двумя или более разными формами, имеющими одно и то же значение (то есть синонимичными формами). См.: «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970, стр. 496.

видимому, не более частое, чем в синонимии лексической. К тому же понятие тождественности значений относительно и зависит от принятой системы их описания, поэтому в последнее время вводится еще понятие «квазисинонимы»¹⁴, применяемое к языковым единицам с близкими значениями.

Спорным является теоретический вопрос о включении в понятие синонимии способности к взаимозаменяемости. Анализ сочетаемости синонимов на материале разных языков приводит исследователей к выводу, что «возможность полной или частичной взаимозаменяемости не вытекает непосредственно из факта тождества или сходства лексических значений»¹⁵, поскольку даже языковые единицы, полностью совпадающие по значению, могут различаться дистрибуцией.

Что касается управляемых форм, то можно предположить, что количество абсолютных синонимов зависит от типа языка. В тюркских языках, как правило, разница в управлении сопровождается каким-либо семантическим различием. Поэтому управляемые формы, параллельно употребляемые при глаголе определенного значения, в тюркских языках правильнее назвать «квазисинонимами», хотя в некоторых случаях можно говорить и о синонимии.

Отождествление квазисинонимичных управляемых форм представляет значительную трудность. Оно базируется на семантическом основании: эти разные формы являются выражением одной семантической валентности определенного глагола, то есть формами выражения содержания переменной в его толковании (по терминологии Ч. Филлмора — выражением определенной «падежной роли») ¹⁶. Но, разумеется, не любые формы выражения какой-либо семантической валентности можно считать квазисинонимами. Для отождествления этих форм необходимо, чтобы совпадающая часть их значений была бы «не меньше, чем сумма их семантических различий»¹⁷ (правда, мера эта определяется в общем интуитивно). Основание для отождествления сохраняется и в том случае, когда одна и та же управляемая форма синкретично выражает несколько семантических валентностей¹⁸.

В некоторых случаях одна и та же семантическая валентность, имеющая несколько форм выражения, может осложняться дополнительным значением, заложенным в падежной форме. Сравните формы исходного партитивного и винительного прямого объекта, употребляющиеся при одних и тех же переходных глаголах. Исходный партитивный представляет собой, как и винительный, необходимое объектное распространение глагола, но он осложнен еще и вторичным значением частичности. Например: *Selma hanım hemen bu ilaçtan getirtti* (Yakup Kadri Karaosmanoğlu) 'Сельма-ханым тотчас велела принести этого лекарства' (К, 91). Сравните также более обычное употребление: *ilâci getirmek* 'принести лекарство'.

Если эти две падежные формы употребляются при одном и том же глаголе одновременно, то есть выступают в соподчинении, то форму исходного партитивного падежа можно рассматривать как выражение не глагольной валентности, а именной, и в этом случае она сопоставима с формой родительного падежа. Сравните:

¹⁴ См.: Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. М., 1974, стр. 158.

¹⁵ Там же, стр. 220.

¹⁶ Список возможных глагольных семантических валентностей в полном объеме еще никем не составлен. Наиболее полный, но далеко не исчерпывающий их перечень можно найти у Ю. Д. Апресяна; см.: Ю. Д. Апресян. Указ. раб., стр. 125—127.

¹⁷ Там же, стр. 158.

¹⁸ Там же, стр. 140.

çocuklardan birini /çocukların birini çağırmak 'позвать одного из детей'.

Но в случае, когда возможно самостоятельное употребление исходного партитивного при глаголе (ilâçtan getirmek в отличие от çocuklardan birini çağırmak), вряд ли следует считать форму винительного падежа эллиптированной. В данном случае форма винительного падежа выражает то же синтаксическое отношение, что и форма исходного падежа, поэтому есть основание говорить о квазисинонимии этих падежных форм.

Как квазисинонимы выступают, на наш взгляд, и формы исходного и винительного падежей, когда они обозначают пункт приложения действия при одном и том же глаголе: birinin elinden/elini tutmak 'схватить кого-либо за руку/чью-либо руку'; birinin yanağından/yanağını örmek 'поцеловать кого-либо в щеку/чью-либо щеку'.

Форма исходного падежа здесь синкретично выражает значение прямого объекта и значение пункта приложения действия. Оба эти элемента значения могут быть выражены расчлененно, то есть формы исходного и винительного падежей могут употребляться как соподчиненные в том случае, когда обозначается одушевленный предмет (винительный падеж) и часть тела (исходный падеж): birini dudaklarından örmek 'поцеловать кого-либо в губы'; birini omuzundan tutmak 'схватить кого-либо за плечо'.

Если же эти падежные формы употребляются параллельно (при обозначении части тела: elinden/elini tutmak), то тогда, видимо, можно говорить об их квазисинонимии (подобно исходному партитивному, соотносимому с винительным прямого объекта).

Особый случай сопоставимых падежных форм представляет управление глаголов, смысл которых может быть выражен и аналитически, так называемыми перифрастическими оборотами. Это прежде всего производные глаголы на *-la/-le* и синонимичные им аналитические образования с семантически ослабленной или десемантизированной глагольной частью. Производные глаголы на *-la/-le* чаще являются переходными и управляют винительным падежом. Синонимичные им перифрастические обороты сохраняют управления входящего в них глагола. Сравните:

1) birini tokatlamak 'дать пощечину, *«опощечить» кого-либо'; birine tokat atmak (vermek, vurmak) 'влепить пощечину кому-либо';

2) birini çimdiklemek 'ущипнуть кого-либо'; birine çimdik atmak (vurmak, basmak) 'ущипнуть кого-либо';

3) birini tekmelemek 'пнуть кого-либо'; birine tekme atmak/vurmak 'дать пинка кому-либо'.

Управляемые формы винительного и дательного падежей здесь связаны с разными элементами общего разложимого смысла. Рассмотрим пример (1). В русском языке смысл «опощечить» выражается только аналитически: «дать (влепить) пощечину кому-либо» и «ударить по щеке кого-либо». «Пощечина» разложима на «удар + по щеке», «ударить» разлагается на «дать + удар». Таким образом, «ударить по щеке» = «(дать + удар) + по щеке», а «дать пощечину» = «дать + (удар + по щеке)». Так же разлагается tokat atmak/vermek. Турецкий глагол tokatlamak представляет третью возможность разложения: «дать + удар + по щеке». В турецком глаголе все три элементарных смысла выражены синтетически.

Винительный и дательный падежи в подобных случаях грамматизируются в такой степени, что о семантической основе их сопоставления можно говорить только как о соотнесенности с одним общим смыслом.

Включать ли такие случаи в понятие падежной синонимии — пока вопрос открытый, поскольку грамматикализованность падежных форм затрудняет их семантическую интерпретацию, но это, по нашему мнению, не означает, что они лишены семантического содержания, как иногда полагают, противопоставляя так называемые «грамматические» падежи «семантическим». Тем не менее на синтаксическом уровне эти формы уподобить трудно.

Для тюркских языков спорной является и необходимость включения в понятие синонимии управляемых форм случаев типа *ormana girmek/ormanın içine girmek* 'войти в лес', *suçu birine atmak/suçu birinin üstüne atmak* 'взвалить вину на кого-либо', когда синтаксическое отношение выражается каким-нибудь пространственным падежом, который может конкретизироваться служебным именем-последелогом, являющимся, по образному выражению А. Н. Кононова, как бы «подставкой» для падежа. Наличие или отсутствие служебного имени-последелого не влияет на падежную форму, и таких имен, уточняющих значение падежа, при одном и том же глаголе может быть не одно и не два. Сравните, например, способы выражения валентности места при глаголе *durmak* 'стоять': *masada/masanın üstünde durmak* 'стоять на столе'; *tezgân başında durmak* 'стоять у станка'; *ağacın altında durmak* 'стоять под деревом' и т. д.

В тюркологической литературе предпринимаются попытки отрицать служебность таких имен¹⁹. По-видимому, нет основания говорить в этих случаях о разных формах выражения синтаксического отношения, так как управляемая форма здесь одна — падежная.

В тюркологии спорным считается вопрос интерпретации выражения прямого объекта именем с аффиксом винительного падежа или без падежного аффикса. Имя в позиции прямого объекта без падежного показателя тюркские грамматики обычно относят к так называемому «основному» («абсолютному», «неопределенному») падежу, в специальных же работах его часто рассматривают как неоформленный винительный падеж²⁰. Если связывать винительный падеж с управлением, то есть считать падеж морфо-синтаксической категорией²¹, то логично признать и неоформленный винительный падеж; тогда и в этом случае нет основания говорить о синонимии управляемых форм, так как здесь выступает одна падежная форма (с формантом или без него).

Разные управляемые формы, выражающие одну и ту же семантическую валентность, могут быть дополнительно распределены между глаголами одной лексико-семантической группы (например, формы, выражающие объект при глаголах эмоций, маршрут при глаголах движения, содержание при глаголах речи, мысли и т. д.). Такие лексически обусловленные формы именуются нами вариантами управляемых форм²².

Факты вариантности управляемых форм в тюркских языках еще не проанализированы. В общелингвистическом плане они, на наш взгляд, тоже не вполне оценены. Но именно такие факты дали повод С. Д. Кацнельсону говорить о различии функциональной и формальной переход-

¹⁹ См.: К. М. Любимов. Имена существительные с пространственным значением в турецком языке (в печати).

²⁰ См., например: Ю. М. Сеидов. Словосочетания в азербайджанском языке. Автореф. докт. дисс. Баку, 1965.

²¹ См.: Р. Ф. Зарипов. Категория падежа в башкирском языке. Автореф. канд. дисс. Уфа, 1971.

²² Ср. понятие «лексически обусловленных синтаксических вариантов» у Д. С. Станишевой: Д. С. Станишева. О падежных вариантах. — «Славистичен сборник (по случаю V Международен конгрес на славистите в София)». София, 1963; *ее же*: Винительный падеж в восточнославянских языках. София, 1966.

ности (например, русские глаголы «поддерживать» и «помогать» переходны в функциональном отношении, формально же переходен только глагол «поддерживать», управляющий винительным падежом)²³.

Как нам кажется, лексически обусловленные синтаксические варианты должны изучаться на фоне синонимии (квазисинонимии) управляемых форм, так как некоторые различные формы выражения одной и той же семантической валентности могут одновременно выступать и как синонимы, и как варианты (в указанном выше смысле), и это, очевидно, не случайно.

Падежная вариантность поддерживается семантическими различиями в глаголах. Например, при описании управления глаголов эмоций обычно основное внимание уделяется различию значений форм исходного и дательного падежей, обозначающих объект эмоций²⁴. Отмечено, что объектное значение, выраженное формой исходного падежа, близко к значению причины, и это объясняется тем, что глагол обозначает отрицательные эмоции, испытываемые субъектом от объекта²⁵. Сравните: *birinden bezmek*, *tiksinmek* 'питать отвращение к кому-либо'; *birinden ürkmek* 'пугаться кого-либо'; *birinden çekinmek* 'стыдиться, стесняться кого-либо'; *ondan nefret etmek* 'ненавидеть его'.

Глаголы, управляющие дательным падежом, могут обозначать как положительные, так и отрицательные эмоции. Сравните: *birine gücenmek* 'обижаться на кого-либо'; *birine hürmet etmek* 'уважать кого-либо'; *birine hayret etmek* 'удивляться кому-либо'.

Нам кажется, форма исходного падежа по своей семантике ближе к значению отрицательности эмоций, поэтому, видимо, она чаще сочетается с глаголами, включающими в свою семантику такой компонент.

Формы исходного и дательного падежей, обозначающие объект эмоций, могут выступать и как квазисинонимы, например, при глаголах: *korkmak* 'бояться', *memnun olmak* 'радоваться', *utanmak* 'стыдиться', *sinirlenmek* 'раздражаться', *gülmek* 'потешаться, смеяться над кем-либо' и др.

Сравните: *bunu konuşmağa utanmak* 'стыдиться говорить об этом'; ... *kendi heyecanından utanırım* (S. Ali) 'я стыжусь своего волнения' (К, 89).

При глаголе *utanmak* дательный и исходный падежи дополнительно распределены: дательный падеж оформляет инфинитив, а исходный — имя. При глаголе *memnun olmak* два разных падежа, возможно, свидетельствуют о различии значений (или оттенков значений): *memnun olmak* с исходным падежом скорее обозначает не «радоваться», а «быть довольным». Сравните: при глаголе *şaşmak* дательный падеж указывает на значение «удивляться», а исходный — на значение «теряться».

Вариантами дательного и исходного падежей при глаголах эмоций, с нашей точки зрения, следует считать также:

а) винительный падеж при глаголах: *sevmek* 'любить кого-либо'; *saymak* 'уважать кого-либо'; *beğenmek* 'симпатизировать кому-либо'; (*kimseleri beğenmemek* 'никому не симпатизировать');

б) и имя с послелогом *ile* при глаголах: *zevklenmek* 'наслаждаться чем-либо'; *övünmek* 'гордиться, хвалиться чем-либо'.

²³ С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, стр. 50—51.

²⁴ Сравните примеры на параллельное употребление дательного и исходного падежей, приводимые С. Н. Ивановым (большинство примеров с глаголами эмоций): С. Н. Иванов. Курс турецкой грамматики, ч. I. Л., 1975, стр. 50—52.

²⁵ Там же, стр. 45.

При глаголе *sevinmek* 'радоваться' три управляемые формы: исходный падеж, дательный падеж и имя с послелогом *ile* употребляются как синонимичные. Сравните:

habere sevinmek 'радоваться известию', *oyuncaktan sevinmek* 'радоваться игрушке'; *kutlamakla seviniyorum* 'я рад (радуюсь) поздравить'.

Большое разнообразие форм наблюдается и в обозначении маршрута при глаголах движения. Известно, что при глаголах движения винительный падеж соотносится с пространственными падежами, обозначая более полный охват пространства. В значении маршрута могут употребляться как варианты все приглагольные падежные формы, а также имя с послелогом *ile* или *içinden*. Сравните: *deniz kenarından yürümek* 'идти берегом моря'; *sofaıı yürümek* 'идти по коридору'; *köyün içinden geçmek* 'пройти деревней'; *meydanda dolaşmak* 'бродить по площади'; *merdivenle inmek* 'спуститься по лестнице'; *merdivene çıkmak* 'подняться по лестнице'.

Многие из этих форм при некоторых глаголах употребляются как синонимы. Например:

merdivene/merdivenle/merdivenleri çıkmak 'подняться по лестнице'; *Kapıyı sessizce geçtik... Merdivenleri çıktık* (R. Enis) 'Мы бесшумно миновали дверь... Поднялись по лестнице' (К, 88). *Ahçı pekmez almak için merdivenle içinin uyanına çıkmış* (Сказка) 'Повар поднялся по лестнице к бочке, чтобы взять пекмез' (К, 92). *Ahçı ... gene merdivene çıkmış* (Сказка) 'Повар ... опять поднялся по лестнице' (К, 92).

Рассмотренные случаи параллельного управления связаны с большим или меньшим семантическим различием, обусловленным либо семантикой управляемой формы, либо сложной структурой управляющего глагола, а чаще всего взаимодействием семантики глагола и управляемой формы. В этой связи интересно обратиться к примерам, в которых пункт приложения действия передается формами дательного и исходного падежей: с исходным падежом употребляются глаголы со значением хватания, а с дательным — глаголы со значением касания²⁶, хотя эти различия могут и нейтрализоваться:

birinin kolundan yakalamak 'схватить кого-либо за рукав/за руку'; *birinin omuzundan tutmak* 'схватить кого-либо за плечо'; *elinin omuzuna koymak* 'положить руку ему на плечо'; но: *birinin eline uyarışmak* 'уцепиться за чью-либо руку'.

Причины различий в каждом отдельном случае заслуживают детального изучения. Однако не меньшее значение имеет и семантическое сходство разнооформленных управляемых имен, базирующееся на обозначении одной семантической валентности.

Много вариантов наблюдается в выражении валентности содержания при глаголах речи, мышления: кроме форм винительного и исходного падежей, употребляются разные послеложно-падежные формы с послелогом *için*, *üzerine/üzerinde*, *hakkında*, *dair*, *ait*, которые могут выступать и как синонимы. Сравните:

ancak kendini düşünmek 'думать только о себе'; *Neden bahsettiniz?* 'О чем вы говорили?'; ... *iş üzerine birçok konuştular* (R. Halit) '... они довольно много говорили о работе' (К, 332); *Biz onun hakkında hiç bir şey bilmezdik* (İhs. Devrim) 'Мы ничего не знали о нем' (К, 344); *Ben size çocukluğumu ve babama ait hatırlıyabildiğim bazı şeyleri söylerim* (S. Ali) 'Я расскажу вам о своем детстве и о некоторых вещах, которые я смогла запомнить о моем отце' (К, 325); ... *kendi kızına dair hiç bir*

²⁶ См.: С. Н. Иванов. Указ. раб., стр. 92—93.

şey bilmiyordum (S. Ali) 'Я ничего не знал о своей собственной дочери' (К, 325)

Значения падежных и послеложно-падежных форм часто могут сближаться, и это создает почву для их параллельного употребления. Например, как синонимы могут употребляться:

а) имя с послелогом *için* и имя в дательном падеже при выражении валентности товара: Bu kitap için/bu kitaba iki ruble verdi 'Он заплатил (отдал) за эту книгу два рубля';

б) имя с послелогом *ile* и имя в исходном падеже при выражении причины: ... korku ile titrer (S. Derviş) '... дрожит от страха/со страху' (К, 316); korkudan titremek 'дрожать от страха'.

Особенно часто могут параллельно употребляться примыкающие падежные и послеложно-падежные формы²⁷. Сравните, например, выражение цели посредством имени в дательном падеже, а также имени действия или инфинитива с послелогом *için* при глаголах движения: Tenis takımını almak için eve uğradı (B. Cahit) 'Он зашел домой, чтобы взять принадлежности для тенниса' (К, 317); O da İstanbula derdine derman aramış gelmişti (S. Ali) 'И он приехал в Стамбул в поисках средства от своего недуга' (К, 86). Сравните также выражение причины формами исходного падежа или именем с послелогом *için*: Kömürsüzlükten, sevkıyattan, yolların bozukluğundan trenler öyle gayri muayyen işliyor ki... (S. Derviş) 'Из-за отсутствия угля, из-за воинских перевозок, из-за неисправности путей поезда ходят так нерегулярно, что...' (К, 93); Kırılmış bir bardak için ondan yediği dayağı tahattur ediyor... (S. Derviş) 'Она припоминает побои, полученные ею от него из-за разбитого стакана' (К, 318).

В примыкающих формах лексико-семантическая ориентированность падежных и послеложно-падежных форм не носит выраженного характера, но вследствие их большей семантической по сравнению с управляемыми формами их семантическое сходство прозрачнее.

Возможность синонимии и варианты управления, выполняемая естественная для языков с развитой системой управления, свидетельствует о сложном взаимодействии формы и смысла в словосочетаниях, строящихся по типу управления.

Факты синонимичного (квазисинонимичного) и вариативного управления, с нашей точки зрения, не опровергают традиционного понимания управления как закономерной зависимости формы подчиненного элемента от значения господствующего элемента: диапазон сочетаемости с разными управляемыми формами определяется в конечном счете лексическим значением глагола или ряда глаголов одной лексико-семантической группы. Подобные факты свидетельствуют о том, что эта зависимость не является ни жесткой, ни автоматической, а связана с выбором, определяющимся совокупностью факторов, и в этом смысле они уточняют понятие управления. Необходимость же уточнения, если не пересмотра понятия управления, очевидна прежде всего из-за неоднозначности этого термина и неудовлетворительности многих его определений, приводящих некоторых авторов к отказу от самого понятия управления²⁸. Эта необходимость в немалой степени вызвана еще

²⁷ Ср.: И. Пулатов. Вопросы синонимии синтаксических конструкций в типологическом освещении (на материале соотношения падежных и послеложных конструкций в некоторых тюркских языках). — В кн.: «Аспекты лингвистического анализа». М., 1974.

²⁸ Ср.: М. З. Закиев. О целях и задачах изучения словосочетания в тюркских языках. — В сб.: «Материалы научной сессии „Проблемы словосочетаний в тюркских языках“». Чебоксары, 1975, стр. 4.

и тем, что в последнее время в лингвистике в связи с разработкой проблем валентности предпринимаются попытки углубить (семантизировать) понятие управления. Так, Ю. Д. Апресян предлагает различать **семантическое управление** («наличие у слова семантических валентностей») и **синтаксическое управление** («возможности их реализации в тексте»), при этом и семантическое, и синтаксическое управление подразделяется им на обязательное (сильное), факультативное (слабое) и нулевое²⁹. Но при таком подходе понятие валентности и понятие управления совпадают, и одно из них становится лишним. Нам кажется, что, поскольку понятие управления — традиционно синтаксическое, его стоит сохранить именно как синтаксическое, а точнее, лексико-синтаксическое. Однако вопрос о разграничении понятий валентности и управления требует специального рассмотрения.

²⁹ Ю. Д. Апресян. Указ. раб., стр. 155.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

М. Р. ФЕДОТОВ

О НЕКОТОРЫХ ОГУЗСКИХ ЧЕРТАХ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

1. Благодаря установлению новых фактов ареального или генеалогического характера классификационные схемы тюркских языков медленно, но последовательно уточняются и пополняются.

2. *Огузы* (или *гузы*, *узы*) в VI—XI веках н. э. создали кочевую империю, территория которой простиралась от Китая до Черного моря. Существует мнение, что памятники орхонской письменности VI—VIII веков отражают древнейший период развития огузского языка. Этот тезис в известной мере спорный, ибо подобного рода предположения высказываются и относительно уйгуров, тем не менее после дешифровки орхонских памятников в честь Кюль-Тегина и Тоньюкука [в которых по несколько раз встречаются выражения *токуз огуз* 'девять (племенных объединений) огузов', *огуз бодун* 'огузский народ' или просто *огуз* в разных падежных формах¹] стало ясно, что огузы в тот период были самым многочисленным народом тюркского каганата.

В. В. Бартольд, разделяя взгляды В. В. Радлова, писал, что «турки VI—VIII вв. принадлежали к народу огуз» и что «орхонские тюрки и огузы один и тот же народ»². Этому утверждению не противоречат и известные исторические события, происходившие в тот период в Монголии, поскольку «огузы, к которым относятся орхонские надписи, были скоро вытеснены уйгурами, а уйгуры, в свою очередь, были вытеснены другим народом тюркского происхождения, пришедшим с верховья Енисея, — киргизами. Это произошло в 840 г.»³.

Перемещаясь из Центральной Азии на запад в VIII—XI веках, огузы распались на три части. Одна часть (будущие туркмены) осела по нижнему течению Сырдарьи, то есть в Приаралье. Другая часть — сельджукиды, пройдя через Закавказье и частично осев там, закрепилась в Малой Азии, а впоследствии завоевала «все страны от Китайского Туркестана до границ Египта и Византийской империи»⁴. Третья часть, перейдя реки Урал и Волгу, вторглась в Восточную Европу и впоследствии смешалась с древними кыпчаками и другими народами. Конечным результатом этно-лингвистической децентрализации огузской

¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 27, 61, 64.

² В. В. Бартольд. Сочинения, т. V. М., 1968, стр. 39—40, 428.

³ Там же, стр. 432.

⁴ Там же, стр. 525.

общности явилось, как известно, образование современных тюркских языков: турецкого, азербайджанского, туркменского и гагаузского.

3. Языки огузской группы получили подробное освещение в литературе⁵, поэтому, не останавливаясь на их характеристике, обратимся к теме нашего сообщения.

4. Чувашский язык характеризуется рядом особенностей, происхождение которых нельзя объяснить ни субстратным финно-угорским наследием, ни влиянием татарского языка, носителя основных черт кыпчакской языковой общности.

В настоящем небольшом сообщении мы остановимся на тех чертах чувашского языка, которые сближают его с языками огузской группы.

Долженствовательное наклонение глагола. 1) Долженствовательное наклонение глагола имеется во всех тюркских языках, но выражаемые им понятия долженствования, необходимости, надобности в разных языках реализуются различно. Так, например, в языках огузской общности (турецком, азербайджанском, туркменском, гагаузском) долженствовательное наклонение образуется прибавлением к основе глагола аффикса *-malı/-meli*. К огузской группе языков в этом отношении примыкает и чувашский, в котором долженствовательное наклонение образуется с помощью аффикса *-малла/-мелле*.

2) В огузских языках глагол долженствовательного наклонения в настоящем-будущем времени имеет два типа спряжения.

В турецком и азербайджанском языках к аффиксу *-malı/-meli* прибавляются аффиксы лица и числа:

Турецкий язык	Азербайджанский язык
1-е лицо — <i>yaz-malı-y-ım</i>	<i>јаз-малы-ј-ам</i>
2-е лицо — <i>yaz-malı-sın</i>	<i>јаз-малы-сан</i>
3-е лицо — <i>yaz-malı</i>	<i>јаз-малы-дыр</i>
1-е лицо — <i>yaz-malı-y-ız</i>	<i>јаз-малы-ј-ыг</i>
2-е лицо — <i>yaz-malı-sınız</i>	<i>јаз-малы-сыныз</i>
3-е лицо — <i>yaz-malı-lar</i>	<i>јаз-малы-дырлар</i> .

3) В туркменском и гагаузском языках долженствовательная форма не принимает личных окончаний, их заменяют личные местоимения. Точно так же спрягается долженствовательная форма чувашского глагола:

Туркменский язык	Гагаузский язык	Чувашский язык
1-е лицо — <i>мен</i>	<i>бӑн</i>	<i>ман(ӑн)</i>
2-е лицо — <i>сен</i>	<i>сӑн</i>	<i>сан(ӑн)</i>
3-е лицо — <i>ол</i>	<i>о</i>	<i>ун(ӑн)</i>
1-е лицо — <i>биз</i>	<i>биз</i>	<i>пирӗн</i>
2-е лицо — <i>сиз</i>	<i>сиз</i>	<i>сирӗн</i>
3-е лицо — <i>олар</i>	<i>оннар</i>	<i>вӗсен</i>

4) Долженствование или необходимость, отнесенные к прошлому вообще, передаются с помощью глагола *и-* (<эр-) 'быть', который при спряжении может выступить либо как самостоятельное слово, либо как простой аффикс оказуемости. В чувашском от вспомогательного глагола остался лишь его аффикс прошедшего времени *-чӗ* (т'ё), соответствующий тюркскому *-di*. Например: тур. *yaz-malı-y-di* или *yaz-malı-idi*, азерб. *јаз-малы-иди*, ср. чув. *сыр-малла-чӗ* 'надо (нужно) было писать'.

⁵ См.: Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 242—244.

5) Отрицательная форма долженствовательного наклонения в огузских языках образуется двояким образом. В одном случае отрицание выражается аффиксом *-ма (-ме)*: тур. *yaz-ta-mali*, азерб. *jaz-ма-малы*, гаг. *йаз-ма-малы* 'не должно (нужно) писать'; в другом случае — посредством постпозитивного слова *дэл* или *дејил* 'нет', 'не', на месте которого в чувашском языке стоит *мар* (<э-мэс) 'нет', 'не': туркм. *яз-малы дэл*, азерб. *jaz-малы дејил*, чув. *сыр-малла мар* 'не должно (нужно) писать'.

6) Кроме того, в туркменском языке отрицательная форма рассматриваемого наклонения выражается аффиксом *-сыз (-сиз)*, являющимся антонимичной формой аффикса *-лы (-ли)*: туркм. *яз-ма-лы* 'должно (необходимо) писать', но *яз-ма-сыз* 'не должно (нужно) писать'. Предположения А. Казембека, Ж. Дени⁶ о том, что аффикс долженствовательного наклонения состоит из *-та- + -li-* (где *-та-* — аффикс отглагольного имени, *-li-* — словообразовательный аффикс), подтверждается фактами чувашского языка, в котором этот аффикс образуется от глагольного существительного на *-ма (-ме)* и аффикса *-ла (-ле)*, на что было указано еще Н. И. Ашмарин⁷.

7) Долженствовательное наклонение одновременно содержит оттенки предположения. Это особенно проявляется в глаголе «быть», который перешел в разряд модального слова. Точно так же чувашский глагол *пулмалла* вовлекается в сферу выражения модальности высказывания: гаг. *ол-малы өлежäm* 'должно быть, умру'⁸ = чув. *вилетп пулмалла id.*

8) Некоторые грамматики глагольные формы на *-maly (-meli)* включают в разряд причастий. Причастия с этим аффиксом обозначают признак действия, которое должно быть выполнено: азерб. *кәр-мәли тамаша* = чув. *кур-малли тамаша* 'спектакль, который стоит смотреть', азерб. *ич-мәли су* = чув. *ёҫ-мелли шу* (= *шыв*) 'вода, которую можно пить' (= 'питьевая вода') и др.

9) Употребляющийся в некоторых диалектах и наречиях марийского языка (в горномарийском, северо-западном наречиях и в некоторых говорах лугового наречия) аффикс *-мыла (-мьлӓ)* связан с чувашским языком. Он встречается не только в составе чувашских заимствований (мар. *витымыла* 'нужно проникать' < чув. *витмелле id.*, *сырымыла* 'нужно писать' < чув. *сырмалла id.*, *канымала* 'нужно отдыхать' < чув. *канмалла id.*, но и в исконных марийских словах: *Звенигово манмыла*, *кудышко каймыла* 'По-звениговски говоря, нужно идти домой'; *Киндым веремӓштӹ поген нӓлмӓлӓ* 'Хлеб надо убрать вовремя'. И. С. Галкин считает, что мар. *-мыла* восходит к финно-угорским источникам (однако он не приводит ни одного примера с этим аффиксом из других финно-угорских языков): он, по его мнению, сложился из суффикса имени действия на *-ме (-о, -ӧ)* и наречного (лативного) суффикса *-ла*⁹. Однако эту точку зрения разделяют не все финно-угроведы. Г. И. Лаврентьев утверждает, что мар. *-мыла*, выступающий в составе инфинитива долженствования, является тюркским заимствованием¹⁰.

⁶ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, § 496, стр. 244.

⁷ Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка, ч. 1—2. Казань, 1898, § 73, стр. 311.

⁸ Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. М., 1964, стр. 216.

⁹ И. С. Галкин. Историческая грамматика марийского языка, ч. 1. Йошкар-Ола, 1964, стр. 161.

¹⁰ Г. И. Лаврентьев. История инфинитивных образований и сходных с ними форм в марийском языке. — «Вопросы финно-угроведения», вып. V. Йошкар-Ола, 1970, стр. 101.

10) В говоре татар нагорной стороны Татарской АССР встречается также аффикс *-маллы (-мәлле)* с тождественным значением. Рассматривая морфологические особенности нурлато-кайбицкого подговора, Н. Б. Бурганова отмечает, что *-маллы (-мәлле)* употребляется в речи жителей Подберезинского, Кайбицкого и Нурлатского районов Татарской АССР, непосредственно соседствующих или живущих в одних и тех же населенных пунктах с чувашами. Это по преимуществу так называемые крещенные татары, представляющие собою отатаризованных чувашей, потерявших свой язык, но сохранивших чувашский быт. Форма на *-маллы (-мәлле)*, *-малы (-мәле)* данного подговора соответствует главным образом *-ырга (-ергә)* татарского литературного языка: *бармаллы* 'нужно идти' = лит. *барырга* id., *килмәлле* 'нужно прийти' = лит. *килергә* id., и т. д. Глагольная форма на *-маллы (-мәлле)*, *-малы (-мәле)* не существует в других диалектах и говорах татарского языка. Она рассматривается как результат влияния проживающих по соседству чувашей¹¹.

Что касается формы *-малы (-мәле)*, встречающейся в мензелинском говоре¹², распространенном в основном на востоке Татарской АССР и западе Башкирской АССР, то она попала туда вместе с переселенцами, выходцами из нагорной части современной Татарии, что подтверждается историческими документами прошлых веков.

Рассматриваемый нами аффикс в других тюркских языках не встречается. Что касается казахского омофона-аффикса *-мала, -меле (итер-итермелле, көтер-көтермелле, сау-саумала, жул-жулмала)*¹³, то он выражает многократность действия и является фонетическим вариантом аффикса многократного действия *-қыла, -киле: ат- 'стрелять' — атқыла 'постреливать', жүр- 'идти' — жүргеле- 'пройтись, прохаживаться'* и т. д.

Таким образом, в чувашском языке форме долженствования с аффиксом *-малла (-мелле)* присущ огузский характер.

5. Во многих современных тюркских языках в образовании сложных (составных) форм изъявительного наклонения, прежде всего — прошедшего времени, большую роль играет форма прошедшего времени от глагольного корня *er- 'быть' > e- > i-*, который имеет единственную форму спряжения (языки в нижеследующей таблице даны выборочно):

Языки	Единственное число			Множественное число		
	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Др.-тюрк.	er-ti-m	er-ti-g	er-ti	er-ti-m-iz	er-ti-g-iz	
Як.	э-ти-м	э-ти-ң	э-ти	э-ти-б-ит	э-ти-г-ит	э-ти-ләр
Узб.	э-ди-м	э-ди-ң	э-ди	э-ди-к	э-ди-ң-из	э-ди-ләр
Тат.	и-де-м	и-де-ң	и-де	и-де-к	и-де-г-ез	и-де-ләр
Башк.	и-не-м	и-не-ң	и-не	и-не-к	и-не-г-ез	и-не-зәр
Тур.	i-di-m	i-di-n	i-di	i-di-k	i-di-n-iz	i-di-ler
Азерб.	и-ди-м	и-ди-н	и-ди	и-ди-к	и-ди-н-из	и-ди-ләр

¹¹ Н. В. Бурганова. Особенности говора татар нагорной стороны ТАССР. — «Материалы по диалектологии». Казань, 1955, стр. 48—52.

¹² Л. Т. Махмутова. О татарских говорах северо-западных районов Татарской АССР. — «Материалы по татарской диалектологии». Казань, 1962, стр. 66.

¹³ И. Е. Маманов. Глагольные виды и их выражения в казахском языке. — «Вопросы грамматики тюркских языков». Алма-Ата, 1958, стр. 33.

Две последние турецкие и азербайджанские формы употребляются редко¹⁴.

5.1. В языках огузской группы и в чувашском языке древнетюркский глагол ег- 'быть' в процессе языковой эволюции лишился корневой части, что привело к утрате им лексического значения. При этом недостаточный (ущербный) глагол превратился в обычный грамматический показатель времени в форме -dy/-di/-ty/-ti- ~ чув. *п'ё* (-чѣ) и стал примыкать непосредственно к причастным, деепричастным, инфинитивным формам, а также к именам. В отношении последних наблюдается полное совпадение между туркменским, азербайджанским и чувашским языками. Приведем примеры: туркм. *онуң бармакларында хатара йүзүкди* = чув. *унан пурнисенче йёркине сёрёччѣ* 'у нее на пальцах были кольца в ряд'; туркм. *гөзлери гөкди* = чув. *кусёсем кавакчѣ* 'глаза его были голубые'; туркм. *октябрын йигримисиди* = чув. *октябрѣн сирёммёшччѣ* 'было двадцатое октября'; туркм. *дил герекиди* = чув. *чѣлхе кирлеччѣ* 'нужен был язык'; туркм. *барды* = чув. *пурчѣ* 'был (была, было)'; туркм. *екды*¹⁵ = чув. *сукчѣ* 'не был (было, была)'; азерб. *тələбади* (вм. *тələbə иди*), азерб. *kəzəlди* (вм. *kəzəl иди*), азерб. *bizimди* (вм. *bizim иди*) и др.¹⁶, которым соответствуют чувашские переводы *студентчѣ* 'был студентом', *илемлеччѣ* 'был красивым', *пиренччѣ* 'был наш'.

Ввиду неидентичности всех сложных (составных) форм времени в чувашском и огузском языках невозможно проводить обширные сопоставления, к тому же последние не играют, пожалуй, решающей роли в выяснении процесса становления недостаточного глагола. Главное состоит в том, что сложные формы изъяснительного наклонения (например, определенный имперфект, неопределенный имперфект, прошедшее длительное время, давнопрошедшее I время, давнопрошедшее II время, будущее-прошедшее время, будущее-несовершившееся в турецком¹⁷, а также близкие к ним или идентичные с ними формы в азербайджанском, туркменском и гагаузском языках) образуются с помощью указанного выше недостаточного глагола или, как его часто называют, аффикса сказуемости. Приведем примеры на определенный имперфект, образуемый присоединением к основе настоящего времени недостаточного глагола: тур. *yazıyor-di-m* (-п, —, ...), азерб. *yazır-dы-m* (-н, —, ...), туркм. *yazır-dы-m* (-н, —, ...) ~ чув. *сырат-тă-м* (-н, —, ...), но тат. *язам-иде-м* (-н, —, ...) 'я писал (в тот момент)', 'ты писал', 'он писал' и т. д.

Или еще примеры на давнопрошедшее время, образуемое присоединением к деепричастной основе недостаточного глагола: азерб. *jazyb-dы-m* (-н, —, ...), туркм. *yazyp-dы-m* (-н, —, ...) ~ чув. *сырса-т(т)ă-м* (-н, —, ...) но узб. *ёзиб эди-м* (-н, —, ...) 'я написал (раньше, давно, тогда)'.

Нетрудно убедиться в том, что в процессе эволюции полнозначного глагола ег- 'быть' языки огузской группы и чувашский язык резко отмежевались от кыпчакских языков.

Эволюция глагола ег- 'быть' является одним из важнейших показателей классификации тюркских языков и позволяет проследить процесс постепенного приобретения тюркскими языками их современного вида. Несмотря на достаточно резкое различие между огузскими и кыпчак-

¹⁴ А. Н. Кононов. Указ. раб., § 478, стр. 237.

¹⁵ «Грамматика туркменского языка». Ашхабад, 1970, стр. 341—342.

¹⁶ Ф. Р. Зејналов. Түрк дилләринин мұғайисәли грамматикасы, II. Баки, 1975, стр. 61.

¹⁷ А. Н. Кононов. Указ. раб., § 478, стр. 237.

скими языками, их все-таки объединяет та особенность, что все они потеряли -г корня. Следовательно, огузские и кыпчакские языки, в том числе и чувашский, очень далеко отошли от первоначального, хотя бы древнетюркского (древнеуйгурского) состояния, которое характеризуется полной корневой комплексом. Но и это еще не все. В одном и том же языке могут сосуществовать две формы спряжения одного и того же глагола. Помимо огузских (азербайджанского, турецкого), в современном якутском языке глагол «быть» представлен в трех формах: *är*, *ä*, *i*: *är* образует причастие настоящего времени *ärär* — причастие прошедшего времени, *ärbäh* — деепричастие на -н: *ärän* и деепричастие на *ä*: *ärä*, а также супин *ärä:pi*. Кроме того, *är* в качестве вспомогательного глагола образует императив: *Kälän är! Kälän ärđin! Kälän ärđinäp!*¹⁸. Как видим, якутск. *är* «быть» целиком и полностью сохранил свою древнетюркскую форму. Спряжение недостаточного глагола *ä-* (соврем. написание *э*) было показано в приведенной выше таблице. В якутском языке, судя по В. В. Радлову, существует также причастная форма на *i*: *ibit* < др.-тюрк. *эр-миш* > *и-миш* || *и-меш* [. — М. Ф.]: *ännit ibit üsü 'er soll gesagt haben'* (в совр. орфогр. *эппиэт эбит үһү*). На основании наличия в современном якутском языке трех форм глагола «быть» В. В. Радлов сделал чрезвычайно остроумный вывод о постепенной тюркизации якутского языка (*Die Stufenweise Türkisierung des Jakutischen*)¹⁹. Оставляя в стороне спорный тезис В. В. Радлова о генезисе якутского и чувашского языков, отметим справедливость его утверждения, что древнетюркский (древнеуйгурский) ег- «быть» претерпевал постепенное, последовательное изменение: ег- > е- > i-. Что касается недостаточного глагола чувашского языка, то его эволюция остановилась на уровне развития огузских языков.

6. Причастия в огузских и чувашском языках не представляют собой единой морфологической системы, поскольку существующие в современных языках причастные формы возникли после распада общетюркского языка. Но один тип причастия, причем наиболее древний, обозначающий действие, совершаемое главным образом в настоящее время, образуется аффиксом -ап (-en), причем после гласных основ глаголов для устранения зияния возникает эпентетическое -j-: тур. *akan su*, азерб. *ахан су* «текущая вода» ~ чув. *юхан шыв* (> *шу*) id.; тур. *okuyan adam*, азерб. *охујан адам*, туркм. *окаян адам* «читающий человек»; тур. *uçan kuş*, азерб. *учан гуш* «летающая птица» ~ чув. *вёсен каййак* id., гаг. *авада учан лелек* «анст, летящий по воздуху»²⁰ и т. д. Причастие настоящего времени с указанным аффиксом может употребляться в виде парно-повторного или антонимичного словосочетания: туркм. *алан-берйэн* «берущий и дающий»²¹ ~ чув. *паран-илен* id., туркм. *алян-алмаян* «берущий не берущий»²² ~ чув. *илен-илмен* id., гаг. *гелән-гечән турнеләр* «пролетающие журавли»²³ ~ чув. *килен-каян тәрнәсем* id. и многие другие.

Причастие с аффиксом -ап (-en), -јап (-jen) может употребляться для выражения действия, отнесенного к прошлому: гаг. *кендигелән* «сам

¹⁸ W. Radloff. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türkischen Sprachen. СПб., 1908, стр. 50.

¹⁹ Там же.

²⁰ Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. М., 1964, стр. 231.

²¹ «Грамматика туркменского языка», ч. I. Ашхабад, 1970, стр. 364.

²² Там же.

²³ Л. А. Покровская. Указ. раб., стр. 231.

пришедший'²⁴, туркм. *алан адам* 'взявший человек', *гелен адам* 'пришедший человек', *ока:н оглан* 'читающий мальчик'²⁵.

Это обстоятельство некоторым тюркологами дает повод утверждать, что исторически аффикс -ап (-еп) восходит к аффиксу -gaп (-gen), -qaп (-qen)²⁶, образующему в остальных тюркских, по преимуществу кыпчакских языках, причастия прошедшего времени (в чувашском языке аффикс -а(кан), -е(кен) образует причастия настоящего времени: *сыракан* 'пишущий', *вулакан* 'читающий').

Не подлежит сомнению, что аффиксы -ап и -(а)qaп этимологически связаны между собой, но их словообразовательная функция далеко не одна и та же. Надо полагать, что многие причастные формы на -ап еще в эпоху общетюркского языка стали субстантивироваться, о чем говорят существующие как в огузских, так и в кыпчакских, а также в чувашском языках отглагольные именные формы на -ап, представляющие собой архаичный пласт лексики: др.-тюрк. *ajraп* (< *adīr*, *adīr*, *ajīr* - 'разделять, отделять друг от друга, разлучать', туркм., азерб. *айран*, тат. *эйрэн*, чув. *ойран/уйран* 'напиток из кислого снятого коровьего молока'; др.-тюрк. *julaп*, тур. *yulaп*, азерб. *jылан*, тат. *елан*, алт. *дылан* (< *jyl* - ~ *дыл* ~ як. *сыыл* 'ползать'), чув. *сёлен* 'змея'; тат., башк., каз., кирг., алт., хак. *туган* (< др.-тюрк. *toγ* - 'рождаться, возникать, появляться'), чув. *таван* и др.

По мнению Н. З. Гаджиевой, предположение о том, что аффикс -ан является результатом упрощения аффикса -ган, -кан «не подтверждается данными исторической фонетики тюркских языков», поэтому она полагает, что вероятнее всего «причастие на -ан в огузских языках прямо продолжает отглагольное имя на -ан, существовавшее еще в общетюркскую эпоху»²⁷.

Независимо от существования противоположных мнений относительно генезиса аффикса -ап, его участие в образовании причастий настоящего (реже прошедшего) времени в языках огузской группы в чувашском очевидно. Таким образом, нам здесь хотелось бы подчеркнуть, что в чувашском языке в образовании наиболее древнего типа причастия на -ап проявляется огузский морфологический и функциональный признак.

7. Определенное морфологическое сходство между огузскими и чувашскими языками проявляется и в области падежных аффиксов.

7.1. В языке орхоно-енисейских памятников, а также в огузских и чувашском языках родительный падеж образуется по общей схеме: после основ на согласные прибавляется аффикс -уң, -iң/-уп, -ip, а после основ на гласные — -пуң, -niң/-пуп, -nip, тогда как в кыпчакских языках, независимо от ауслаута основы, родительный падеж образуется с помощью аффикса -пуң, -niң/-пуп, -nip. Например: др.-тюрк. *qaγaп-uң*, *beg-iң*, тур. *at-ip*, азерб. *ат-ың*, туркм. *ат-ың*, чув. *от-аң* || *ут-аң*, но тат., башк. *ат-ның*, каз., кирг., ног. *ат-тың* (< *ат-ның*) 'коня', тур. *ана-nip*, азерб. *ана-нын*, туркм. *эне-ниң*, чув. *анне-нён*, то тат., башк. *эни-нең* 'матери'.

7.2. Дательный падеж в огузских и чувашском языках образуется также по общей схеме: после основ с конечным согласным прибавляется аффикс -а, -е, а после основ на гласные — появляется эпентетическое

²⁴ Л. А. Покровская. Указ. раб., стр. 231.

²⁵ «Грамматика туркменского языка», стр. 354.

²⁶ А. Н. Кононов. Указ. раб., § 513, стр. 251; «Грамматика туркменского языка», стр. 354; Л. А. Покровская. Указ. раб., стр. 230.

²⁷ Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, стр. 280—281.

-j, устраняющее зияние. В остальных тюркских языках, независимо от ауслаутной основы, дательный падеж имеет один показатель: -ga, -gä/-qa, -qä. Например: тур. *baş-a*, азерб., туркм., гаг. *баш-а*, чув. *поç-а/пуç-а* 'голове', тур. *diş-e*, азерб., туркм., гаг. *диш-е*, чув. *шăл-а* 'зубу', но тат., башк. *баш-ка* 'голове', *теш-кә* 'зубу'; гаг. *ев-ă*, но тат., башк. *өй-гә* 'домой'; туркм. *сув-а борян* 'идуший по воду', туркм. *Ашхабад-а* 'в Ашхабад', но тат., башк. *су-га*, *Ашхабад-ка*.

Если же основа слова в огузских и чувашском языках оканчивается на гласные -a, -ä, -i, то появляется эпентеза -j-, устраняющая зияние: тур. *turna-ja*, азерб. *дурна-ја*, чув. *тăрна-йа* 'журавлю', тур. *serce-je*, азерб. *сәрчә-јә*, чув. *серси-йе* 'воробью', гаг. *служба-йа* 'на службу' и др.

Для современного туркменского языка аффикс -йа, -йе как падежный формант не характерен, как не характерен и аффикс -га, -ге.

7.3. В огузских и чувашских языках определенный интерес представляет сходство форм личных местоимений в дательном падеже:

	Тур.	Азерб.	Туркм.	Гаг.	Чув.
1-е лицо	<i>бана</i>	<i>мәнә</i>	<i>маңа</i>	<i>бана</i>	<i>мана</i>
2-е лицо	<i>сана</i>	<i>әнә</i>	<i>саңа</i>	<i>сана</i>	<i>сана</i>
3-е лицо	<i>она</i>	<i>она</i>	<i>оңа</i>	<i>она</i>	<i>йна</i>

8. В заключение позволим себе привести одно слово из чувашского языка, которое, на наш взгляд, восходит к древнейшему периоду развития огузского языка и тем самым в какой-то мере подтверждает не инновативный характер описанных выше черт чувашского языка.

Древнетюркское слово *bodun* или *budun* 'народ' в современных тюркских языках не зарегистрировано. Можно полагать, что оно из актива тюркских языков было вытеснено очень ранним арабским заимствованием *халк* < ар. *خلق* 'люди', 'народ', 'сотворенный'. Но реликт древнетюркского *bodun/budun* существует в чувашском языке по сей день. Я имею в виду чув. *пётём(-д-)/пётен*, *пётён*, встречающееся в дублетной форме *тăван-пётен* (или в разных падежных формах)²⁸, первый компонент которой соответствует общетюркскому *туган* 'родня', 'родной' (тоу- ~ чув. *тăв-* 'родить'), а второй, *пётен* (закономерный чувашский глухой анлаут, чередование ауслаутных -н ~ -м), в памяти чувашского народа самостоятельно не сохранился, но в сочетании с первым обозначает принадлежность к определенной родовой общности: *тăвансем-пётенсем* 'родственники', то есть 'представители родовой общности', *тăванăм-пётенĕмрен уйрăлассăм çук* 'с родней (родственниками) никогда не разлучусь'.

²⁸ Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка, вып. X. Чебоксары, 1936, стр. 251.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

З. А. АХМЕТОВ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАЗАХСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Основные направления развития казахского литературоведения теснейшим образом связаны с общими проблемами советской литературной науки и определяются задачами, поставленными перед многонациональной советской литературой XXV съездом Коммунистической партии Советского Союза. Как для творческой деятельности писателей, так и для исследователей литературы исключительно важно глубокое постижение процессов формирования духовной культуры народа в эпоху развитого социализма. Идеиное единство многонациональной советской литературы неразрывно связано с единством всего советского народа — новой исторической общности людей. И полноценное раскрытие в литературе образа нашего современника возможно лишь при условии широкого и полного отражения советской действительности, нашего социалистического образа жизни.

Глубокое осмысление национального литературно-художественного опыта в тесной связи с художественной теорией и практикой многонациональной советской литературы в свете стоящих перед ней задач — одно из важнейших условий успешного развития любого национального литературоведения, в том числе и казахского.

Литературоведческая наука в Казахстане имеет значительные достижения, ею накоплен немалый опыт. Интересы дальнейшего развития литературоведения требуют изучения и обобщения этого опыта, подведения итогов разработки узловых проблем, с тем, чтобы наметить пути дальнейшего их исследования. Особую актуальность приобретает изучение общих тенденций и перспектив развития науки, а также ее методологических принципов.

Изучение казахского литературно-художественного творчества началось еще до революции и заключалось в основном в сборе и публикации образцов устно-поэтического творчества и произведений народных поэтов и сказителей.

Многое сделали в этом плане такие видные русские ученые, как В. В. Радлов, Г. Н. Потанин, И. Н. Березин, Н. Н. Пантусов, П. М. Мелиоранский, Н. Н. Ильминский, А. В. Васильев, А. Е. Алекторов. Огромное значение в этом отношении имела деятельность казахских просветителей Ч. Валиханова и И. Алтынсарина, а также неутомимого собирателя фольклора А. Диваева. Казахское литературоведение насчитывает немало работ, посвященных исследованию трудов этих ученых, однако необходимо продолжить, расширить и углубить эти исследования, под-

готовить и осуществить более полные издания фольклорных текстов, собранных ими.

После победы Советской власти работа по собиранию и изданию произведений устно-поэтического творчества, певцов и поэтов, публикации произведений нового, рожденного революцией поколения казахских писателей, стала проводиться планомерно и в больших масштабах. Вместе с тем заметных успехов достигло научное изучение казахского фольклора и истории казахской письменной литературы, сформировались соответственно самостоятельные области литературоведческой науки. Становление и развитие критики и литературоведения в республике прежде всего определялось потребностями бурно развивавшейся казахской литературы. Задачи строительства новой культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию, были неразрывно связаны с применением марксистско-ленинской методологии в научных исследованиях.

Руководствуясь ленинским принципом партийности литературы, ленинским учением о двух культурах в каждой национальной культуре прошлого, казахская литературная критика и литературоведение добились значительных успехов в разработке важнейших проблем развития литературы.

Литературоведами Казахстана написано и опубликовано большое количество работ, посвященных отдельным вопросам истории казахской литературы и современному ее состоянию, творчеству видных поэтов, писателей. Созданы учебники и учебные пособия для школ и филологических факультетов вузов республики, издан ряд крупных коллективных трудов обобщающего характера о казахской дореволюционной литературе, о народном устно-поэтическом творчестве.

Большой вклад в развитие казахского литературоведения внесли С. Сейфуллин, М. Ауэзов, С. Муканов, Х. Жумалиев, Е. Исмаилов, М. С. Сильченко, М. Габдуллин, А. Маргулан, Б. Кенжебаев, Т. Нуртазин, Б. Шалабаев и другие. Некоторые из них определили не только становление литературоведения в республике, но и развитие ряда его важных направлений. Так, например, с именем Мухтара Ауэзова связаны изучение жизни и творчества Абая Кунанбаева (абаяведение), разработка интереснейших аспектов казахской фольклористики, развитие таких важных областей литературоведения, как изучение русско-казахских литературных связей, литератур народов СССР и т. д.

Разработке проблем современной литературы посвящены труды литературоведов М. Каратаева, А. Тажибаева, С. Кирабаева, Р. Бердибаева, З. Кабдолова, М. Дюсенова, Т. Какишева, Х. Адибаева, М. Базарбаева, М. Хасенова, А. Шарипова, Б. Наурызбаева, А. Нарымбетова, Ф. Оразаева, М. Атимова, Р. Нургалиева и др.

Вопросы истории литературы, фольклористики и литературных связей находят освещение в работах Н. С. Смирновой, И. Дюсенбаева, Е. В. Лизуновой, Л. Ауэзовой, Е. Габдирова, К. Кереевой-Канафиевой, А. Дербисалина, Ш. Сатпаевой, Б. Уахатова, Т. Сыдыкова, О. Нурмагамбетовой, Е. Турсунова, С. Каскабасова, А. Конратбаева, М. Божеева, Р. Камысова и др.

Огромное значение для изучения литератур народов СССР, в том числе тюркоязычных, имеют русский язык, русская литература, богатый опыт русского литературоведения. Можно без преувеличения сказать, что молодая литературоведческая наука в Казахстане, как и в других советских республиках, сформировалась под непосредственным влиянием русского литературоведения.

Существенную помощь казахскому литературоведению оказывают видные советские литературоведы, в трудах которых наряду с освещением общих проблем развития советской литературы затрагиваются и отдельные вопросы казахской литературы (В. М. Жирмунский, Г. Ломидзе, З. Кедрина), а также работы видных узбекских, татарских, азербайджанских, киргизских, туркменских и других авторов.

Однако, несмотря на целый ряд несомненных общепризнанных достижений в изучении богатейшего казахского литературного наследия, имеются еще нерешенные проблемы.

В историко-литературоведческих работах порой недостает четкого конкретно-исторического анализа явлений литературы. Задача заключается в том, чтобы вести дальнейшую, более углубленную разработку истории дореволюционной казахской литературы в тесной связи с историей казахского народа и революционной борьбой всех народов России. В казахском литературоведении еще не выработана целостная концепция раскрытия процесса исторического развития казахской литературы в дореволюционную эпоху. Творчество ряда представителей литературы прошлого, оставивших довольно обширное художественное наследие, еще не получило должной, классово достаточно четкой оценки. Изучение всей дореволюционной литературы, устно-поэтического творчества должно вестись с современных идеологических позиций.

В работах литературоведов Казахстана обстоятельно освещены многие вопросы, связанные с развитием современной казахской поэзии, прозы и драматургии, проблемы интернационального характера и национального своеобразия современной казахской литературы, традиций и новаторства, формирования метода социалистического реализма.

Эпическая проза — ведущий жанр советской казахской литературы, и поэтому естественно, что творчество писателей — авторов крупномасштабных произведений находится в центре внимания литературоведов. Одним из значительных трудов, исследующих казахскую эпическую прозу, является книга М. Каратаева «Становление социалистического реализма в казахской литературе».

В ряде литературоведческих трудов дан анализ внутренней структуры изучаемых произведений современной казахской прозы, подробно рассматривается идейно-художественная функция таких компонентов произведения, как сюжет, характер героев, конфликт, композиция, изображение типичных обстоятельств.

К числу теоретических вопросов, разрабатываемых литературоведами на основе фактов и явлений казахской литературы, следует также отнести проблему положительного героя и его эволюцию в современной казахской литературе, вопросы диалектики мировоззрения и творчества писателя в произведениях казахских прозаиков, соотношение исторической правды и художественного вымысла в эпической прозе.

Литературоведы, изучающие литературный процесс последних лет, подчеркивают тяготение казахской прозы к монументализму, стремление ее к психологизму, к глубокому раскрытию характера современного человека.

Заметные успехи достигнуты в изучении проблем поэтики, теории стиха, а также вопросов, связанных с изучением языка, жанровой, композиционной структуры поэтических произведений.

В литературоведческих трудах затрагиваются вопросы своеобразия жанровых форм в литературе, композиции, образности языка, поэтического стиля и синтаксиса, ритмико-интонационного и звукового построения стихотворной речи и другие.

Изучение общетеоретических проблем, в том числе вопросов поэтики на основе фактов и явлений той или иной национальной литературы, принадлежит к числу актуальных задач советского литературоведения. Это изучение важно как с точки зрения общей теории литературы, так и в плане исследования национального живого историко-литературного процесса. Изучение национальной литературы в свете общих проблем теории литературы и поэтики особенно важно потому, что это дает возможность широкого осмысления связи национального историко-литературного процесса с развитием всей советской литературы.

При изучении современной казахской поэзии очень важно раскрыть тематическое и стилевое многообразие лирической поэзии, особенно последних лет, новизну художественного мышления, присущую авторам лучших произведений.

Значительное место уделяется учеными вопросам взаимосвязей казахской литературы с украинской, белорусской, узбекской, киргизской, татарской, туркменской, азербайджанской литературами.

Изучение русско-казахских литературных связей стало самостоятельной областью литературоведения. Этой проблеме посвящены работы известных авторов, докторские и кандидатские диссертации, сотни статей.

Создание в Институте литературы и искусства Академии наук Казахской ССР отдела русской литературы Казахстана, несомненно, будет способствовать еще более широкой и систематической разработке проблем русско-казахских литературных связей.

Углубленного изучения требуют также взаимосвязи казахской литературы с литературами народов Советского Востока, Средней Азии — узбекского, азербайджанского, киргизского, а также других народов нашей страны.

Большое значение для глубокого понимания процессов развития современной литературы имеет выдвинутое ЦК КПСС теоретическое положение о советском народе как новой исторической общности людей.

Анализ произведений современной литературы необходимо вести с учетом таких важнейших общих проблем, как изображение характера современного человека, его социалистического образа жизни, пролетарского интернационализма советского народа.

Освещая литературные явления, иные авторы почти не выходят за рамки фактов национальной литературы. Между тем многие явления различных национальных литератур имеют между собой немало общего. Литературоведы в этом отношении заметно отстают от самой литературы, тесно взаимосвязанной с литературами других народов СССР. Следует также признать, что не всегда достаточно высок уровень анализа художественных явлений. В литературоведческих трудах казахских исследователей еще встречается упрощенный поверхностный подход к литературным произведениям, идейное содержание которых не раскрывается в единстве с художественной формой, зачастую излагаются лишь наблюдения над отдельными компонентами формы.

Сейчас остро стоит вопрос о необходимости создания фундаментальных трудов обобщающего характера. Каковы же критерии фундаментальности в литературоведении? На годичной сессии Отделения литературы и языка Академии наук СССР, проходившей в середине марта прошлого года в Москве, справедливо подчеркивалось, что фундаментальность исследования неправильно понимать как объемность или широту тематики. Здесь должны действовать более четкие научные критерии, раскрывающие подлинную ценность трудов.

Конечно, не может быть требований, единых для всех работ — историко-литературных, теоретических, текстологических и т. д. Но несомненно одно, что, говоря о фундаментальности исследования литературоведа, следует иметь в виду прежде всего широту замысла, заложенного в основу работы, глубину проведенного исследования, его проблемность и высокий научно-теоретический уровень, насыщенность ценными материалами и данными, новизну подхода к решению проблемы.

При определении ценности, значительности научных трудов следует, руководствуясь решениями XXV съезда КПСС, учитывать прежде всего актуальность поставленных и освещаемых вопросов, их органическую связь с практикой, с задачами коммунистического строительства в области идейно-политического воспитания трудящихся.

История литературы, народного устно-поэтического творчества и особенно современный литературный процесс насыщены разнообразными фактами, сложными явлениями. Литературоведу, занимающемуся историей литературы или современной литературой, следует досконально изучить их, осмыслить и обобщить. Без этого невозможны какие бы то ни было выводы. В то же время возникает столь же важная необходимость в сосредоточении внимания на характерных особенностях литературного процесса. Без сочетания того и другого литературовед не может рассчитывать на успешность своей работы.

Необходимо шире развернуть теоретическое, проблемное изучение явлений литературы, развивать теоретические аспекты литературоведческих исследований, так как в казахском литературоведении в этом испытывается особенно острая нужда.

Разумеется, сказанное не должно быть истолковано как некое противопоставление теоретических и историко-литературных трудов, или теории литературы литературной критике.

Литературоведам следует чаще обращаться к трудам по обществоведению. Это их значительно обогатит идейно, поможет находить верные социальные и политические критерии оценки того или иного литературного явления или факта. Должен быть значительно расширен круг идейно-эстетических и художественных проблем, выдвигаемых литературоведами при изучении современного литературного процесса. При этом следует сосредоточить внимание и силы на самых актуальных исследовательских направлениях, целеустремленно и последовательно углубляясь в избранную проблему.

Глубже и полнее могут быть раскрыты литературоведами интернациональные черты национальных литератур советских народов, единство общесоюзного литературного процесса. Проблематика научных исследований в области литературоведения должна быть теснейшим образом связана с задачами идеологической борьбы на современном этапе.

Казахское литературоведение имеет свои сложившиеся направления, располагает, как уже отмечалось, значительными кадрами исследователей и критиков. Достигнутые успехи, в целом достаточно высокий уровень литературоведческой и литературно-критической мысли в республике создают предпосылки для успешного перехода к новому этапу в развитии казахского литературоведения в соответствии с задачами, выдвинутыми перед литературоведческой наукой и литературной критикой решениями XXV съезда КПСС и XIV съезда КП Казахстана.

ОНОМАСТИКА

М. М. ГИНАТУЛИН

МОТИВАЦИЯ НЕКОТОРЫХ ТЮРКСКИХ НАЗВАНИЙ ПТИЦ

Названия птиц имеют, как известно, различное происхождение. Ниже нами рассматриваются некоторые наименования, возникшие в результате подражания звукам, издаваемым самими птицами (см. в конце статьи «Литературу» — 3, 24).

Каз. ÄÜPILDEK 'выпь', *botaurus stellaris*.

Ср. каз. äйр — междометие, «выкрик при подъеме тяжести», äйpil-deu — крик выпи «äйр». Ср.: «время от времени, будто сляясь поднять гору, оглашает степь при каждой натуге тяжелым своим кличем „а-у-у-п!“ — выпь» (4, 9). Голос птицы — «глухой, чрезвычайно гулкий и басистый крик» (19, 59). В некоторых тюркских названиях выпи характерный крик птицы отражен описательно, ср. тат. külböя 'озерный бык', башк. һуи буһаһу 'водяной бык', кирг. көй бүгә 'озерный бык'. Ср. также русск. диал. *бугайчик* (выпь), описательно передающее крик птицы.

Каз. ŻEK duadaq 'джек', *otus undulata*.

Первая часть названия вида дрофы является звукоподражанием. Ср. крик птицы: «частое, сухое, отрывистое „трэ́кк-трэ́к“» (19, 204). Подражательная основа сближает žek с англ. jask 'молодая галка' и jetcock 'гаршнеп' (см. 22, 51). Птица распространена исключительно в Казахстане и Средней Азии (см. карту: 19, 198). Русское название «джек» заимствовано, очевидно, из южных говоров казахского языка, для которых характерна мягкость произношения (см. 18, 1, 510; 15, 4, 67).

QARŶA 'ворона', *corvus*.

В 17-томном Словаре русского языка приведена этимология: тюрк. qarŶa от qara 'черный' (см. 17, 5, 813). Такое объяснение происхождения qarŶa нельзя считать убедительным и поэтому признать правильным.

Название дано по крику «кар!». Ср. тур., крым.-тат., тат., кирг., кыпч., чагат. qarŶa, уйг. qarŶa, qarŶu, qarŶa, каракалп. qarŶa, кумык. *къаргъа*, таб. *къаркъа*, тат. посл. qarŶa qar-qar digända, tartar da tartar di 'когда ворона говорит «кар-кар», тогда и коростель говорит «тар-тар»' (8, 585). Ближе к нему и возникшее на подражательной основе русск. «каркать» (о вороне), вост. туркест. qar 'каркать': qarŶa qarŶa eteŶ öz köŶlönï özi хоŶ eteŶ 'ворона говорит «как» и делает себя счастливой' (23, 2, 122), морд. (мокшан.) qarŶa 'журавль', саам. guorga 'журавль', нан. gäki 'ворона', gäk-gäk 'каркать'. QarŶa в значении «проклинать, ругать» и qarŶaŶ 'проклятие, гнев божий' (5, 426) — вторичны по отношению к qarŶa 'ворона' и отражают суеверное представление о вороне как о птице, карканье которой может накликать беду.

Близость *qaqqa* к названиям вороны в других неродственных языках объясняется их звукоподражательным характером, ср. укр. (диал.) *кракун*, болг. *кроконъ*, полесск. *крук* 'ворон', англ. *crow*, дат. *kraai*, швед. *kråka* 'ворона', *kaja* 'галка', др.-инд. *kākas* 'ворона' (от крика *kā*, *kā*, см. 18, 4, 311).

QARQARA.

Данным словом в ряде тюркских языков обозначается цапля или журавль (*egretta*, *grus*). Ср. каз. *qarqara* 'цапля', кирг. *qarqura*, *qarqu-qaq tuŋpa* (в южных диалектах) 'журавль-красавка', узб. *qarqara* 'цапля', уйг. *qarīra* 'цапля, журавль', чагат. *qarqara*, тел. *qarqura*, тур. *qurqura* 'цапля' (по Радлову). Обнаруживает спонтанную близость с тамил. *kiruku* 'цапля', анд. *кьункьяра*, хвар. *кьиркьо*, лак. *кьурукъ* 'журавль', лит. *gaipys* 'аист, цапля', лтш. *gārnis*, *karnis* 'аист, цапля', сскр. *kaḡāyikā* 'род журавля'. В тюркских и некоторых других названиях, представляющих собой полную или частичную редупликацию консонантной основы Q—R, нашло отражение звукоподражание голосу крикливой малой белой цапли — каркающее «арк-арк-арк» (см. 19, 50), при частом повторении сливающееся в «кар-кар». Ср. кирг. *kark-kark* 'звукоподражание курлыканью': *asmanda qarq-qarq etip qarquralar* 'в небе курлыкают журавли' (20, 351), *qarq* 'звукоподражание громкому и грубому выкрику'; ойрот. *kyrkug* 'звукоподражание крику журавля'. Отметим также близость (но отнюдь не генетическую) *qarqara* звукоподражательным названиям некоторых других птиц: *qaraqara* — птица подсемейства соколиных в Южной Америке (*Polyborinae*, см. 21, 159), цах. *кiуркiурай* 'название особой породы голубя', русск. *гугуль* 'золотистая шурка' (в Алма-Атинской области), таб. *кэаркэар* 'сорока'.

Производными от *qarqara* являются некоторые топонимы. Ср. *Каркаралинские горы*, г. *Каркаралинск*¹ (от каз. *qarqaraly* 'местность, где водятся цапли'), *Куркура* — река на Алтае, *Каркара* — река в Алма-Атинской области.

Чокан Валиханов в 1856 году, проезжая высокогорную Каркаринскую долину вблизи озера Иссык-Куль, сделал следующую запись в своем дневнике: «Насекомых мы видели очень мало, почти не видели. В ночь 28 числа мы видели много *куркурий*. Здесь днем очень жарко, но ночи очень холодны...» (1, 257). Хотя нам и не удалось установить точного значения слова «куркурии», можно предположить, что Ч. Валихановым имелись в виду именно цапли или журавли, если учесть, что в весенне-летний сезон именно эти птицы и по сей день собираются в большом количестве в тех местах. На это указывает и само название реки и долины: *Каркара*. Народное предание объясняет происхождение этого названия несколько иначе. «Киргизы в один из набегов на калмыков захватили на этой реке двух молодых девушек, дочерей зайсана. Аул их только что снялся на кочевку. Они остались на месте, чтобы заняться туалетом и явиться на кош — сборное место — в нарядном и праздничном виде. На головах своих они имели перышки, султаны. Киргизы перья эти называют каркара. Вот и начало названия Каркары» (1, 257). Из легенды следует, что топоним образован от названия украшений из

¹ Этот топоним встречается уже в сочинении анонимного персидского географа X века «Китаб Худуд ал-'алам мин ал-Машран ила-л-магриб» («Книга о пределах мира от востока к западу»): «Каркар(а)хан — еще одна область, принадлежащая кимакам, и жители ее напоминают по (своим) обычаям хырхызов» (11, 44). Исследователи соотносят *Каркар(а)хан* с городом *Каркаралинском*, находящимся к юго-востоку от Семипалатинска. Из этого следует, что *qarqara* является одной из ранних тюркских основ.

перьев журавля-красавки (на шапочке девочки или девушки), что является вторым значением *qaqqa* в киргизском языке (см. 20, 351). Данная этимологическая легенда, как и большинство других, может лишь ввести в заблуждение: «Мифология есть не что иное, как болезнь языка» (2, 173).

Остается добавить, что родовое название журавля — *tyrna* (см. ниже), а *qaqqa* как видовое его наименование, имеет более позднее происхождение. Первоначальная двухэлементная форма, сохранившаяся в южном ареале киргизского языка — *qaqquaq tyrna*, со временем утратила второй элемент.

QYU 'лебедь', *cygnus*.

Крик лебедя звучит как «звонкое, трубное, необычайно красивое „ганг-го... ганг-го...”» (19, 68). Ср. уйг. *quv*, узб. *quv*, каз. *aqqu* ('белый лебедь'), кирг. *qu*, тел., алт., шор. *koib. qū* (по Радлову), тур. *quyu* 'лебедь', *qaqa quyu* 'черный лебедь'. В посл. *quyu*, *qondi başqa* 'на мою голову сел лебедь' (то есть седина) (5, 464), *quyu* 'лебедь' имеет метафорическое (по цвету) значение «седина». Местное вост.-туркест. *ḡaḡūit* (*hang-ghut*) 'птица с длинной шеей', приводимое Г. Яррингом без перевода на английский язык (см. 23, 3, 17), по всей вероятности, является одним из звукоподражательных названий лебедя (ср. крик птицы). Возможно соотношение *quyu* с кирг. *quıyuu* 'курлыкание журавля' и тат. *quıyaq-quıyaq* 'гоготание гусей'. На подражательной основе сближается с греч. *kikvos* 'лебедь', нивх. *kuxkux* 'лебедь', русск. *кукать* (Даль) 'подавать голос, ворчать', русск. *кигикать* 'кричать по-птичьи' (Фасмер).

В ряде случаев название лебедя мотивировано другим, не менее голоса характерным признаком птицы — белизной оперения. Ср. др.-тюрк. *üḡiḡ quş* 'белая, чистая, благородная птица' (то есть лебедь) (см. 5, 627), каз. *aqqu* 'белый лебедь', узб. *oq quş* 'белая птица' (наряду с *quv*), башк. *aq qoş* 'белая птица'. Сюда же относятся и названия лебедя в некоторых индоевропейских языках.

QUR 'куропатка', *tetrao urgalis*.

Соответствует кирг. *qur* 'тетерев', *qaqaur* 'косач, черныш, тетерев-самец', башк. диал. *kör, körtlök* 'тетерев', тат. *körtlek* 'тетерев, куропатка' (ср. казан. *körtlō* 'гоготать — о курице, когда она собирается класть яйцо' — по Радлову), калп. *qur* 'куропатка', узб. *qaqur* 'глухарь' (где звукоподражательно лишь *qur* в значении «тетерев», а *qaq* выражает значение «глухой»), тув. *kürtü*, ойрот. *kürtük*, саг. *kürkü*, чулым. *kürtä*, шор., тел. *kürtük* 'тетерев', лезг. *кьуртi* 'курица', уд. *кiурт* 'наседка'. Близость к укр., болг. *кур* 'петух', ст.-слав. *коурь*, перс. *churús* 'петух', чагат. *qurq* 'курица, которая перестает нести яйца, наседка' (по Радлову) объясняется подражательным происхождением этих слов.

Сюда же мы относим голл. *korhoen* 'тетерев', в котором *kor* — звукоподражание, *hoen* 'курица', англ. (в Шотландии) *gor-cock, gor-hen* 'белая куропатка'. Голос белой куропатки — «резкий, громкий крик, напоминающий хохот, „керр... эр-эр-эер...”» (19, 171, 24, 102), который, по-видимому, и отражен в его названии *gor-cock (hen)*. В Оксфордском Словаре *gor* приведен с пометкой «этимология не выяснена» (см. 25, 520).

KURKA (-TAUQ) 'индейка', *meleagris*.

В первой части названия отражен своеобразный курлыкающий крик птицы. Ср. казан. *qurqunda* 'кричать' (об индейке — по Радлову), тат. *kürkä* 'индюк', узб. *qul-qul* 'индюшка', каз. *kürketauq*, кирг. *qurp* 'индейка, индюк (общее название)', 'звукоподражание (например, ударяющейся о скалы бурной воде)'. Ср. спонтанную близость морфемы

kür (k) другим подражательным словам: күркүгә 'гремять', күркү 'тетерев', күртүк 'тетерев', qurt 'гром, шум, производимый при ломании, треск' (Радлов), кирг. qurt 'звукоподражание хрусту, треску', тат. körtlek 'тетерев, куропатка', каз. күркil, күрkiğ 'гром, хриплый кашель', күркireu 'гремять', сирийск. *kirkəjo 'журавль', семит. *kirkij 'журавль'. арч. *ххуркi* 'голубь', фин. *kurke* 'журавль'.

QYZYŪŠ 'чибис', *vanellus*.

На первый взгляд, возможно сближение с *quzyl* 'красный', но этому противоречит окраска птицы (см. табл. 17 и описание чибиса в: 19, 230). О звукоподражательной природе *quzyūš* говорят параллели, обнаруживаемые в киргизском языке. По звуковому оформлению казахскому *quzyūš* и узбекскому *qizyič* 'чибис, пигалица' соответствует кирг. *quzyūš*. Ср. *quzyūš* — южн. то же, что *uzyūt* I — то же, что *uzyūč* 'чибис, пигалица' (20, 477, 924). Ср. кирг. *uzu* 'подражательное слово', *uzylda-* 'издавать пронзительные звуки', *uzu-čiuc* 'шум, гвалт, галдеж', каз. *uzup* 'жужжание, свист', *uzyldau* 'жужжать, свистеть'. Голос чибиса: назойливое, гнусавое и жалобное «чьи-вы, чьи-вы» (19, 232; 21, 241); ср. кирг. эпитет *uzyldač* 'пискливый', употребляемый перед *uzyūč* 'чибис'. Ср. также русск. диал. названия этой птицы: *пигалка*, *пивикуш*, *цибиз* (21, 240).

Каз. ŠAYALA 'чайка', *lagus*.

Голос: «хохочущее „ха-га-га“ (в полете), звонкое „йах-йах-йах“ или горловое „кьяуу“ (в воздухе при тревоге)» (19, 298). Родственно др.-тюрк. *šay* 'шум, суматоха (изобразит.)', *šayila*, *žayila*, *šayila* 'шуметь, кричать', кирг. *šakyldač* 'лунь болотный'. Ср. подражательные названия чайки в других, неродственных, языках; русск. «чайка» (сопоставимое с тат. *šäykä* 'галка'), лтш. *kaija*, эст. *kajak*, праслав. *šajьka, производное от подражания крику *kē (см. 18, 4, 311).

ТА(К)UQ 'курица', *gallus*.

Это слово является составной частью названий ряда птиц, так же как и русск. *кур* (курица) или англ. *hen*. Др.-тюрк. *taquu*, *taquq*, кирг. *tooq*, узб. *tovuq*, вост.-тюркест. *toxa* (13, 2, 133), монг. *taxia(q)*, башк. диал. *taxan* 'мохноногая курица' (7, 206), чув. *šax*, корейск. *tak*, коряк. *txaq*, бур. *taxjä*, калм. *taqa*. На звукоподражательной основе сопоставимо с тат. *qytaqlau* 'кудахтать', в посл. *quysyq tavuq küp qytaqluj* 'не несущаяся курица много кудахчет'.

TARTAR 'коростель', *сгех сгех*.

Ср. др.-тюрк. *tartar* 'небольшая птица, похожая на горлицу (?)'; *tart* 'дергач (птица)'; *tartai* 'дергач', *tartar* 'дергач, коростель' (Радлов), кирг. *tartar*, тат. *tartar*, уйр. *žartildač* (в том же значении). Звукоподражательный характер слова сближает его с русск. *коростель*, болг. *дърдавец* (связанное с *дърдорко* 'трещотка'), лат. *сгех*, лтш. *grieze*, англ. *corncrake*, швед. *cornknarr*, англ. диал. *cracker*, *corncrack*, *creck*; казан. *darylda* 'издавать звук (о разрываемых тканях)', тур. *därdär* 'болтовня' (по Радлову). Сопоставимо с подражательным узб. *tartarač* 'трещотка': *tartarač šalmoğ* 'трещать трещоткой, кричать во все горло', *tars* 'звукоподражание треску'. Все приведенные названия коростеля мотивированы издаваемыми им звуками, ср. «скрипучий крик „крэк-крэк... крэк-крэк“, слышимый очень далеко» (19, 209). Крикливость коростеля отражена в пословицах: *tartar tilindän tabar* 'находят коростеля по голосу' (Радлов), кирг. *tartar tilinen tartar* букв.: 'дергач за свой язык в ответе'. О том, что крик коростеля воспринимается как «тар-тар», говорят следующие татарские пословицы: *qarğa qarqar digändä*, *tartar da tartar di*

‘когда ворона говорит «кар-кар», тогда и коростель говорит «тар-тар»’, *tartarğa döñjä žitmäs* ‘для коростеля мир тесен’, так как *tar* означает «тесный, узкий», и коростель именно поэтому выкрикивает «тар-тар» (8, 585). Последняя пословица — один из многочисленных примеров осмысления крика птицы.

В диалектах казахского языка встречается перенос звукоподражательного наименования птицы на сорт дыни (перенос по цвету, см. 9, 319).

Каз. *TAUQUDRET* ‘веретенник, бекас’; *gallinago*.

Кажущаяся разложимость названия на *tau* ‘гора’ и *qudret* ‘мощь, сила’ — следствие ложной этимологии. В киргизском названии этой птицы особенно наглядно проявляется стремление носителей языка осмыслить его внутреннюю форму: выделяемые части пишутся раздельно: *tau quduret*.

Птица большой веретенник по-русски называется «авдотка». Мензбир отмечает (13, 1, 266, 267), что крик этой птицы звучит то как «вдотья» (отсюда русск. «авдотка»), то как «таугодрет», откуда и киргизское название птицы. Ср. другое русское звукоподражательное наименование веретенника, созвучное тюрк. *tauqudret* — «куведриха» (см. 21, 266), сюда же, возможно, следует отнести и уйг. *laiðrāk* ‘бекас’. Ср. также некоторые диалектные английские названия веретенника, близкие с *tauqudret* на подражательной основе (см. 22, 33): *godwit*, *godwin*, *godwin*, *jadreka snipe* (*jadreka* — насколько созвучно с тюрк. *tauqudret*!) — все эти названия отражают особенности крика птицы.

TURNA ‘журавль’, *grus grus*.

Соответствует кирг. *tuḡna*, каз. *tyḡna*, азерб. *durna*, тат. *tyḡna*, узб. *tuḡna*, кумык. *tuḡna*, бур. *toxoḡuṣṣ*, тув. *diḡuḡa*, тунг. *karau*, эвенк. *kaḡal* ‘серый журавль’, хвар. *кьиркьо*, таб. *кьарни*, чеч. *гъаргъули*, дарг. *къургъ*. Ср. тат. *toryiq-toryiq* ‘звукоподражание «курлы-курлы» (о журавлях)’, уйг. *qur-qurlımaq*, узб. *qurquḡmoq* ‘курлыкать’. Близость названий журавля в родственных тюркских языках соответствиям в других языках Старого Света (ностратической макросемьи, по терминологии В. М. Иллич-Свитыча) объясняется, на наш взгляд, звукоподражательной основой этих наименований. Однако В. М. Иллич-Свитыч считал реконструированную им праформу *kaḡA/kuḡA* ‘журавль’ дескриптивным образованием, лишь восходящим к звукоподражанию (см. 6, 292). Ср. греч. *ὑέρανος*, лат. *grus*, арм. *krunk*, чеш. *žeráv*, русск. «журавль», англ. *crane*, швед. *trana* (почти полное, но отнюдь не случайное совпадение с тюрк. *tuḡna*), сскр. *karāyikā* ‘род журавля’, семит. **kurkiḡ*, сирийск. *kurkəjō*, фин. *kurke*, саам. *guorga*, мордов. (мокш.) *kargä*, ненецк. *хагó*, камасин. *kigo*, тамил. *kokku* < *koḡ-kku* (ср. тамил. *kuḡuku* ‘цапля’). Во всех приведенных наименованиях журавля очевидна относительная устойчивость сочетания *tr/kr*, объясняющаяся отражением в них трубного курлыкающего крика журавля «*kr-gooh*» или «*kr-g-g*».

Наименования, мотивированные иными признаками отдельных птиц:

JABALAQ ‘сова’, *otus*.

В тюркских языках это название имеет следующие формы: *jabalaq*, *jablaq*, *jublaq*, *žapalaq* (10, 118), узб. *jaboloq quš*, азерб. *jabalag*. В Словаре Махмуда Кашгари слово зафиксировано в форме *jabaqulaq*. В. В. Радлов объясняет происхождение *jaba-qulaq* сложением *jaba* ‘вилы с двумя зубцами’ и *qulaq* ‘уши’. Таким образом, название совы в тюркских языках означает в буквальном смысле «вилообразные уши».

Это вполне объяснимо, так как у многих видов сов над ушами имеются своеобразные, торчащие пучки перьев. Ср. татарское название филина (птицы того же семейства, что и сова): *mäçe başly jabalaq* 'сова с кошачьей головой', выделяющее тот же признак птицы.

Каз. KEZQUIRYQ 'черный коршун', *milvus korschun*.

Этот вид коршуна единственный среди хищных птиц имеет форму хвоста, напоминающую хвостовую часть стрелы (см. рис. 28 и 31 в: 19, 126, 142). Именно этот характернейший признак птицы и отражен в его наименовании, составленном из др.-тюрк. *kez* 'хвостовая часть стрелы' и *qıjıyq* 'хвост'.

Каз. SASYQ KÖKEK 'удод', *upura eopors*.

Названия удода во многих тюркских, славянских и германских языках мотивированы характерным криком птицы. Казахское *sasyq kökek* является в этом отношении своеобразным исключением, так как оно мотивировано неприятным запахом, издаваемым птицей².

Удоды держатся преимущественно около мест свалок нечистот и навоза, близ падали. Пищу удонов составляют навозные жуки, мухи-жужжелицы, всевозможные личинки и насекомые, копошащиеся в помете животных. Гнездо удода издает резкую вонь, так как его птенцы сидят по горло в навозе. Эта вонь привлекает к гнезду массу мух, каждое гнездо кишит их личинками.

Кое-где коренное население Азии и Африки, по утверждению А. Э. Брема, активно охотится как на молодых, так и на старых удонов из-за их жирного и вкусного мяса. Отвратительный запах, издаваемый удодами при высиживании яиц, в это время уже исчезает (см. 21, 329).

Название *sasyq kökek* показывает, что в сознании носителей казахского языка птица удод не выделяется в отдельный род, она воспринимается как вид кукушки (каз. *kökek*), что объясняется, по-видимому, определенным сходством крика удода «уп-уп» или «пу-пу» с криком самца кукушки «ку-ку».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Анд. — андийский,
арч. — арчинский,
дарг. — даргинский,
дат. — датский,
камасин. — камасинский,
коиб. — коибский,
нан. — нанайский,
нивх. — нивхский,
сскр. — санскрит,
саам. — саамский.

саг. — сагайский,
таб. — табасаранский,
тамил. — тамильский,
тел. — телеутский,
тунг. — тунгусский,
уд. — удинский,
хвар. — хваршинский,
цах. — цахурский,
чеч. — чеченский,
чеш. — чешский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валиханов Ч. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958.
2. Вандриес Ж. Язык. М., 1937.
3. Гинатулин М. М. К исследованию мотивации лексических единиц (на материале наименований птиц). Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1973.
4. Джаганова А. Амина из Таволжанки. — Журнал «Простор», 1972, № 6.

² В диалектах и говорах некоторых языков встречаются названия удода, мотивированные этим же признаком, ср. кирг. *sasyq ырр* 'вонючий удод', полесск. *смэрдюха* (14, 462), уйг. диал. *sesiq* 'вонючий', в которых выражается отнюдь не субъективная оценка (ср.: 16).

5. «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
 6. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. М., 1971.
 7. Ишбердин Э. Ф. Названия животных и птиц в башкирских говорах. Автореф. канд. дисс. Уфа, 1970.
 8. Исәнбәт Н. Татар халык мәкәлләре, т. I. Казан, 1959.
 9. «Қазақ тілінің диалектологиялық сөздігі». Алматы, 1969.
 10. Курьинжанов А. К. Исследование по лексике «Тюркско-арабского словаря». Алма-Ата, 1970.
 11. «Материалы по истории Киргизии». М., 1973.
 12. Махмуд Кошгарий. Туркий сузлар девони. Перевод С. Муталлибова, тт. 1—3. Тошкент, 1960—1963.
 13. Мензбир М. А. Птицы России, изд. 2-е, тт. 1—2. М., 1895.
 14. Никончук Н. В. Полесские названия птиц. — «Лексика Полесья». М., 1968.
 15. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, тт. 1—4. СПб., 1893—1911.
 16. Садуакасов Г. Названия птиц в семиреченском говоре уйгурского языка. VII региональная конференция по диалектологии тюркских языков. Тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, 1973.
 17. «Словарь современного русского литературного языка», тт. 1—17. М.—Л., 1950—1965.
 18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, тт. 1—4. М., 1964—1973.
 19. Флинт В. Е., Бёме Р. Л., Костин Ю. В., Кузнецов А. А. Птицы СССР. М., 1968.
 20. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965.
 21. Язвицкий В. И., Гремяцкий М. А. Жизнь животных, по А. Э. Брему. В трех томах, т. 2. Птицы. М.—Л., 1930.
 22. Jackson E. British Names of Birds. H. F. and G. Witherby limited. London, 1968.
 23. Jarring G. Materials to the knowledge of Eastern Turki. Vol. 1—4. Lund Universitets Arsskrift, 1946—1951.
 24. Peterson R., Mountfort G., Hollom P. A. D. A Field Guide to the Birds of Britain and Europe. Revised and enlarged edition. London, 1966.
 25. The Concise Oxford Dictionary of Current English. Oxford University Press, 1956.
-

К. ИБРАГИМОВ

НЕКОТОРЫЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ НАЗВАНИЯ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ В СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Наименования, относящиеся к животному миру, представляют собой один из древнейших лексических пластов в тюркских языках.

В настоящей статье рассматриваются лишь пять названий диких животных, встречающихся в древнетюркских памятниках и распространенных в современных тюркских языках: лев, тигр, леопард, рысь, гиена. Лексический пласт, охватывающий названия диких животных в тюркских языках, еще не был объектом специального исследования в ареальном плане.

Arslan 'лев': *арслан көкрәсә ат азақы тушалыр* 'когда рычит лев, у лошади заплетаются ноги' (МК, II, 146); *бери тилкү арслан адыг йа тоңуз/сеніңдин қутулмаз өлүр авда түз* 'волк, лиса, лев, медведь или кабан/не спасутся от тебя, непременно погибнут на охоте' (КВК, 320₁₅); *йағыда көр арслан йүрәки керәк* 'в сражении нужно обладать сердцем льва' (КВК, 178₈); *чериг көрсә алп ер көр арслан болур* 'храбрый воин, когда видит войско (при виде войска), становится львом' (КВН, 179₆).

Arslan (Б. БАЛ, 78), (ХТ, 46): *арслан анлар қуланлар кәби қачды арсландын йа оңдын* 'они убежали, как куланы от льва или от стрелы' (Б. ЛСТ, 59); *арслан* (М. АФ, 067); *аслан* 'лев' (М. АФ, 068); *яс-лан*. а. (ТТК, 281); *арслан* (ТТК, 276); *арслан* (Ibn. M, 11); *арслан* (ТЗ, 141—142); *арслан-араслан* (АХ, 6); *арслан* (М. ПДП, 360); *арыслан* — собственное имя *Арыслан* (дословно лев) (К. ИЛТАС, 86); *аслан* (К. ИЛТАС, 87), (СС, 7).

Арслан в значении «львица» встречается в словаре Махмуда Кашгари: *арслан енүкләди* 'львица охотилась' (МК, I, 308).

В древнетюркских памятниках с помощью аффикса *-laju*, *-lyu* от *arslan* образуются новые слова: *arslanlaju* 'подобно льву': *улуг тутса хамйәт көр арсланлайу* 'он должен быть преисполнен рвения, подобно льву' (КВК, 123₁₅); *арсланлыг* 'снабженный изображением льва'; *едиз йүксәк арсланлыг өргүн уруп* 'установив высокий трон с изображением льва' (SUV, 416₄).

Древнетюркское *arslan* 'лев' встречается во всех современных тюркских языках: алт., ккалп., кумык., ног., тат., туркм. *арслан*; башк. *арыс-лан*; казах. *арыстан*; кирг. *арстан*||*арыстан*; кар., ног. *арыслан*; азерб., гаг., тур., кбалк. *аслан*; тув. *арызлаң*; узб. *арслон*; чув. *арӹслан*, чув. (диаал.) *услан*; ср. монг. *арслан* (г); маньч. *арслан*.

Существует несколько мнений по поводу этимологии общетюркского слова *арслан*. Э. В. Севортян отмечает: «*арслан* — название носителя процесса по его признаку, образованное с помощью аффикса *-лан* от

арс-, подобно рычанию диких зверей, лаю. Ср. *арс-* в указанных значениях в казахском, а также в киргизском и каракалпакском, что видно из *арсылда* (*арс* + *ыл-да-*, где *-ыл* модификатор при подр. основах) 'рычать'. Другие значения *арс* и *арсыл* кирг. *арс- арс-үр* 'гавкать', 'неистово лаять'; *арс- арс-* подражание лаю собаки; казах., ккалп. *арсылда* 'гавкать'.

По внутренней форме словообразовательной модели *арслан* параллельно *каплан* и *сыртлан*. Первое слово образовано от глагола *кап* 'хватать', 'похищать', 'утаскивать', 'нападать'; аффикс *-лан*, все слово 'барс', 'леопард'; второе — от глагола *сирит* 'скалить зубы', 'хихикать', 'ехидно смеяться', 'осклабиться' (тур) + аффикс *-лан*; все слово 'гиена'¹.

В. Вербицкий считает слово *арслан* составленным из *арсыл* 'дикий', 'свирепый', 'лютый' и *ан* 'зверь'².

В. Банг анализировал *арслан* как *arsil ilan*, где *ilan* — общетюркское слово *julan*, употреблявшееся, по мнению автора, в значении «крадущийся, ползущий зверь» (от глагола *jil-* 'ползти, извиваться по земле')³.

А. М. Щербак принимает этимологию слова *arsylan*, предложенную несколько десятилетий назад и основанную на выделении в нем прилагательного *аг* (см. *ааг* 'каштановый', МК, I, 80) в форме интенсификации *arsyl* и слова *ан*, имеющего значение «зверь»⁴. Исходя из такого же анализа, Г. Вамбери делит *arslan* на *arys* 'сильный' и *lan* 'зверь'⁵.

Г. Рамстедт сопоставлял *arslan* (первоначально, по мнению автора, это слово означало того, кто рычит) с *arkiga*: *ar* + *kiga* 'рычать', 'рычащий зверь'⁶. Эта этимология, на наш взгляд, обоснована и с фонетической, и с семантической стороны, а также с точки зрения самих приемов образования наименований подобных животных в тюркских языках. Ср. *kaplan* (*kapyl-an*), *syrtlan* (*syrtly-an*), *arysyl* (-*an*). Таким образом, сложился единый взгляд только на вторую часть слова, тогда как мнения о первой части его весьма противоречивы.

В современных тюркских языках названия *arslan*||*aslan* 'лев' встречаются в пословицах, поговорках, загадках, а также употребляются в переносном значении: тур. *kedinin karşısında aslan, aslan karşısında kediye* 'то же, что «молодец против овец, а против молодца — сам овца»; узб. *арслоннинг ўлиги — сичқоннинг тириги* 'мертвый лев сильнее живой мыши', *душманинг сичқонча бўлса ҳам, кучиң арслон бўлсин* 'пусть твой враг будет, как мышонок, но ты должен иметь силу льва' (то есть 'нельзя недооценивать силу врага'); кирг. *арстан катуу качырат, жумшак алат* 'лев яростно нападает, но мягко берет'; тув. *арзылаң аг диди-арга бажы кызаң диди* (загадка) 'лев*заревел — лес засверкал' (отгадка: *чаннык* 'молния').

У тюркоязычных народов было принято давать имя «Лев» сыновьям, чтобы они были сильными и смелыми: туркм. *Арслан, Арслан йурек* 'мужественный', 'отважный'; узб. *Арслан*; кирг. *Арстан*; казах. *Арыстан* —

¹ Э. В. Севортян. Пробные статьи к «Этимологическому словарю тюркских языков». М., 1966, стр. 71.

² В. Вербицкий. Словарь алтайского, аладагского наречий. Казань, 1884, стр. 26.

³ W. Bang. Über die türkischen Namen einiger Crosskatzen, Keleti-Szemle. XVII, 1—3, Budapest, 1916—1917, стр. 130.

⁴ А. М. Щербак. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. — В кн. «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 137.

⁵ H. Vambery. Die primitive Cultur des turko-tatarischen Volkes. Leipzig, 1879, стр. 184.

⁶ Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 202—203.

символ храбрости, смелости. В алтайском языке *арслан* 'лев' распространено в устном народном творчестве: *алтан кулаш азулу арслан кӱлӱк чыгып келди* (фолькл.) 'вышел могучий лев с клыками в шесть-десять сажень'. В некоторых современных тюркских языках встречается другое название — *şir* 'лев', являющееся персидским заимствованием: *шир* (ТТК, 109), азерб., тур., туркм., уйг., ккалп. *шир*; узб., кирг. *шер*. В якутском и хакасском языках для обозначения льва употребляются следующие слова: як. *хахай*; хак. *ала парыс* (букв. 'пестрый лев'), *хахай* — *кыыл ыра-хтаагыта* 'лев — царь зверей'.

Итак, название льва в тюркских древних и средневековых памятниках встречается в различных фонетических вариантах: *arslan/aryslan/arstan/aslan*. Слово *şir/şer* 'лев', заимствованное из персидского, также зафиксировано в средневековых памятниках. Следует, однако, отметить, что слово *şir* не встречается в языках тюркоязычных народов Сибири, тогда как *arslan/arstan* 'лев' является общетюркским названием.

Garlan 'тигр'. *Қочу тығынта қапан йоқ қудуғ сувында балық йоқ* 'В горах Кочу нет тигров, в колодезной воде нет рыбы' (ТТ, VII, 4427); *karlan* (TZ, 183, 204), (VI, 27); *қапан* — *йыртчы жанвар* 'тигр — хищное животное' (Ibn, M, 37). Древнее название *garlan* 'тигр' встречается в современных тюркских языках: тур., гаг. *қапан*; кумык. *кӟаплан*; кбалк. *кӟаплан*; ног. *каплан*; туркм. *гаплаң*. Указанные языки составляют юго-западный тюркский ареал. В ногайском языке *каплан* имеет два значения — «тигр» и «леопард», но ногайский язык также примыкает к этому ареалу.

Название *garlan* образовано путем присоединения к слову *gar* 'хватать', 'похищать', 'утаскивать', 'нападать' и аффикса *-lan*. В турецком и туркменском языках на базе *garlan* образуются новые наименования: тур. *garlan uavrusu*, туркм. *гаплаң чагасы* 'тигренок', тур. *garlan izi* 'тигриный след', туркм. *уркачы гаплаң* 'тигрица'; *гаплаң дөрисси*, тур. *garlan postu* 'тигровая шкура'.

Другое название тигра в тюркских языках — *jolbars||žolbars, jolbars* 'хищное животное' (Б. БАЛ, 49): узб. *йӱлбарс*; ног. *йолбарыс*; уйг. *йолвас*; лобн. *йолвас*; башк. *юлбарыс*; тат. *юлбарыс*; казах., ккал. *жолбарыс*; кирг. *жолборс*. Слово *jolbars||žolbars* образовано из *jul* 'полоса', 'полосатый' и *bars* 'тигр', 'леопард'⁷. Таким образом, *jolbas/jolbars/žolbars* в тюркских языках является сложным словом и означает «полосатый барс», «полосатый тигр, леопард». Во многих тюркских языках оно стало кличкой собаки. Например, кирг. *Жолборс*, лобн. *Жолборс*, казах., ккалп. *Жолбарыс*. В русском языке зафиксировано *Джультарс*.

В ряде тюркских языков указанное слово входит в состав словосочетаний и образует новые слова: уйг. *йолвас чиши*, узб. *урғочи йӱлбарс*, башк. *инә юлбарыс*, тат. *ана юлбарыс*, казах. *жолбарыстың урғашысы*, кирг. *ургаачы жолборс* 'тигрица'; узб. *йӱлбарс боласи*, башк. *юлбарыс балаһы*, тат. *юлбарыс баласы*, казах. *жолбарыстың баласы*, кирг. *жолборстун баласы* 'тигренок'; башк. *юлбарыс тиреһе*, тат. *юлбарыс тиресе*, кирг. *жолборстун териси* 'тигровая шкура'. Эти слова в узбекском и та-тарском языках входят в состав пословиц: узб. *йӱлбарс болосини тутмоқ учун, йӱлбарс уясиға кирмоқ керак*, тат. *юлбарыс баласын тоту өчен, юлбарыс оясына керергә кирәк* 'для того, чтобы поймать тигренка, нужно войти в логово тигра'. В лобнорском языке слово *йолвас* 'тигр' встречается в загадках: *өзи тағыл буйуньш ала, неме коысә шуну ала (йолвас)* 'само оно полосатое, усы пестрые; что увидит, то и берет' (тигр). В уз-

⁷ А. М. Шербак. Указ. раб., стр. 138.

бекском языке название *йўлбарс* 'барс' встречается в календарном летоисчислении: *йўлбарс йили* 'год барса третьего года двенадцатилетнего животного цикла'.

В восточных тюркских языках для обозначения тигра употребляются следующие слова: алт. *бар*, тув. *пар*, як. *баабыр*. Указанные языки составляют восточный ареал. В азербайджанском языке принято персидское заимствование — азерб. *пэләнк*, перс. *пәләң*. В некоторых современных тюркских языках название тигра заимствовано из русского языка: чув., гаг., хак. *тигр*.

Можно сделать следующий вывод: в древнетюркских памятниках зафиксированы два названия тигра: *каплан*, *йолбарс*, распространенные также в современных тюркских языках. На основе *каплан* образовался юго-западный тюркский ареал. Слово *йолбарс* 'тигр' широко распространено в большинстве тюркских языков, а также участвует в словосочетаниях, пословицах, поговорках. На базе *пар*, *бар*, *баабыр* 'тигр' образовался восточный ареал.

İrbiz 'леопард'. *Ирбиз арслан боридэ улаты йавлаж кейиклэр* 'леопарды, львы, волки и другие скверные звери' (SUV, 325₁₉), *ирбиз қудругы* 'название планеты Меркурий' (букв. 'хвост леопарда'), (ТТ, VI₉₃); *ирбич* 'рысь', 'леопард', *бир бичин икинти қунтуз йчйч ирвич* 'первый — обезьяна, второй — бобр, третий — рысь' (Uig, IV, Д₆); *ирбиз* (М. ПДП, 381). Это древнее название зафиксировано в среднеазиатских языках. Например, кирг. *илбирс* 'снежный барс'; узб. *илвис* 'снежный барс'. В уйгурском языке *илпиз* употребляется в значении «барс». По употребляемости этого слова тюркские языки Средней Азии составляют ареал.

А. М. Щербак считает, что *илбирис* — фонетически измененное слово *йолбарс*, *албарс* в уйгурском (*илбиз*, *йилбиз* 'леопард'). Ср. также кирг. *илбирс*, узб. *илвис*. Переход *алабарс* и *албарс* в *илбирс* и *илпиз* происходило, по-видимому, под влиянием протетического *j*⁸. Такого же мнения придерживается В. Банг. Он рассматривает *jolbars* как результат восприятия народной этимологией слова *albars* (>*jalbars>*jelbars>*ilbars)⁹. Название *irbiz* известно не только в современных языках, но встречается и в древнетюркских памятниках, возможно, что оно является исконным тюркским словом.

Другое название леопарда — *garlap* зафиксировано в древних и средневековых тюркских памятниках: *каплан* 'леопард' (ТТК, 326); *қаплан* 'леопард' (Б. БАЛ, 209); *қаплан* (ХТ, 87). Эти слова в значении «леопард» встречаются в ряде тюркских языков: уйг., казах., башк. *қаплан*; кумык. *къаплан*; ног., тат. *каплан*; узб. *қоплан*: ккалп. *қаблан*; кирг. *кабылан*; туркм. *гаплаң*. В этих же языках *қаплан* имеет несколько значений: уйг. *қаплан* 'леопард', 'пантера'; казах. *қабан* 'леопард'; башк. *каплан* 'барс', 'леопард'; кумык. *къаплан* 'леопард'; ног. *каплан* 'леопард'; тат. *каплан* 'барс', 'леопард'; узб. *қоплан* 'барс', 'леопард'; ккалп. *қаблан*, кирг. *кабылан* 'леопард', 'тигр', 'пантера'; туркм. *гаплаң* 'леопард', 'тигр'. Это слово является общетюркским.

В казахском, каракалпакском, киргизском языках *каплан* 'леопард' встречается в эпосах как эпитет, используемый при описании богатырей: казах. *жарайсың кабыланым!*, ккалп. *жарайсың қабланым!*, кирг. *кабылан тууган* 'о богатыре, родившемся леопардом'. В киргизском, каракалпакском языках словом *кабылан* называли не конкретного хищного зверя, а вообще больших зверей. В турецком языке в этом же значении — «леопард» встречается следующее слово: *böbüg*, *babug*. В сибир-

⁸ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 138.

⁹ W. Bang. Указ. раб., стр. 117.

ских, чувашском, карачаево-балкарском языках употребляется русское заимствование: алт., тув., як., чув., кбалк. «леопард».

Из сказанного следует, что приведенные некоторые древнетюркские названия: *irbiz*, *garlan* 'леопард' встречаются и в современных тюркских языках. По распространенности слова *irbiz* 'леопард' образуется среднеазиатский ареал. В восточных тюркских языках слово *леопард* в основном заимствовано из русского языка. *Vöbür*, *babur* в значении «леопард» употребляется только в турецком языке.

Irbiz 'рысь', 'леопард'. *Бир бичин икинчи қунтуз үчүнч ирбич* 'первый — обезьяна, второй — бобр, третий — рысь' (Uig, IV, Д₆); *йорға* 'рысь' (ТЗ, 288); *йшек, вашак* (Ibn, M, 82); *йшак* 'рысь' (Мал. ИМ, 235); *силәйшүн* 'рысь' (СС, 67). Из этих названий в современных языках сохранились *силәйшүн*, *вашак*: тур. *vaşak*; азерб. *вашаг*. Эти языки составляют отдельную группу. Тат. *селәйсен*, башк. *һеләйһен*, казах. *сілеусін*, карач. *сюлеусюн*, алт. *шйльзун*, кирг. *сүлөөсүн||сүлөөсүн*, кумык. *силевсюн*, уйг. *силавсин*, узб. *словсин*, чув. *сулевёс*, монг. *шилүйс (эн)*, бур. *шэлий ээ(н)*, *шйльй ээ(н)*, калмык. *шйльйёсүн*, монг. *сееше/сшиле* 'рысь'¹⁰.

В татарском и кумыкском языках на основе *селәйсен||силевсюн* образуются: тат. *селәйсен баласы* 'рысенок', кумык. *силевсюн бала* 'рысенок'; тат. *селәйсен* 'рысиха'. В киргизском языке указанные понятия широко употребляются в народном творчестве: *сүлөөсүндөй керилип, сүйлөргө сөздөн эринип* (фольк.) (об избалованной красавице) 'словно рысь, изящно потягиваясь, слово вымолвить лентясь'; *сүлоосун тырмак* 'коготь рыси' (вид ручной вышивки). В ряде современных тюркских языков встречаются следующие названия рыси: кбалк. *джаз киштик*, туркм. *гум пишиги*, хак. *чахыр аң*; в тувинском и якутском языках имеются другие слова: тув. *йс*, як. *ййс*¹¹. Параллельно здесь сохранились: тув. *дырбактыг*, як. *бэргэһэ*.

Итак, в древних и средневековых тюркских памятниках встречается пять названий рыси: *irbiç*, *jorğa*, *üşek||üşäk*, *vaşak*, *siläüşün*. Последнее распространено в большинстве тюркских языков. В некоторых тюркских языках встречаются другие, свойственные лишь этим языкам названия рыси: кбалк. *джаз киштик*, туркм. *гум пишиги*, хак. *чахыр аң*, тув. *дырбактыг*, як. *бэргэһэ*.

Syrtlan (АХ, 91) 'гиена'. *Сыртлан* (Ibn, M, 11), (АХ, 91), (ТЗ, 237), (М, АФ, 95), (К. ИЛТАС, 189), *сиртлән* (ХТ, 76), *дөлтү* (Б, БАЛ, 181). В словаре Махмуда Кашгари в значении «гиена» встречается другое сложное слово: *аар бори* 'гиена', *йесјн сени аар бөри* 'пусть съест тебя гиена' (МК, I, 79).

Syrtlan 'гиена' распространено в некоторых современных тюркских языках: тур., туркм., тат. *сыртлан*; уйг. *сиртлан*; узб. *сиртлон*; башк. *һыртлан*. В азербайджанском и кумыкском языках гиена обозначается словом *кафтар*. В кумыкском языке употребляются сложные формы: *кафтар гийик*. Эти языки составляют отдельную группу. В сибирских и других тюркских языках употребляется русское заимствование: алт., тув., як., кирг., ккалп., ног., чув. — *гиена*.

Таким образом, в значении «гиена» в древних и средневековых тюркских памятниках употребляются три слова: *сыртлан*, *дөлтү*, *аар бө-*

¹⁰ Н. Н. Поппе рассматривает маньчжурское *силун* 'рысь' как слово, этимологически родственное монгольскому *шилугусун* и якутскому *ис/сиши*, *ййс* < **hūys*/ *сййш* 'рысь'. N. Poppe. The Primary Long vowels in Mongolia. JSFOu, 1962, стр. 19.

¹¹ Фонетическим вариантом як. *ус||уус* 'рысь' является *уус* 'соболь', 'куница', 'рысь', которому соответствует тур. *üşek*, *vaşak*; тув., хак., шор. *ус* 'рысь'. Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. I—III. Л., 1927, стр. 3184.

ри. Слова *döltü, aar böri* в значении «гиена» в других тюркских языках не встречаются. Отдельную группу составляют азербайджанский (*кафтар*) и кумыкский (*кафтар гийик*). *Қорқау* в значении «гиена» зафиксировано в казахском языке. В восточно-алтайских, среднеазиатско-кыпчакских и чувашском языках распространено русское заимствование.

Некоторые древние названия диких животных встречаются в языках только тех народов, на территории расселения которых эти животные обитали.

Сравнительно-ареальный анализ названий животных может раскрыть весьма интересные процессы исторического развития и взаимодействия тюркских языков. У некоторых тюркоязычных народов, наряду с основными, употребляются различные описательные названия, что связано с табу и культовыми требованиями. Влияние культа животных можно видеть в киргизском народном творчестве. Например, *баатырдын энеси да жолборс этин укмуш бир жешке талгак деген* 'у матери богатыря, говорят, явилось сильное желание отведать мяса тигра' (по древнему поверью считалось, что если будущая мать пожелала отведать мяса и сердца тигра, то она непременно родит богатыря).

В некоторых современных тюркских языках от указанных названий в сочетании с другими словами образуются новые названия самки, детеныша животных. Например, туркм. *гаплан чагаси* 'тигренок'; *ургачы гаплан*, уйг. *йолвас чиши*, узб. *ургочи йўлбарс* 'тигрица'; тат. *селәйсен баласы*, кумык. *силевсюн бала* 'ребенок'. Особенно широко распространены названия диких животных в пословицах, поговорках и фразеологических выражениях. В тюркских языках имеются также названия животных, заимствованные из других языков.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Для обозначения пяти названий упомянутых диких животных в тюркских языках употребляются 54 слова. Из них 21 слово характерно для древних и средневековых тюркских памятников.

2. К общетюркским названиям диких животных относятся: *arслан||arystan* 'лев'; *jolbarys||žolbarys* 'тигр'; *kaplan* 'леопард'; *sileusin||seläusen* 'рысь'.

3. К ареальным названиям животных относятся: *gaplan* 'тигр', *bag/par* 'тигр', *ilbirs/ilvirs* 'леопард'.

4. *Irbič, jorğa, ušek* 'рысь'; *döltü, aar böri* 'гиена' характерны для древних и средневековых тюркских памятников, в современных тюркских языках не встречаются.

5. Единичные названия диких животных зафиксированы в современных тюркских языках: як. *хахай*, хак. *ала парыс* ('пестрый лев') 'лев'; тур. *böbüg||babug* 'леопард'; кбалк. *джаз киштик*, туркм. *гум пишиги*, хак. *чахыр аң*, тув. *дырбактыг*, як. *бэргэһэ* 'рысь'; казах. *қорқау* 'гиена'.

6. Некоторые названия диких животных, употребляемые в современных тюркских языках, являются либо персидскими, либо русскими заимствованиями: азерб., туркм., уйг., ккалп. *шир*; узб., кирг. *шер* 'лев'; азерб. *пәләнк* 'тигр'; чув., тат., хак. *тигр*; тур., алт., тув., як., чув., кбалк. *леопард, вашак* 'рысь', *döltü* 'гиена'; як., хак., кирг., ккалп., ног., чув. *гиена*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Б. БАЛ	— А. К. Боровков. Бадаи ал-лугат. М., 1961.
Б. ЛСТ	— А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского тефсира. XII—XIII вв. М., 1963.

- ИРЛТЯ* — «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961.
- КВК* — Список арабским письмом, не позднее первой половины XV в., из Египта, хранится в Каире. Kutadgu bilig Tırkıbasım. III. Misir nüshası. Istanbul, 1943.
- К. ИЛТАС* — А. К. Курышжанов. Исследование по лексике староқыпчакского письменного памятника XIII в. — тюрко-арабского словаря. Алма-Ата, 1970.
- Мал. ИМ* — С. Е. Малов Ибн-Муханна о турецком языке. — «Записки коллегии востоковедов», т. III. М., 1927.
- М. АФ* — П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900.
- МК, I, II, III* — Махмуд Кашгарский. Divanü Lügat-it-Türk tercümesi. Geviren Besim Atalay. Tt—I—III. Ankara, 1939—1941 (и другие издания).
- М. ПДП* — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
- ПС ЭСТЯ* — Э. В. Севортян. Пробные статьи к «Этимологическому словарю тюркских языков». М., 1966.
- ТТК* — «Турецко-татарско-русский словарь наречий османского, крымского и кавказского с приложением краткой грамматики». Составлен магистром восточной словесности, проф. Л. М. Лазаревым. М., 1894.
- АХ* — «Abū-Nayyān Kitāb al-idrak li-lisān al-Atrāk». Istanbul, 1931.
- VJ* — El-Idrāk haşşiyesi. Yazan Velet Izbudak. Istanbul, 1936.
- Ibn. M* — A. Battal. İbnü-Mühenna lügati (Istanbul nüshasının türkçe bölümünün endeksidir). Istanbul, 1934.
- CC* — K. Grönbech. Komanisches Wörterbuch, Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. Kopenhagen, 1942. (Отдельные примеры из: W. Radloff. Das Türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus. St-Petersbourg, 1887).
- KBN* — Древнейший список, предположительно конца XII—первой половины XIII в., арабским письмом, хранится в г. Ташкенте. Kutadgu bilig. Tırkıbasım. II. Fergano nüshası. Istanbul, 1943.
- SUV* — Suvarnaprabhāsa. (Сутра Золотого блеска). Текст уйгурской редакции. Издали В. В. Радлов и С. Е. Малов. ВВ, XVII, вып. I—VII. СПб., — II гр., 1913—1917 (наборное воспроизведение ленинградского списка).
- TZ* — B. Atalay. Ettuhfet-üz-Zekiyye fil-lügat-it-Türkiyye. Istanbul, 1945.
- TT, VI* — Bang W. mit A. von Gabain un G. R. Rachmati. Türkische Turfantexte. VI. Das buddhistische Sūtra Sakiz yükmäk. Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Berlin, 1934.
- TT, VII* — G. R. Rachmati. Türkische Turfantexte. VII. Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Berlin, 1936, № 12.
- Uig. IV* — Фрагмент буддийского содержания уйгурским письмом. Müller F. W. K. Uigurica IV. Herausgegeben.
- XT* — «Ein Türkisch-arabisches Glossar». Nach der Leidener Handschaft. Herausgegeben und erläutert von M. Th. Houtsma. Leiden E. J. Brill, 1894.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. М. ЩЕРБАК

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОППОЗИЦИЯ ГЛАСНЫХ В ХАЛАДЖСКОМ ЯЗЫКЕ ТРЕХЧЛЕННОЙ?

Данное выступление является, по существу, ответом на вопрос, поставленный в последней статье Г. Дёрфера¹.

Г. Дёрфер, занимающийся продолжительное время алтаистикой и проявляющий большой интерес к вопросам теоретической тюркологии, предпринял ряд попыток внести существенные коррективы в реконструкцию фонологической системы тюркского праязыка. Одна из таких попыток связана с пересмотром количественных отношений в пратюркском вокализме. В отличие от других тюркологов, считающих, что в тюркском праязыке имело место противопоставление кратких и долгих, Г. Дёрфер восстанавливает трехчленную количественную оппозицию гласных: гласные с одной просодической морой / гласные с двумя морями и ровной, или акутовой, интонацией / гласные с двумя морями и неровным, или циркумфлексным, движением тона². Основанием для пересмотра традиционной точки зрения послужило знакомство с материалами халаджского языка, являющегося, по мнению Г. Дёрфера, самым архаическим из тюркских языков и самым важным для целей реконструкции их древнейшего состояния. «Халаджский язык, — подчеркивает он, — единственный из всех современных тюркских языков до настоящего времени точно сохранил пратюркские долготы»³.

В халаджском языке Г. Дёрфер различает: 1) краткие гласные; 2) долгие без движения тона, которые могут произноситься как полудолгие; 3) долгие с движением тона, дифтонгические, факультативно выступающие как обычные долгие. Минимальные пары, иллюстрирующие все три ступени длительности гласных, Г. Дёрферу подобрать не удалось⁴, что само по себе для выяснения вопроса о наличии фонологической оппозиции решающего значения не имеет.

Чтобы рассеять сомнения скептиков, Г. Дёрфер впервые обращается к данным экспериментального исследования и таким образом предо-

¹ Г. Дёрфер. О трех количественных градациях гласных в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1976, № 4, стр. 56—71.

² Подробно об этом см.: А. М. Щербак. О некоторых спорных вопросах реконструкции фонологической системы тюркского праязыка. — В кн.: «Тюркологические исследования». М., 1976, стр. 240—244.

³ Г. Дёрфер. О состоянии исследования халаджской группы языков. — «Вопросы языкознания», 1972, № 1, стр. 94; G. Doerfer. Khalaj Materials. — «Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series», 115. Bloomington, 1971, стр. 183—267.

⁴ Г. Дёрфер. О трех количественных градациях гласных в тюркских языках, стр. 57, 67.

ставляет в распоряжение тюркологов материалы, позволяющие объективно судить о количественных характеристиках халаджских гласных. Следует, однако, заметить, что методика экспериментального исследования в статье не описана, не ясно, как использовались дикторы и сколько их было привлечено для эксперимента. Тем не менее наши суждения о халаджском вокализме будут всецело опираться на сведения, сообщаемые Г. Дёрфером.

Начнем с сопоставления длительности гласных трех групп в односложных словах:

краткие (hat 'лошадь' — 15 σ, guš 'птица' — 13 σ);

ровные долгие (ba:š 'голова' — 20 σ, ä:l 'рука, кисть руки' — 20 σ, hä·v 'дом' — 19 σ, kiez 'глаз' — 16 σ, kíp 'день' — 15 σ, hä·g 'человек', 'мужчина' — 18 σ, qul 'рука, предплечье' — 18 σ, qip 'овца' — 16 σ, su·w 'вода' — 15 σ, til 'язык' — 16 σ, ji·l 'год' — 19 σ);

прерывистые долгие (bi:el 'поясница' — 25 σ, ki:en̩k 'широкий' — 27 σ, hu:ot 'огонь' — 22 σ, ta:ar 'узкий' — 23 σ, hi:el 'сырой' — 26 σ, i:em 'штаны' — 26 σ, kiek 'синий' — 19 σ, qiz 'девушка' — 14 σ, tu:op 'одежда' — 27 σ)⁵.

Если принять во внимание усредненные данные, полученные Г. Дёрфером, то различные ступени длительности гласных в халаджском языке будут выглядеть следующим образом⁶:

Краткие
14 σ
(100%)

Ровные долгие
17,5 σ
(125%)

Прерывистые долгие
24 σ
(171%)

Как известно, важны не абсолютные величины длительности, а соотношения величин и их относительное постоянство, так как существуют определенные пороги фонологической различимости долгих и кратких или долгих, полудолгих и кратких гласных, за пределами которых количественные различия прелевантны, причем на существование этих порогов не влияют ни позиционно-комбинаторные условия, ни темп речи. Для двучленной оппозиции порогом фонологической различимости является, по-видимому, отношение длительности долгих к длительности кратких как 1,6 к 1⁷. С трехчленной количественной оппозицией гласных дело обстоит сложнее. Здесь не исключены и меньшие величины различий, однако установление трехчленной оппозиции правомерно только в том случае, если между величинами градаций длительности у нескольких дикторов наблюдаются сходные соотношения, устойчивые для определенного числа измерений и независимые от позиционно-комбинаторных условий. С этой точки зрения возможность фонологической интерпретации количественных различий ровных долгих гласных и кратких вызывает большие сомнения. Различия же в длительности прерывистых долгих гласных, с одной стороны, и ровных долгих и кратких, с другой, достаточно убедительны и, очевидно, создают основу для существования фонологической оппозиции, тем более, что в этом плане обнаруживается много общего между халаджским языком и такими тюркскими

⁵ Г. Дёрфер. О трех количественных градациях гласных в тюркских языках, стр. 57—58.

⁶ Там же, стр. 58.

⁷ В якутском языке в односложном слове долгие гласные относятся к кратким, как 1,8 к 1. См.: Н. Д. Дьячковский. Звуковой строй якутского языка. Якутск, 1971, стр. 141. В киргизском же языке долгие гласные, в среднем, в 2,4 раза длительнее кратких. См.: Т. К. Ахматов. Звуковой состав современного киргизского литературного языка (экспериментально-фонетическое исследование), И. Фрунзе, 1968, стр. 41.

языками, как туркменский и якутский, сохраняющими общетюркскую долготу.

Маловероятность противопоставления равных долгих и кратких гласных в халаджском языке (17,5 σ и 14 σ) особенно подчеркивается тем обстоятельством, что разница в 3,5 σ представляет собой обычную норму отклонений при произношении одних и тех же гласных разными дикторами, ср. якут. ег 'мужчина' (у 1-го — 21,8 σ, у 2-го — 16,4 σ, у 3-го — 18,7 σ)⁸, баs 'голова' (у 1-го — 19,3 σ, у 2-го — 17,7σ, у 3-го — 14,3 σ)⁹, at 'конь' (у 1-го — 21,5 σ, у 2-го — 17,4 σ, у 3-го — 18,9 σ)¹⁰; узб. (наманг.) big 'один' (у 1-го — 6,4 σ, у 2-го — 11 σ)¹¹.

Колебания длительности гласных зависят от фонетических условий: от структуры слога и качества окружающих согласных. В открытом слоге гласные оказываются более длительными, чем в закрытом; перед щелевыми шумными и перед сонантами они имеют большую длительность, чем перед смычными шумными. Правда, как справедливо отмечает Н. Д. Дьячковский, зависимость длительности гласных от качества окружающих согласных не является постоянной и обязательной¹².

Длительность гласных тесно связана также со степенью подъема языка. Узкие гласные, как правило, более краткие, по сравнению с широкими. Например, в туркменском языке узкие гласные короче широких приблизительно в 1,5 раза¹³.

Тщательный анализ примеров, приведенных Г. Дёрфером, с учетом изложенного выше, дает основание полагать, что у так называемых равных долгих гласных не фонологическая, а фонетическая длительность, так как почти во всех случаях налицо факторы, способствующие их удлинению. Что касается слова баš 'голова', на которое постоянно ссылается Г. Дёрфер, то в нем роль подобного фактора играет конечный щелевой согласный. Кстати, влияние конечных щелевых на увеличение длительности гласных обычное явление. Примечательны в этом отношении материалы других тюркских языков, сравните якут. tip- 'заметать снегом' (12,5 σ), bil- 'знать' (13,4 σ), sit- 'догонять' (13, 7σ), kir 'грязь' (15,2 σ), bis- 'мазать' (15,1 σ); tut- 'держать' (13,2 σ), tur- 'вставать' (15 σ), tus 'напротив' (16,1 σ); mat- 'лишаться' (15,6 σ), mas 'дерево' (16,2 σ), bas 'голова' (18 σ)¹⁴. Совершенно очевидно, что в большинстве случаев длительность гласных перед щелевым s в якутском языке значительно превышает длительность аналогичных гласных в позиции перед другими согласными. Поэтому напрасно Г. Дёрфер уверяет своих оппонентов в том, что он, местный информант Арабгол и Л. Базен не могли все трое «ослышаться» и ошибочно воспринять халаджское баš 'голова' как ба:š¹⁵. Гласный в баš 'голова' действительно может заметно отличаться по длительности от гласного в слове hat 'лошадь'. Ошибка допущена скорее всего не в восприятии количественных различий между баš и hat, а в их интерпретации.

⁸ См.: Н. Д. Дьячковский. Указ. раб., стр. 174.

⁹ Там же, стр. 175.

¹⁰ Там же, стр. 176.

¹¹ См.: С. Атамирзаева. Экспериментально-фонетическое исследование наманганского говора узбекского языка. Ташкент, 1974, стр. 74.

¹² Н. Д. Дьячковский. Указ. раб., стр. 146.

¹³ См.: С. Куренов. Длительность и интонация долгих и кратких гласных туркменского языка. — В. кн.: «Проблемы алтаистики и монголоведения», 2. М., 1975, стр. 266.

¹⁴ См.: Н. Д. Дьячковский. Указ. раб., стр. 63—74.

¹⁵ Г. Дёрфер. О трех количественных градациях гласных в тюркских языках, стр. 68.

Итак, на вопрос о том, является ли количественная оппозиция гласных в халаджском языке трехчленной, исходя из сведений самого Г. Дёрфера, можно дать только отрицательный ответ. Это не значит, что дальнейшее исследование количественной стороны халаджского вокализма не представляет интереса. Любая попытка устранить некоторые неясности, возникшие в процессе его изучения, будет способствовать углублению наших представлений о фонологической системе тюркского праязыка и о путях ее развития. Важно лишь, чтобы в вопросе о халаджских гласных исследователи руководствовались одним стремлением — установить истину.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Н. А. БАСКАКОВ

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ МИНОРСКИЙ КАК ТЮРКОЛОГ

(К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

5 февраля 1977 года исполнилось сто лет со дня рождения Владимира Федоровича Минорского — крупнейшего востоковеда, историка и филолога, выдающегося ираниста, создавшего школу востоковедов-иранистов, приверженцы которой органически сочетают изучение истории народов с изучением их духовной культуры и в первую очередь литературы.

Традиционные исторические связи иранских и тюркских народов не могли не найти своего отражения в трудах В. Ф. Минорского по иранистике. А некоторые его исследования непосредственно относятся к области тюркологии. Первые исследования и переводы В. Ф. Минорского свидетельствуют о его колебаниях при выборе основного направления специализации: он уделяет равное внимание арабистике, иранистике и тюркологии. Выбор в

пользу иранистики предопределила дипломатическая деятельность В. Ф. Минорского в Иране, куда он был направлен после окончания юридического факультета Московского университета (1900 год), а затем Лазаревского института восточных языков (1903 год). Однако В. Ф. Минорский и в дальнейшем продолжал интересоваться тюркологией.

Многосторонние интересы В. Ф. Минорского, его широкие познания в области истории, этнографии, филологии и искусства народов Ближнего Востока складывались под непосредственным воздействием А. Е. Крымского, любимым учеником которого он был.

Труды В. Ф. Минорского по иранистике содержат ценнейшие сведения по истории, этнографии и филологии тюркоязычных народов. В. Ф. Минорский — иранист *par excellence* — посвятил ряд специальных исследований историко-филологическим проблемам тюркологии.

К первым его публикациям относятся значительная по объему этнографическая статья «У русских подданных Султана» о быте русских

казаков-некрасовцев, проживавших в Турции, вышедшая в солидном для того времени журнале «Этнографическое обозрение» (книга 52, № 2 за 1902 год), а также статья «Константинопольские увеселения» — одно из первых описаний народного турецкого театра, напечатанная в «Изданиях Г. Мелик-Каракозова» (№ 4, Тифлис, 1903, 13 стр.) и послужившая своего рода призывом к более детальному изучению этого редкого для тюркоязычных народов вида художественного творчества. В том же году В. Ф. Минорский публикует весьма важное филологическое исследование «Национальные стихотворения Эмин-бея в связи с новым направлением османской поэзии» («Древности Восточные», т. 2, вып. 3 и т. 3, вып. 1, Москва, 1903), в котором автор анализирует раннее творчество одного из виднейших национальных турецких поэтов Мехмеда Эмина (1869—1944), противоречивые сочинения которого получили позднее развернутую и справедливую оценку в трудах академика В. А. Гордлевского¹.

Интерес В. Ф. Минорского к тюркской филологии в полной мере проявился позднее. К его немногим лингвистическим работам в этой области, отличающимся новизной и значимостью, прежде всего следует отнести «The Turkish dialect of the Khalaj»² («Тюркский диалект халаджей»).

Язык халаджей, впервые обнаруженный и описанный В. Ф. Минорским, представляет значительный интерес для тюрколога-лингвиста как один из огузских диалектов, сохранивший в своей фонетической, морфологической и лексической структуре следы весьма древнего состояния.

Исследование халаджского диалекта, начало которому положил В. Ф. Минорский и позднее продолжил немецкий тюрколог Г. Дёрфер, опубликованный в 1971 году специальную монографию³ с приложенной к ней картой, иллюстрациями и библиографией, передало в распоряжение тюркологов весьма интересный лингвистический материал для сравнительно-исторических языковедческих исследований.

Работы В. Ф. Минорского по халаджскому языку — одному из любопытнейших огузских диалектов — заинтересовали многих советских и зарубежных тюркологов. Его статья была переведена на турецкий язык⁴.

Из лингвистических (текстологических и этимологических) заметок В. Ф. Минорского по тюркологии, в изобилии разбросанных по его историческим работам, отметим его статью «Tabqur/tábor», опубликованную в «Acta Orientalia Hungarica» (XII, 1—3, Budapest, 1960, стр. 27—31), а также его рецензию на книгу В. А. Гордлевского «Государство Сельджукидов Малой Азии»⁵, в которых им высказаны интересные соображения относительно этнонима *seljuk* и антропонима *Altun-apa*, а также по поводу перевода слов: *kaplan* 'леопард', *kutas* 'хвост яка', *arz* 'обозрение, смотр, доклад'; *rikabxana* 'гардероб' и этимологии слова *tiyül*, возводимого к *tiy-mek* 'доставаться'.

Подобные лингвистические уточнения, касающиеся транскрипции, перевода, новой этимологии, главным образом, социальной терминологи-

¹ В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. 3. М., 1962, стр. 158—165.

² См.: «Bulletin of the School of Oriental Studies», t. X, 2. London, 1940, стр. 417—437.

³ Gerhard Doerfer. Khalaj materials. — «Indiana University Publications Uralic and Altaic series», vol. 115. Bloomington — The Hague, 1971, стр. 1—340.

⁴ F. Güley. Türk dili edebiyat dergisi. Istanbul, 30 Kasim, 1950, т. IV, 1—2, стр. 83—106.

⁵ V. Minorosky. The Seljuk State in Asia Minor. By V. Gordlevsky. — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», vol. XI, 4. London, 1946, стр. 880—883.

гии, и прочие чисто тюркологические наблюдения характерны для всех исторических и этнографических исследований В. Ф. Минорского, причем не только для тюркологических, но и специальных трудов по иранистике.

Одним из основных и фундаментальных исторических исследований В. Ф. Минорского, содержащих тюркологический материал, безусловно, является его перевод на английский язык рукописи «Hudūd al-'Alam». E. J. W. Gibb Memorial, New Series, XI, XXI, 524 стр. London, 1937 («Границы мира»), обнаруженной в 1892 г. в Ашхабаде А. Г. Туманским и изданной в 1930 г. В. В. Бартольд. Перевод «Hudūd al-'Alam» и комментарии к нему В. Ф. Минорского получили высокую оценку в печати.

Из других исторических исследований В. Ф. Минорского, связанных непосредственно с историей тюркоязычных народов, укажем следующие: 1. *L' Azerbaïjan et les influences extérieures*. — «Bulletin de l'Union». Paris, 15 janvier, 1920, № 28 («Азербайджан и внешние влияния»); 2. *La Russie et la Turquie*. — «Journal des Débats», 16 November, 1922 («Россия и Турция»); 3. «la Perse au XVe siècle entre la Turquie et Venise». — «Publications de la Société des Etudes Iraniennes» № 8. Paris, 1933 («Персия в XV веке между Турцией и Венецией»); 4. «The Khazars and the Turks in the „Akām al-Marjān”». — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies». IX, 1, 1937, стр. 141—150. («Хазары и турки в „Akām al-Marjān”»); 5. «Ainallu ~ Inallu». — «Rocznik Orientalistyczny, XVII, 1—2, Kraków, 1953 («Племенное название Айналлу ~ Иналлу»); 6. «The clan of the Qara-qoyunlu rulers». — «Mélanges F. Köprülü». Istanbul, 1953 («Племя правителей Кара-Коюнлу»); 7. «The Qara-qoyunlu and the Qutb-shāhs». — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», XVII, 1, 1955. London, стр. 50—73 («Кара-Коюнлу и Кутб-шах»); 8. «The Aq-Qoyunlu and Land reforms». — Там же, XVII, 3, стр. 449—462 («Ак-Коюнлу и земельная реформа»); 9. «A new book on the Khazars». — «Oriens», XI, 2, 1958, стр. 122—145 («Новая книга о хазарах») и проч.

Наконец, большим вкладом в ориенталистику, в частности в тюркологию, являются статьи В. Ф. Минорского, помещенные в различного рода энциклопедических словарях и прежде всего в «Энциклопедии Ислама» («Encyclopedia of Islam») и «Национальной американской энциклопедии» («Collier's National Encyclopedia»), в которых он систематически сотрудничал. Энциклопедические статьи В. Ф. Минорского характеризуют полнота сведений, глубокое знание фактического материала, точность определений и дефиниций каждого понятия и явления.

Необычайная эрудиция В. Ф. Минорского нашла отражение и в его многочисленных и обстоятельных рецензиях. Проживая за рубежом, В. Ф. Минорский всегда с большим вниманием и доброжелательностью откликался на успехи советского востоковедения и тюркологии. В его рецензиях и обзорах всегда подчеркивалась значимость русских и советских исследований по востоковедению. Такие его рецензии и обзоры в «Bulletin of the School of Oriental Studies» (BSOS), как: «Библиография Востока», т. I, 1932 (BSOS, т. VII, 2, 1934); «В. Полиевктов. Европейские путешественники по Кавказу» (BSOS, т. IX, 1, 1937); «Д. Тутаев. Советский Кавказ» (BSOS, т. XI, 3, 1945); «В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов в Малой Азии» (BSOS, т. XI, 4, 1946); обзор «Oriental studies in the USSR» («Journal of the Royal Central Asian Society», XXX, 1943, стр. 81—101) и некоторые другие, наряду с высокой оценкой трудов и деятельности советских ориенталистов, содержат

весьма интересные дополнения, уточнения и полемические высказывания.

Важное место в научном наследии В. Ф. Минорского занимают его информации, аннотации и рецензии, в которых анализируются и оцениваются труды зарубежных тюркологов, сравните, например, его рецензии: «F. Babinger. Die Geschichtschreiber der Osmanen und ihre Werke». — «Journal Asiatique», juillet, 1931, стр. 179—182; «E. D. Ross. Dialogues in the Eastern Turki». — BSOS, VIII, 1, 1935; «H. R. Roemer. Staatschreiben der Timuridenzeit». — «Orientalische Literatur Zeitung», 7—8, 1956; «H. W. Duda. Die Seldschukengeschichte des Ibn-Bibī». — BSOAS, XXIII, 3, 1960 и многие другие.

Заслуги В. Ф. Минорского в развитии мирового востоковедения, биография ученого, прожившего всю свою жизнь за рубежом, но глубоко любившего свою родину и преданного ей, ярко охарактеризованы в некрологе «Памяти В. Ф. Минорского»⁶, написанном В. А. Гордлевским 19 января 1953 года в связи с ложным слухом о кончине В. Ф. Минорского (В. Ф. Минорский пережил автора этого некролога более чем на десять лет). Более подробно деятельность В. Ф. Минорского освещена в статьях и некрологах: Н. А. Кузнецовой «Владимир Федорович Минорский (Памяти ученого)» («Народы Азии и Африки», 1966, № 6, стр. 150—153); J. A. Boyle. «Vladimir Minorsky 1877—1966». «Journal of Asian History», t. I, № 1. Leiden, 1967, стр. 86—89; D. Lang. Vladimir Fedorovich Minorsky» (Obituary. BSOAS, t. 29, 3, 1966, стр. 694—699); Ilya Gershevich. «Obituary. Professor Vladimir Minorsky». («Journal of the Royal Asiatic society», April, 1967).

В заключение обзора тюркологических работ В. Ф. Минорского следует отметить его переводы на французский и английский языки исследований русских и советских востоковедов, осуществленные им в сотрудничестве с супругой Татьяной Алексеевной Минорской — внучкой крупнейшего русского тюрколога В. Д. Смирнова. Эти переводы свидетельствуют о горячем стремлении ученого популяризовать за рубежом достижения русской и советской науки. В. Ф. Минорский и Т. А. Минорская перевели на французский язык Учебник русской истории С. Ф. Платонова для многотомного парижского издания «История мира»⁷, а позднее — на английский язык работы В. В. Бартольда «Мир-Али-Шир» (Mīr-Ālī-Shīr) и «Очерк истории туркменского народа»⁸ и ряд других востоковедческих работ русских ученых.

В. Ф. Минорский пользовался широкой известностью как один из крупнейших ориенталистов нашего времени. Он являлся почетным доктором Брюссельского и Кембриджского университетов, членом-корреспондентом Британской и Французской академий, почетным членом многих международных научных обществ, был активным участником многих международных конгрессов ориенталистов. В 1960 году В. Ф. Минорский приехал в Москву по приглашению Академии наук СССР для участия в работе 25 Международного конгресса востоковедов и был горячо встречен советскими востоковедами как старейший русский востоковед. По окончании конгресса он совершил поездку в Азербайджан и Грузию.

В. Ф. Минорский снискал глубокое уважение всех иранистов и тюркологов, а его многочисленные труды по востоковедению широко исполь-

⁶ В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. IV. М., 1968, стр. 470—471.

⁷ «Histoire du monde publiée sous la direction de M. E. Cavaignac», т. VII, I, 1931, стр. 469—588; т. VIII, 4, 1932, стр. 1—244.

⁸ «An outline of the history of the Turkman people». Leiden, Brill, 1961, 180 стр.

зуются в исторических, этнографических, археологических, литературоведческих и лингвистических исследованиях.

В. Ф. Минорский умер 25 марта 1966 года в Кэмбридже, и после кремации его прах был перевезен на родину и похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Богатейшая личная востоковедная библиотека В. Ф. Минорского, содержащая много ценнейших рукописей и книг, была им завещана Академии наук СССР и передана его вдовой Т. А. Минорской библиотеке Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР, где она хранится в качестве специального Фонда профессора В. Ф. Минорского.

Память о крупнейшем русском востоковеде В. Ф. Минорском увековечена в его многочисленных и глубоких по содержанию трудах. Дело жизни замечательного ученого продолжают его многочисленные ученики — иранисты, тюркологи и арабисты, живущие ныне во многих странах мира.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Л. В. ДМИТРИЕВА

ЭТЮДЫ ПО ТЮРКСКОМУ СЛОВООБРАЗОВАНИЮ

За последнее десятилетие значительно увеличилось число работ по тюркскому словообразованию. Это объясняется тем, что «Словообразовательный принцип часто служит не только и не столько средством правильности этимологии, но и тем исходным пунктом, который может направить исследование по верному пути»¹. Поэтому представителями традиционной алтаистики отмечались преобладающее значение и большая надежность вообще морфологических факторов по сравнению с другими факторами в установлении генетического родства алтайских языков².

Предлагаемые этюды построены на материале тюркской растительной лексики, которая в данном плане, с позиций возможных алтаистических сопоставлений, специально еще не рассматривалась³. С этой лексикой непосредственно связано словообразование имен отглагольных и именных основ с выделением продуктивных и непродуктивных словообразовательных форм⁴. Отнесение некоторых формантов к словообразовательным и словоизменительным в связи с известными трудностями производится условно, согласно существующей традиции, и потому оно, так же как и установление степени продуктивности отдельных аффиксов, может потребовать дальнейших уточнений.

При рассмотрении словообразовательных аффиксов мы руководствовались представляющимися нам верными положениями Г. И. Рамстедта о том, что корни в алтайских языках односложны или двусложны, а фонетические возможности простых аффиксов могут варьироваться в пределах форм: С, Г, СГ, ГС, СГС⁵.

¹ Ю. В. Откупщиков. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, стр. 196.

² Например: Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957, стр. 26 (далее — Рамстедт); N. Porre. Über einige Verbalstammbildungssuffixe in den altaischen Sprachen, — «Orientalia Suecana». Uppsala, 1973, XXI, стр. 119—123 (далее — Porre).

³ В других языках и по другим тематическим группам лексики такой анализ осуществляется, см., например: Э. Г. Туманян. Морфологический анализ индоевропейских терминов, обозначающих животных в армянском языке. — «Вопросы языкознания», 1968, № 5, стр. 50—65.

⁴ Историю разработки тюркского словообразования см.: М. Хабишев. Карачаевско-балкарское именное словообразование (опыт сравнительно-исторического изучения). Черкесск, 1971, стр. 23—33 (далее — Хабишев). Этимологии, обзор и библиография этимологизации тюркских словообразовательных аффиксов приведены в работах А. Н. Кононова: «Грамматика современного турецкого литературного языка». (М.—Л., 1956) и «Грамматика современного узбекского литературного языка» (М.—Л., 1960).

⁵ Рамстедт, 29.

В тюркских языках, так же как и во всех других языках мира, суффиксы (~ аффиксы) весьма многочисленны, причем в большинстве своем архаичны, поэтому мы ниже остановимся на тех из них, которые встречаются в наиболее распространенных названиях растений, располагая их по принятым в тюркологии схемам⁶. Имеющиеся работы алтаистов⁷, тюркологов, монголистов и тунгусо-маньчжурских лингвистов⁸ позволяют отметить наличие в интересующей нас лексике монгольских и тунгусо-маньчжурских по происхождению аффиксов, а также охарактеризовать значение словообразовательных аффиксов в тюркских языках. В ряде случаев вычленение аффиксов представляет значительные трудности, совпадая по сути дела с этимологизацией изучаемой лексики.

В тюркских названиях растений, как и в прочих именах, часто встречаются сложные аффиксы, состоящие из двух простых аффиксов. Ниже рассматриваются конечные аффиксы этих названий как несущие основную семантико-морфологическую нагрузку.

Продуктивные формы

А. От именных основ

-лык образует имена абстрактные и собирательные (ДТС, 657; Севортян, *Афф. им.*, 20; Рамстедт, 203: этому аффиксу в тунгусо-маньчжурских языках соответствует -чик; Харитонов, 101: -лык || -тык || -дык || -нык — якут. омертвевший афф.⁹; всего 6 названий): туркм. *ағачлык* ~ лобн. *йығачлык* 'лес' < *ағач* ~ *йығач* 'дерево' [**ниа* 'дерево' + *-ғач* (отым. им.)] + *-лык*; якут. *асылык* 'трава' < якут. *ас* ~ кирг. *аш* 'пища', 'корм' + *-ылык*; карач.-балк. *ашлык* 'зерно', 'злак' < *аш* id. + *-лык*; карач. *осимлик* 'растение' < *ос* 'расти' + *-им* (отгл. им.)¹⁰ + *-лик*; др.-тюрк. *йағачлык* 'лещина' < *йағ* 'идти', 'падать (об осадках)', 'сыпаться' + *-ақ* (отгл. им.) + *-лык*; тур. *йешиллик* 'зелень', 'растительность' < *йешил* 'зеленый'¹¹ + *лик*;

-лығ || -лы; -лақ || -дақ, -алақ — прилагательные, субстантивируются (ДТС, 656; Севортян, *Афф. им.*, 53; Харитонов, 101; Кара, 12: монг.

⁶ См. работы Э. В. Севортяна: Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1962; Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966 (далее — Севортян, *Афф. им.*), а также указанные выше работы А. Н. Кононова и М. Хабичева.

⁷ Например: S. Kažižinsky. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprachen, Warszawa, 1961 (далее — Калужинский); Рамстедт; В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962 (далее — Котвич).

⁸ Например: В. И. Рассадин. Монгольские заимствования в алтайском языке. — «Советская тюркология», 1973, № 1, стр. 62—72 (далее — Рассадин); G. Kara. Le dictionnaire étymologique de la langue mongole, — АОН, XVIII, № 1—2. Budapest, 1965, стр. 1—32 (далее — Кара); А. Н. Кононов. Показатели собирательности — множественности в тюркских языках. Л., 1969; Б. А. Серебренников. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, стр. 159—174; А. Н. Кононов. Актуальные тюркологические заметки. — «Советская тюркология», 1975, № 2, стр. 77—86 (далее — Кононов).

⁹ Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947 (далее — Харитонов).

¹⁰ Далее сложная основа, как в *ағачлык* ~ *йығачлык*, нами целиком не приводится (за выделением афф. -лык, то есть рассматриваемого словообразовательного аффикса), а отмечаются, по возможности, все ее составные элементы.

¹¹ В. Банг и другие ученые этимологизировали прилагательные *кызыл* 'красный', *йешил* 'зеленый' следующим образом: *кыз* + *-сыл*, *йаш* + *-сыл*, где *-сыл* — аффикс подобия (W. Bang. Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut, Fünfter Brief. — UJ, 1930, X, 1—2, стр. 20—21). О корне *йаш* см.: A. Zajaczkowski. Remarques concernant les études sémantiques turques. — RO, 1949, XV, стр. 146—150; ego же, W sprawie badan' nad semantyka turecka. — «Sprawozdania z posiedzan Komisji językowej Towarzystwa naukowego warszawskiego», III, wydziel. 1. Warszawa, 1949, стр. 155—167.

< тюрк.; PhTF, I, 798—799; -лақ — отым. им. в узб., уйг.; -л^оғ || -л^ог — в др.-тюрк.; -лы || -ли — в карах., карач.-балк.; -лы || -ли, -лу || -лү — в тур., кр.-тат.; -лы — в кумык., тат., башк.; -ли — в узб.; -лу || -ду || -ту, -лығ — в алт.; -ла — в чув.; -л^оқ || -л^ок — в др.-тюрк., карах., тур., карач.-балк., кр.-тат., кумык., башк., узб.; -лық || -лек — в тат.; -ләх — в чув.; три названия): хак. *хырлых* 'лебеда' < *хыр* < *қыр* 'светло-серый', 'седой' + -лых (|| -лығ); алт. *сабалақ* 'тонкая ветка', 'стебель', 'кисть ягод' < *сап* 'ручка, рукоятка', 'черенок', 'стебель' + -алақ; тур. *өздік* 'ствол (дерева)' < *өз* < *өз* 'сердцевина' + -дік;

-чық || -чақ, -ча — уменьшительные имена:

-чық || -чақ (ДТС, 650; Севортян, Афф. им., 98, 110; Рамstedт, 192: этому аффиксу в монгольских языках соответствует -чақ || -чик < -ча + -қ, уменьш.-ласкат. формы; PhTF, I, 791—792: -чақ || -чак — отым. им. в др.-тюрк., коман., узб.; -чық — в тат.; -сық — в башк.; -чуқ || -чүк — в карах.; четыре названия): тат. *күзчак* 'глазок (клубня)' < *күз* 'глаз' + -чак; кумык. *қылчық* 'усик (колоса)' < *қыл* 'волос' + -чық; тув. *түбчүк* 'пень' < *түп* 'дно', 'низ' + -чүк; тур. *қызылчық* 'кизил' < *қызыл* 'красный' + -чық;

-ча (ДТС, 650; Севортян, Афф. им., 112; Рамstedт, 191: тюрк. ча- ~ монг. -чай ~ тунг.-маньчж. -ча; PhTF, I, 791: -ча || -че — отым. им. в тур., тат.; -са || -сә — в башк., два названия): тат. диал. *йишилчә* 'овощи' < *йишил* 'зеленый' + -чә; кирг. *қызылча* 'свекла' < *қызыл* 'красный' + -ча¹².

Б. От глагольных основ

-ма — имена со значением процесса, результата действия, прилагательные с характеристикой по результату действия (ДТС, 657; Рамstedт, 101: отгл. прилаг. на -ма — общеалт. образование < -м + «адъективообразующее» -а ~ монг. -ай; пять названий): тур. *йарма* 'круп' < *йар-* 'расколоть' + -ма; узб. *сутлама* 'молочай' < *сут* (~ *сүт*) 'молоко' + -ла (отым. глагол) + -ма; тат. диал. *бүкмә* 'почка' < *бүк-* 'гнуть' + -мә; тат. *бүлбә* 'клубень' < *бүл-* (~ *бөл-*) 'делить' + -бә (|| -мә); башк. *тарма* 'конопля' < *тар(ы)-* 'возделывать землю' + -ма; ср. тат. *қарама* <? *қара* 'черный', 'темный' + -ма (отым. им.)¹³;

-ыш — имена абстрактные (ДТС, 664; Севортян, Афф. им., 140; Котвич, 310: тюрк. -ыш ~ монг. -л ~ тунг.-маньчж. -н; PhTF, I, 807: -ш — отгл. им. в др.-тюрк., коман., карах., кр.-тат., кумык., уйг.; -уш || -иш — в кыпч.; -ш || -ыш — в тур.; -ыш || -иш — в туркм.; -ыш || -эш — в тат., башк.; -(и)ш — в узб.; -(ә)ш — в чув.; четыре названия): тув. *йңйш* 'растение' < *йң-* (~ *ён-*) 'расти', 'подниматься' + -йш; карач.-балк. *балас* 'сосна' < *ба(й)* 'богатый', 'густой' + -ла (отым. глаг.) + -с (|| -ш); чув. диал. *петелёш* 'цветок' < *пет-* (~ *бит-*) 'расти' + -ел (страд. залог) + -эш; саг. *қыртыш* 'лыко', 'кора', 'дерн' <? *қыр-* 'скрести' + -т (побуд. залог) + -ыш.

¹² *Йишилча* и *қызылча* можно было бы отнести к образованиям с непродуктивным аффиксом -ча (от глаг. основ с афф. возвратн. формы -л-, — см.: Севортян, Афф. им., 189). Однако *йишил* < *йәш* 'свежий', 'растение' + -ыл < -сыл (афф. подобия по В. Бангу, см. выше). Мы считаем, что здесь -ыл||-ил — афф. отым. или отгл. прилаг. (см. ниже — афф. -ыл||-ал||-л). Отсюда: *қызыл* < *қыз* 'горячий' ~ *қыз-* 'пламенеть', 'краснеть', 'горячиться' + афф. -ыл (отым. им., отгл. им.), — см.: Севортян, Афф. им., 192.

¹³ В PhTF, I, 799: -ма — отым. им. в коман. См.: С. А. Соколов. Анализ значений и употребления отглагольных имен на -dik и -та в сравнительном плане. — «Труды военного института иностранных языков». М., 1959, № 6.

Непродуктивные формы

А. От именных основ

-ақ || -ық — имена уменьшительные (ДТС, 650, 660: в единичных случаях; *Севортян, Афф. им.*, 166; *Рамстедт*, 187: общеалт. показатель, в монг. -г, -га || -қа ~ тунг.-маньчж. -ки; PhTF, I, 788, 789: -ақ || -ек — отым. им. в коман., тур., чув.; -қ || -к, -оқ || -ок — в др.-тюрк., карах.; -ах || -эх — в чув.; *Кононов*, 83; шесть названий): азерб. *özək* < 'сердцевина (дерева)', 'стебель', 'ствол', 'мякоть (овощей)', 'семечко', 'ядро (ореха)', 'зерно' < *öz* (< *ö:z*) 'сердцевина' + -ақ; башк. диал. *ашық* 'желудь' < *аш* 'пища', 'плод' + -ық; казах. *сапақ* 'стебель', 'черенок' < *сап* 'ручка', 'рукоятка', 'черенок', 'стебель' + -ақ; туркм. *сазақ* 'багульник' < *саз* 'болото' + -ақ; башк. *башақ* 'колос' < *баш* 'голова', 'верхушка' + -ақ; тур. *kütük* 'пень' < *küt* 'тупой', 'короткий' + -йк;

-а — имена уменьшительные (*Севортян, Афф. им.*, 168; *Рамстедт*, 182: тюрк. -а ~ монг. -ай ~ тунг.-маньчж. -а; четыре названия): тат. *йрече* ~ *өрөчө* 'вяз' < *йр-* ~ *өр-* (< *ö:p-*) 'вязать', 'плести' + -еч || -өч (отгл. им.) + -е || -ө; казах. *бетеге* 'ковыль' < *бет-* (~ *бит-*) 'расти' + -ег (|| -ек, отгл. им.) + -е; чув. диал. *пүйкече* 'вяз' < *пүйк-* 'гнуть' + -еч (отгл. им.) + -е; якут. *төбө* 'метелка (колоса)' < *төп* 'дно', 'низ' + -ө; ср. тур. *пазы* 'свекла' < *паз* (~ *баш*) 'голова', 'верхушка' + -ы¹⁴;

-ан; -аң¹⁵ — имена уменьшительные (ДТС, 658: встречается редко; *Севортян, Афф. им.*, 172; *Рамстедт*, 194: тюрк. -ан ~ монг., тунг.-маньчж. -на; PhTF, I, 788, 801: -ан — отым. им. в др.-тюрк., алт.; -н — в др.-тюрк., карах.; четыре названия): хак. *өзен* 'ствол', 'стебель' < *öz* (< *ö:z*) 'сердцевина' + -ен; чув. *велтерен* 'крапива' < *велте-* (< *йт-*) 'палить', 'опаливать' + -ре (отгл. им.) + -н; балк. *көкән* 'чемерица', 'терн' < *көк* 'зелень', 'зеленый', 'синий', 'голубой' + -ән: якут. *өлбөң* ~ ног. *өлен* 'трава', 'сочное растение' < *өл* (< *ö:l* < **nö:l*) 'мокрый' + -өң ~ -ен;

-чыл — прилагательные, субстантивируются¹⁶ (*Севортян, Афф. им.*, 173; *Рамстедт*, 211: < кор. *чил* 'занятие'; PhTF, I, 792, 806). -чыл || -чил — отым. им. в ряде тюрк. языков; -сыл || -сил — в коман., тат.; -һыл — в башк.; -шол || -сол — в кумык.; *Кононов*, 85; одно название): койб. *пүрјүл* 'почка' < *пү(к)-* 'гнуть' + -(й)р (отгл. им.) + -јүл (|| -чүл);

-туруқ обычно обозначает снаряжение или оружие (*Севортян, Афф. им.*, 176; ДТС, 651; *Рамстедт*, 189: тюрк. -туруқ ~ монг. -дурға, встречается редко; PhTF, I, 792: -дрөқ || -дрок — отым. им. в карач.-балк.; одно название): узб. диал. *илиштирик* 'боярышник' (< *йл-*) 'вешать', 'зацепляться', 'вонзаться' + -ий (отгл. им.) + -тирик;

-ай || -й (*Севортян, Афф. им.*, 180: отым. и в единичных случаях отгл. им.; *Рамстедт*, 182: тюрк. -а ~ монг. -ай ~ тунг.-маньчж. -а < -гай || -қай || тюрк., тунг.-маньчж. -га || -қа; одно название): башк. диал. *башай* 'колос' < *баш* 'голова', 'верхушка' + -ай; ср. *йörgäй* 'вьюнок' < *йörgä-* 'завертывать, обвивать' + -й (отгл. им.).

¹⁴ То есть аффикс -ы (одно название), см. PhTF, I, 794: -ы||-и — отым. им. в коман., уйг.; -и — в чув.

¹⁵ Аффикс -аң Э. В. Севортян не отмечает; Г. И. Рамстедт указывает, что он встречается редко (*Рамстедт*, 202).

¹⁶ Н. З. Гаджиева, видимо, справедливо, не соотносит -чыл с аффиксом -чан, ибо соответствие -л ~ -н в данном случае сомнительно [*Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, стр. 85 (далее: Гаджиева)*].

Б. От именных и глагольных основ

-чақ || -чық, -ча — чаще отглагольные имена;

-чақ || -чық — отглагольные имена (Севортян, Афф. им., 186; Котвич, 74: -чағ || -чег образует в алтайских языках названия плотных предметов и округленной формы, обычно имеющих собирательное значение; PhTF, I, 791—792: -чақ || -чак — отгл. им. в алт.; -чйқ — в чув.; -чық || -чик — в узб.; шесть названий): башк. *сырмалсық* 'вьюнок' < сыр- 'облеплять', 'обтягивать' + мал (отгл. им.) + -сық (|| -чық); алт. *чалманчақ* 'крапива' < чал- 'бить', 'косить' + -қан (отгл. им.) + -чақ; азерб. *сармашығ* 'вьюнок' < сар- (< сыр-) 'облеплять', 'обтягивать' + ма (отгл. им.) + -шығ (|| -чық); хак. *хырымчык* 'березовый сок' < хыр- (~ қыр-) 'скоблить' + -ым (отгл. им.) + -чык (|| -чық); туркм. *бўрчик* 'зерно' < бў(к)- 'гнать' + -(ў)р (побуд. залог.) + -чик; ст.-узб. *бўкрўлчўк* 'фасоль' < бўк- id. + -(ў)р id. + -ўл (страд. залог) + -чўк;

-ча — отглагольные имена (Севортян, Афф. им., 186; три названия): узб. диал. *чақча* 'тыква-горлянка' < чақ- 'жалить', 'вонзять' + -ча; узб. диал. *мөгжә* 'почка (растений)' < мөг- < бўк- 'гнать' + -жә (|| -чә); тат. *кўпшй* 'ствол', 'стебель' < кўп- 'набухать' + -шй (|| -чй);

-ыл || -ал || -л — отглагольные имена процесса и, реже, признака действия, в ряде случаев и отыменные имена признака действия (ДТС, 656; Севортян, Афф. им. 191; Калужинский, 83: -л < монг.; PhTF, I, 788, 798: -ал — отым. им. в чув.; -ыл — в кумык., -ол — в др.-тюрк., карач.-балк. и отгл. им. в др.-тюрк., коман., карах., алт.: Рамstedt, 132: монг. -л > тюрк.; тунг.-маньчж. -л); для названий растений встречаются в основном отыменные образования (три названия): хак. *сабыл* 'хвоя' < сап 'ручка', 'рукоятка' 'черенок' + -ыл; тат. Бараб. *көкәл* 'голубика' < көк 'зелень', 'зеленый', 'синий', 'голубой' + -әл; кирг. *қызыл* 'кизил' < қыз 'горячий' (ср. қыз- 'пламенеть', 'краснеть', 'горячиться') + -ыл (отым. или отгл. им.); ср. алт. диал. *чаал* 'лиственница' < ча(қ)- 'жалить', 'вонзять' + -ал (отгл. им.). Приведем и заимствованные из монгольских языков названия растений с этим аффиксом: казах. *мойыл* 'черемуха' < письм.-монг. *moilsun* ~ *moisu(n)*, монг. *мойл*, бур. *мойһон* id.¹⁷; алт. *арал* 'тальник' < монг. (РСл. I, 252¹⁸);

-мал — отглагольные, реже — отыменные имена признака действия; встречается редко (Калужинский, 88: -мал || -мал < монг.; Севортян, Афф. им., 194); для названий растений встречается в единичных случаях и как отглагольное образование, но не как последний в данном названии аффикс: башк. *сырмалсық* 'вьюнок' < сыр- 'облеплять', 'обтягивать' + -мал + -сық (|| -чық, отым. им.);

-ман — имена со значением обычности, частоты действия и как усиительно-увеличительные; встречается очень редко (Севортян, Афф. им., 197; PhTF, I, 800: -ман || -män — отгл. им. в коман., карах., чув.; два названия)¹⁹: шор. *салбан* 'ревень' < сал- (|| чал-) 'бить', 'косить' + -бан (|| -ман); узб. диал. *қараман* 'карагач' < қара 'черный' + -ман;

-ғыр || -ғырсун — отглагольные прилагательные свойства и способности к действию, реже — отыменные образования (Севортян, Афф. им., 199; Калужинский, 79: -ғар || -gär, -ғыр || -gир < монг.; PhTF, I, 795:

¹⁷ N. Porpe. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen, I. Wiesbaden, 1960, стр. 36, 140 (далее — P. Vergl.); M. Räsänen. Versuch eines Etymologischen Wörterbuch der Türkischen Sprachen. Helsinki, 1969, стр. 340 (далее — Räs. EW).

¹⁸ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I—IV. СПб., 1888—1905.

¹⁹ См.: M. Räsänen. Türkische Nomina instrumenti auf -man (-män) und Entsprechungen in den slavischen Sprachen. — «Mélanges de la philologie offerts à N. J. Mikkola, Annales Academiæ scientiarum Fennicæ», Ser. B, XXVII.

-*г^{ор}* || -*қ^{ор}* — отгл. им. в кр.-тат.; -*ғыр* || -*қыр* в тат., башк.; *Рамстедт*, 155; *Котвич*, 300; *G. J. Ramstedt. Über die Konjugation des Khalkha-mongolischen*, — MSFOu, Helsinki, 1902, 19, стр. 89—91: -*ғыр* < -*ғы* + -*р*; *Гаджиева*, 88; одно название < монг.)²⁰: алт. *маңғыр* ~ *маңыр*, тув. *маңғырзын*, хак. *маңырсын* 'чеснок', письм.-монг. *tangir* ~ *tang-gisu(n)*, монг., бур. *мангир* 'дикий чеснок' > эвенк. *маңейун* 'дикий лук', кор. *манил* ~ *манир* 'чеснок'²¹.

В. От глагольных основ

-*қ* || -*г* — название признака, результата, средства, носителя процесса действия (ДТС, 651, 660; *Севортян, Афф. им.*, 200; *Котвич*, 310; *Рамстедт*, 187: тюрк. -*қ* || -*г* ~ монг. -*г*, -*га* || -*қа* ~ тунг.-маньчж. -*ки*; PhTF, I, 793, 797: -*оғ* || -*ог*, -*ф* || -*г* — отгл. им. в др.-тюрк.; -*оқ* || -*ок*, -*қ* || -*к* — в др.-тюрк., коман., карах., тур., кр.-тат., уйг.; -*г* || -*г* — в карах.; -*ай* || -(*ай*)*к* — в чув.; -*қ* || -*к*, -*ақ* || -*ек*, -*ық* || -*ик* — в кумык., -*қ* || -*ық* || -*ек* — в тат., башк., узб.; *Кононов*, 83; 18 названий): др.-тюрк. *йағақ* ~ ст.-узб. *йанғақ* 'орех' < *йағ-* ~ *йанғ-* 'идти', 'падать (об осадках)' + -*ақ*; др.-тюрк. *уруғ* 'зерно', 'семя', 'косточка' < *ур-* < *ō:р* 'подниматься', 'восходить' + -*уғ*; уйг. *чечәк* 'цветок' < *чеч-* < *сач-* 'рассыпать' + -*әк*; туркм. *сүйек* 'косточка (плода)' < *сүй-* 'вытягивать', 'растягивать' + -*ек*; кирг. *ысырық* 'рута' < *ысыр-* (~ *сыр-*) 'облеплять', 'обтягивать' + -*ық*; азерб. *ўзәрлик* 'рута' < *ўзәр-* (~ *сыр-*) id. + -*л* (страд. залог) + -*ик*; шор. *чырақ* 'репейник' < *чыр-* (~ *сыр-*) id. + -*ақ*; тар. *чақақ* 'крапива' < *чақ-* 'жалить', 'вонзать' + -*ақ*; тат. диал. *чикләвәк* 'орех' < *чик-* (~ *чек-*) 'тянуть', 'вытаскивать' + -*л* (страд. залог) + -*әвәк* (<? -*әв* + -*әк*); кумык. *чертлеййик* 'орех' < *черт-* 'шелкать' + -*л* (страд. залог) + -*еййик* (<? -*ей* + -*йик* || -*ик*); якут. *бытык* 'тычинка' < *быт-* (~ *бит-*) 'расти' + -*ык*; др.-тюрк. *буқуқ* 'бутон' < *буқ-* 'завязывать (узлом, крест-накрест)' + -*уқ*; тат. *бүйрәк* 'почка' < *бүй-* (~ *бүйк-*) 'гнуть' + (*йү*)*р* (побуд. залог) + -*әк*; тат. Бараб. *пөлик* 'куст' < *пөл-* (~ *бөл-*) 'делить' + -*ик*; карач.-балк. *темек* 'ствол (дерева)' < *тем-* (~ *там-*) 'капать', 'литься' + -*ек*; др.-тюрк. *тарйү* 'просо', 'зерно', 'злак' < *тарй-* 'возделывать землю' + -*ү*; тат. Бараб. *қавақ* ~ *қайақ* 'лист' < *қав-* ~ *қай-* 'гнуть', 'сгибаться (назад)' + -*ақ*, кирг. *қабық* 'кора' < *қап-* 'закрывать' + -*ақ*;

-*лақ* || -*дақ*, -*алақ*; -*лығ* — прилагательные субстантивируются, имена обладания, принадлежности, отнесенности (ДТС, 656: -*лығ*, -*лағ*; *Севортян, Афф. им.*, 217: -*лаг* || -*даг*; *Харитонов*, 101; *Kara*, 12: -*лиғ* || -*ли*, монг. < тюрк.; PhTF, I, 788, 798—799: -*алақ*, -*лақ* || -*ләк* — отгл. им. в тур.; -*лы* || -*ли*, -*лу* || -*лү*, -*ылы* || -*или*, -*улу* || -*үлү* — в тур.; -*лө* — в башк.; -*дық* || -*тық* || -*тик* — в алт.; *Кононов*, 85—86; три названия): лэб. *йигләк* ~ хак. *чистәк* 'ягода' < **йиг-* ~ **йид-* (*Räs. EW*, 202) 'собирать' + *ләк* || -*тәк*; тур. *чекирдек* 'косточка', 'зернышко', 'семечко (плода)' < *чек-* 'тянуть', 'вытаскивать' + -*ир* (побуд. залог) + -*дек*; казах. *қызғалдақ* 'тюльпан' < *қыз-* 'пламенеть', 'краснеть' + -*ғал* (|| -*ғала*, учащ. знач. глагола) + -*дақ*;

-*анақ* || -*нақ* — имена носителя процесса, самого процесса, результата, орудия действия [*Севортян, Афф. им.*, 225: < -*н* (возврат. залог)

²⁰ Об афф. -*ыр* см. также: *H. S. Szapsza. Staroturecki przyrostek -yur(u) ~ -yur(y) zachowawany gdzienigdzie we wspolczensney nowie potoczney*. — RO, 1939, XIX.

²¹ *P. Vergl.*, 35; *Räs. EW*, 327; *G. J. Ramstedt. Kalmückisches Wörterbuch*. Helsinki, 1935, стр. 256 (далее — *R. KW*); *его же. Studies in Korean Ethymology*. Helsinki, 1949, стр. 140 (далее — *R. SKÉ*). О монгольском аффиксе -*сун* см.: *Рамстедт*, 199: очень древний, встречается в языке киданей и джурдженей; в тюркских языках является поздним монгольским заимствованием. Ср. якут. *кулусун* 'ситник (травя)' < монг. *qulusun* id. (*Räs. EW*, 299).

[+ -ақ; три названия]: тув. *шаанақ* 'вереск', 'багульник', 'можжевельник' < *ша-* < *чақ-* 'жалить', 'вонзать' + *-анақ*; казах. *тикенек* 'колючка', 'шип' < *тик-* (~ *тық-*) 'втыкать' + *-енек*; леб. *йӧргӧнӧк* 'хмель' < *йӧргӧ-* (~ *йӧргӧ-*) 'завертывать', 'обвивать' + *-нӧк*;

-ғы || -қы — имена орудия, процесса действия (ДТС, 654; Севортян, Афф. им., 227; Рамstedт, 89: тюрк. -ғу || -гү ~ монг. -қу || -қуй || -қун ~ -ғу || -ғуй || -ғун ~ тунг.-маньчж. -ги || -ки (< -ғуй || -қуй) ~ кор. -ки || -ги — отгл. им. «последования»; PhTF, I, 788, 795, 798: -ағу || -ғу, -ӧгү || -гү — отгл. им. в др.-тюрк.; -ғы || -ги, -қы || -ки — в коман., -ги || -ки — в кумык.; -ғы || -қы — в тат.; -ғы || -қы, -гё || -кё — в башк.; -ги || -ки, -ғу || -қу, -қы — в узб.; -кӧ — в чув.; -ғу || -ғы — в карах., хорезм., ст.-узб.; -ғу || -гү || -г^о, -қу || -кү — в уйг.; -қу || -қы — в кыпч.; Кононов, 84; четыре названия): др.-тюрк. *йавышғу* 'лист', 'лепесток' < *йав-* < *йап-* 'прилеплять', 'цепляться' + *-ыш* (взаимн. залог) + *-ғу*; тат. *чӧнечкӧ* 'шип', 'игла' < *чӧнеч-* < *санч-* 'колоть', 'вонзать', 'жалить' + *-кӧ* (|| -ки); азерб. *битки* 'растение' < *бит-* 'расти' + *-ки*; ног. *турқы* 'ствол' < *тур-* 'стоять', 'вставать' + *-қы*;

-ға || -қа — имена орудия, процесса действия (ДТС, 651; Севортян, Афф. им., 227; Рамstedт, 184: тюрк. -ға || -қа ~ монг. -гай ~ тунг.-маньчж. -ға || -қа ~ кор. -кай || -ай; Калужинский, 75: -ға, подобно -гай, является монгололизмом; PhTF, I, 792: -ға || -гӧ — отгл. им. в др.-тюрк., карах., коман., ст.-тур.; -қа || -кӧ — в тур.; Порре, 13: подтверждением существования тюрк. *-ға является функционирование тюрк. афф. -ғақ < *-ға + -қ; -ған < *-ға + -н; одно название)²²: гаг. *байлаға* 'ольха' < *бай* 'богатый', 'густой' + *-ла* (отым. глагол) + *-ға*. Встречаются названия растений с афф. -ға || -қа, образующим отыменные имена (ср.: Харитонов, 100: отым. им. с уменьш.-ласкат. знач.; Рамstedт, 184: отгл. и отым. им. с уменьшит. знач.; PhTF, I, 792: -ға — отым. им. в коман.; шесть названий): др.-тюрк. *йорунқға* 'клевер' < *йор-* 'гадать' + *-унч* (|| *-униш*, отгл. им.) + *-қа* (отым. им.); узб. *бошмаққа* 'початок кукурузы' < *бош* (~ *баш*) 'голова', 'верхушка' + *-мақ* (отым. им.) + *-қа*; ккалп. *тайға* 'тайга' < *тай* (~ *тағ*) 'гора' + *-ға*; леб. *қылға* 'ковыль' < *қыл* 'волос' + *-ға*; узб. диал. *кӧткӧ* 'пен' < *кӧт* (~ *кӧт*) 'тупой', 'короткий' + *-кӧ*; казах. *тураңға* 'тополь', 'осина' < *тур-* 'стоять', 'вставать' + *-аң* (отгл. им.) + *-ға*. Судя по названиям растений, можно было бы сказать, что аффикс -ға || -қа дает отыменные и отглагольные имена;

-гай || -қай²³ — прилагательные, субстантивируются (Рамstedт, 87: < монг. ~ кор. -гай || -қай; Калужинский, 75: < монг. -гай || -қай || -хай — в монг. отгл. и отым. им.; Рассадин, 66: ст.-монг. афф. прил.; PhTF, I, 794, 797: -гай (< -ға + -й) — отгл. им. в коман., карах.; -қай || -қай (-ңқай, -мқай) — в алт.; -қай — отым. им. в тат.; -қай || -қай — в башк.; одно название): алт. *чоchoғой* 'шишка (хвойного дерева)' < *чоchoй-* 'торчать', 'опухать, вздуться' + *-foй*;

-ғақ || -қақ²⁴ — прилагательные, субстантивируются (ДТС, 653: отгл. и в единичных случаях отым. им.; Рамstedт, 138: < монг. -ғақ <

²² См.: А. Г. Гулямов. Об аффиксе -ка. — «Бюллетень Академии наук Узбекской ССР», 1946, № 12.

²³ Э. В. Севортян не отмечает этот аффикс.

²⁴ Этот аффикс Э. В. Севортян также не отмечает. А. Н. Кононов указывает, что -ғақ || -қақ с уменьшительным значением (дает отым. им.) < -қа + -қ ~ -ақ + -ақ; при глагольных основах этот аффикс < -оқ + -оқ, где первый компонент сообщает основе глагола пассивное или медиальное значение с оттенком интенсивности, а второй выражает ряд значений — имя места, орудия и др. (Кононов, 83).

-ға + -қ) (авторы примечаний к русскому переводу книги Рамштедта соотносят -ғақ с -ғай, — стр. 238, прим. 141); PhTF, I, 794: -ғақ || -қақ — отгл. им. в коман.; -ғақ || -гәк — в карах.; -ғақ || -қақ — отым. им. в др.-тюрк.; четыре названия): др.-тюрк. *йапушғақ* 'ломанос' < *йап*- 'прилеплять', 'цепляться' + *-уш* (взаимн. залог) + -ғақ; башк. диал. *сәнескәк* 'хвоя' < *сәнес*- < *санч*- 'колоть', 'вонзять', 'жалить' + -кәк; кирг. *ботқақ* 'бутон' < *бо(ғ)*- 'завязывать (узлом, крест-накрест)' + -(ы)т (побуд. залог) + -қақ; кирг. *қамғақ* ~ *камбақ* 'перекати-поле', 'рута', 'верблюжья колючка' < *қам*- 'отбрасывать' + -ғақ;

-ы — имена признака и орудия действия (*Севортян, Афф. им.*, 239; *Харитонов*, 98; *Рамштедт*, 96: тюрк. -ы ~ монг., тунг.-маньчж., кор. -и; два названия)²⁵: уйг. *кичи* 'горчица' < *кич*- 'зудеть', 'чесаться' + -и; туркм. *чалы* 'куст' < *чал*- 'бить', 'косить' + -ы;

-а — имена признака, результата, орудия, объекта (*Севортян, Афф. им.*, 263; *Рамштедт*, 182; PhTF, I, 787; -а || -ä, -а || -е — отгл. им. в др.-тюрк., коман., карач.-балк.; три названия): тат. *йүкә* 'липа' <? *йүк*- < *йук*- 'прилипать' + -ä; тат. Бараб. *бүрә* 'почка' < *бү(к)*- 'гнуть' + (ү)р (побуд. залог) + -ä; чув. *шерепе* 'метелка (колоса)' < *шепере* < *шеп*- < *сүйп*- 'мести' + -ер (побуд. залог) + -е;

-ач || -ч, -ыни || -ни — имена орудия, результата действия: -ач || -ч (ДТС, 650; *Севортян, Афф. им.*, 267; *Рамштедт*, 190: тюрк. -ач || -ч ~ монг., тунг.-маньчж., кор. -ачи || -чи, первонач. знач. — уточнения, но уже на очень раннем этапе — уменьшит.; PhTF, I, 788, 791: -ч — отгл. им. в тур., кр.-тат., кумык.; -(а)ч — в карах., тур.; одно название)²⁶: ног. *тигиртич* 'хрен' < *тиг*- (~ *тық*-) 'втыкать' или *тиг*- (~ *тег*-) 'касаться', 'трогать' + -ир (побуд. залог) + -т (побуд. залог) + -ич;

-ыни || -ни (ДТС, 659; *Севортян, Афф. им.*, 269; PhTF, I, 801: -ни || -нич — отгл. им. в др.-тюрк. и др.; одно название): др.-тюрк. *йöргäнич* 'вьюнок' < *йöргä*- 'завертывать', 'обвивать' + -нич;

-қач || -ғач, -қыч || -ғыч — имена орудия, признака, процесса действия (ДТС, 661; *Севортян, Афф. им.*, 276; *Рамштедт*, 140: тюрк. *қач*- ~ монг. -ғад; PhTF, I, 793, 797: -ғач — отгл. им. в др.-тюрк., коман.; -ғач || -қач, -гәч || -кәч — в тур.; -қач || -қыч || *қуч* — в коман.: -ғоч || -қоч — в тур., кр.-тат.; -ғыч || -геч ~ -веч — в тат.; -ғыс || -қыс — в башк.; -ғыч || -қыч || -ағыч ~ -ағич, -аңғыч || -аңгис — в узб.; -кәс' — в чув.; одно название): тат. *себаркәч* 'метелка (растения)' < *себ*- < *сүйп*- 'мести' + -әр (побуд. залог) + -кәч; ср. афф. -қанғыч: узб. *чақонғич* 'крапива' < *чақ*- 'жалить', 'вонзять' + -қонғич; ср. также хак. *түйкпес* 'пень' < *түйпкес* < *түйп* 'дно', 'низ' + -кес (отым. им.), карач.-балк. *түйккүйч* 'пень' < *түйпкүйч* < *түйп* id. + -күй id., то есть аффикс -қач || -қыч образует и отыменные имена, судя по названиям растений и их частей²⁷;

-т || -ыт — имена абстрактного значения (*Севортян, Афф. им.*, 279; *Рамштедт*, 200: тюрк. -т ~ монг. -чи ~ тунг.-маньчж. -ти ~ кор. -чи < алт. *-ти; PhTF, I, 807: -от — отгл. им. в др.-тюрк., коман., карах.; -т || -ут || -үйт — в тур.; два названия): туркм. *чиг'ит* 'семя (хлопчатника)' < *чик*- (~ *чек*-) 'тянуть', 'вытаскивать' + -ит; тат. диал. *йомурт* ~ *йум*-

²⁵ См.: G. J. Ramstedt. Das deverbale Nomen auf -i in den altaischen Sprachen. — «Studia orientalia». Helsinki, 1945, XI, № 6.

²⁶ Э. В. Севортян отмечает аффикс -ч для отыменных имен (*Севортян, Афф. им.*, 169); ср. также PhTF, I, 791: -ч — отым. им. в др.-тюрк., карах.; -ач || -äч — в карах.; -(а)с' — чув. Для названий растений отыменные имена с -ч нами не были зафиксированы.

²⁷ Подтверждается это и в PhTF, I, 795: -гич — отым. им. в чув.

рут ~ шомурт ~ нубурт 'черемуха' < йом- ~ йум- ~ шом- ~ нуб- 'жмурить', 'закрывать (глаза)' + -р (побуд. залог) + -ут;

-ты || -ти — имя процесса, результата (Севортян, Афф. им., 284; Рамштедт, 115: общеалт.; PhTF, I, 792: -ды || -ди, -ду || -дү — отгл. им. в карах.; одно название): башк. балашты 'сосновый лес' < ба(й) 'богатый', 'густой' + -ла (отым. глагол) + -ш (взаимн. залог) + -ты; ср. башк. балышта 'еловый лес' < ба(й) id. + -лы < -ла id. + -ш id. + -та;

-м || -ым — имена абстрактные, результата, объекта, меры (ДТС, 657; Севортян, Афф. им., 294; Котвич, 310: тюрк., монг. -м ~ тунг.-маньчж. -н; Рамштедт, 100: архаичн. отгл. им. во всех алт. языках; PhTF, I, 788, 799: -ам || -ām — отгл. им. в тур.; -м || -om — в др.-тюрк., карах., тур., кр.-тат., кумык.; -ым || -ем — в тат.; -(й)м — в чув.; семь названий)²⁸: карач.-балк. дуғум 'смородина' < дуғ- (~ уйқ-) 'прилипнуть' + -ум; алт. öзүм 'растение' < öз- (~ öc-) 'расти' + -үм; гаг. салқым 'акация', 'виноград' < салқы- 'становиться вялым', 'свисать' + -м; казах. палам ~ балам 'калина', 'бузина' <? па(й) ~ ба(й) (? < *пол, *пәл, *нос, *пош, *пор, *пой и т. д. 'пустота', 'полость', 'сфера', 'емкость'²⁹) + -ла (отым. глагол) + -м; карач.-балк. битим 'растение' < бит- 'расти' + -им; караим. бұрұм 'почка' < бұ(к)- 'гнуть' + -(й)р (побуд. залог) + -үм; чув. йёп 'игла, шип, колючка' < йе(г)- (< йиг- ~ йиң-) 'колоть' + -п (|| -м);

-мақ — имена орудия, объекта, результата (ДТС, 657; Севортян, Афф. им., 303; Котвич, 312; Рамштедт, 194: < -ма + -қ; PhTF, I, 800: -мақ || -māk — отгл. им. в др.-тюрк., коман., кыпч., карах.; пять названий): тур. диал. азмақ 'сорняк' < аз- 'колоть' + -мақ; тур. йармақ 'крупа' < йар- 'расколоть' + -мақ; кирг. қамбақ 'перекати-поле' < қам- 'отбрасывать' + -бақ (|| -мақ); тат. Бараб. кермак 'кора' < кер- 'натягивать' + -мак; караим. трак. бұрчұмак 'чечевица' < бұ(к)- 'гнуть' + -(й)р (отгл. им.) + -чү (отым. глагол) -мак; ср. тат. Том. күгәлмай 'голубка' < күг (~ көк) 'зелень', 'зеленый', 'синий', 'голубой' + -ай (отым. им.) + -май (|| -мек); то есть аффикс -мақ образует и отыменные имена, судя по названиям растений³⁰;

-мық || -муқ — имена орудия, результата, признака действия (Севортян, Афф. им., 307; PhTF, I, 801; -муқ || -mūq — отым. им. в карах.; Кононов, 84; пять названий): ст.-узб. йасмуқ 'чечевица' < йас- 'выравнивать', 'делать плоским' + -муқ; тур. диал. азмуһ 'сорняк' < аз- 'колоть' + -муһ (|| -муқ); тат. йасымық 'чечевица' < йасы 'плоский' (< йас- id. + -ы) + мық (отым. им.); тур. читлембек 'орех' < чит- < черт- 'шелкать' + -л (страд. залог) + -ем (отгл. им.) + -бик (|| -мик); таранч. қарамуқ 'пырей' < қара 'черный, темный' + -муқ (ср.: Севортян, Афф. им., 310: -(а)мығ — отым. им.);

²⁸ В PhTF, I, 799: -om — отым. им. в др.-тюрк., карах.; -м || -ām || -ēm — в чув., то есть -м || -ым образует иногда и отыменные имена. См.: G. J. Ramstedt. Das deverbale Nomen auf -m in den altaischen Sprachen. — MSFOu. Helsinki, 1950, XCVIII, стр. 255—264.

²⁹ См.: Г. Е. Корнилов. Евразийские лексические параллели. К уточнению объема и характера болгаро-чувашско-венгерских лексических параллелей, I. Чебоксары, 1973, стр. 80—82. Автор полагает, что идея полости соотносится с идеей буйного увеличения (роста) в более древнем и общем пракорне *бог < *пх [то есть сюда же: пай ~ бай 'богатый', 'густой' в основе тюрк. пайлаң (кюэр.) ~ байлан (тат. диал.) 'пихта', которая характеризуется густой кроной].

³⁰ Ср. Рамштедт, 194; афф. -ма + афф. -қ дали тюрк. отым. афф. -мақ. Как показатель инфинитива -мақ < масдар. на -ма + дательный падеж на -ға; в неинфинитивных значениях -мақ < -м + -оқ (Кононов, стр. 83).

-қан || -ған, -аған || -ыған, -йан, -лаған || -лыған ~ -таған || -тыған³¹, -қын || -ғын, -ын || -н — имена субъекта и его признака:

-қан || -ған (ДТС, 652; Севортян, Афф. им., 310; Рамstedт, 134, 189: тюрк. -қан || -ған ~ монг. -гана ~ тунг.-маньчж. -кан < -ға + -н, аффикс возник в глубокой древности и очень употребителен в названиях небольших животных и растений; Котвич, 289: тюрк. -ған ~ маньчж. прич. прош. вр. на -қа || -ха ~ монг. отгл. им. на -ған || -ға || -лған || -лга; Гаджиева, 90; < -қ + -ан; PhTF, I, 794, 796: -ған || -гән, -қан || -кән — отгл. им. в коман., карах., тур., тат., узб.; 11 названий)³²; тат. Бараб. йабышқан ~ азерб. йемишан ~ туркм. йемишан 'боярышник' < йап- ~ йем- 'прилеплять', 'цепляться' + -ыш || -иш || -ш (взаимн. залог) + -қан || -(қ)ан; тур. диал. азған 'терн', 'шиповник' < аз- 'колоть' + -ған; уйг. сойған ~ соған 'лук' < ?сой- 'обдирать' + -ған; гаг. сырған 'крапива' < сыр- 'стегать' + -ған; кирг. чалқан 'крапива' < чал- 'бить', 'косить' + қан; азерб. пытырған 'лопух', 'репейник' < пыт- < бит- 'расти' + -ыр (побуд. залог) + -ған; кирг. бұлдүркөн 'клубника' < бұл- 'делить' + -дүр (побуд. залог) + -көн; куманд. тараған 'просо' < тара- (< тары-) 'возделывать землю' + -ған; др.-тюрк. tikkän 'колючка', 'шип' < tik- 'втыкать' + -кан; ног. кичиткән 'крапива' < кич- 'зудеть, чесаться' + -ит (побуд. залог) + -кән; башк. диал. кесирткән 'крапива' < кес- < кич- id. + -ир (побуд. залог) + -кән; ср. башк. қылған 'усик (колоса)' < қыл 'волос' + -ған (отым. им.)³³.

Ср. фитонимы с монгольской формой аффикса, являющиеся, вероятно, поэтому монголизмами: аффикс -гана || -ана (Рамstedт, 189: < монг.; Калужинский, 78: < монг., образует названия мелких животных, птиц, насекомых и растений; Кара, 12: < монг.; одно название): кирг. алтыгана 'акация' < алты(н) 'золотой' + -гана; явное заимствование из монгольских языков: уйг. долана, шор. толана ~ толан, тат. Бараб. даулан, якут. дологоно ~ дологон ~ долохоно ~ долукуна ~ долокуна ~ долукуна 'боярышник' < письм.-монг. dolḡana ~ doluni, монг., бур. долоогоно, калм. dolāno ~ dolan³⁴ id. > эвенк. долгино ~ дологоино id. (R. KW, 94);

-аған || -ыған — имена постоянного признака, склонности (Севортян, Афф. им., 319; Рамstedт, 186; тюрк. аған < -а (дееприч.) + -ған (афф. уменьш.); PhTF, I, 788: -аған || -әған — отгл. им. в карах., тур., узб., среднеаз.-тюрк. языках; -әкән — в чув.; два названия): алт. йадаған ~ йадыған 'рожь' < йат- 'лежать' + -аған || -ыған (дослов. 'всегда лежащая' ~ 'полегающая', т. е. характерная особенность ржи); ст.-узб. чалаған 'крапива' < чал- 'бить', 'косить' + аған;

-лаған || -лыған ~ -таған || -тыған — в основном имена с теми же значениями, что и с афф. -аған (одно название)³⁴; тат. диал. астыған ~ аслыған ~ аслаған 'малина' < ас- 'колоть' + -тыған || -лыған || -лаған (дослов. 'обычно колющая');

-қанақ || -ғанақ (< -ған + -ақ; два названия)³⁵: тат. сырғанақ 'облепиха' < сыр- 'облеплять', 'обтягивать' + -ғанақ; хак. салғанах 'крапива' < сал- (~ чал-) 'бить', 'косить' + -ғанах (|| -ғанақ);

³¹ Аффикс -лаған || -лыған ~ -таған || -тыған у Э. В. Севортяна не приводится.

³² См.: Н. К. Дмитриев. Аффикс غان в новоосманском языке. — В сб.: «Строй тюркских языков». М., 1962, стр. 109—113.

³³ Ср. PhTF, I, 796: -қан || -кән, -хан — отым. им. в карах., др.-тюрк., то есть этот аффикс иногда дает и отыменные имена.

³⁴ Этот аффикс у Э. В. Севортяна не указан.

³⁵ Аффикс -қанақ у Э. В. Севортяна не указан.

-йан || -чан; -чаң³⁶ — имена с теми же значениями признака, склонности, свойства (Севортян, Афф. им., 322: -(й)ан — отгл. им. признака; ср. на стр. 179 — афф. -чан — отгл. и отым. прилагательные качества, свойства, склонности < -ч + -ан; Гаджиева, 85: PhTF, I, 791, 792: -чāң || -чā:ң, -чāн || -чā:н — отгл. им. в алт.: -чаң || -чāң — в шор.; -чаң — отым. им. в коман.; -чан — в карач.-балк., тат., уйг.; -сан || -сāн — в башк.; -чāн || -чāң — в узб.; Кононов, 85; три названия): др.-тюрк. йапчан ~ йавшан ~ йемшан 'попынь' < йап- ~ йав- ~ йем- 'прилеплять', 'цепляться' + -чан; тат. билчāн 'дурман', 'белена', 'осот' < ?бил- 'знать', 'понимать' + -чāн; тур. салйан 'терновник' < сал- (~ чал-) 'бить', 'косить' + -йан;

-қын || -ғын (ДТС, 653; Севортян, Афф. им., 325; Рамstedт, 136: < -ғы || -қы + -н; PhTF, I, 795: -ғын || -ғун — отгл. им. в др.-тюрк., кумык.; -қын || -қун — в коман.; -ғын — в карах.; -ғон — в тур., кр.-тат.; -ғын || -қын || -қин — в узб.; одно название); др.-тюрк. йылғын 'тамариск' < йыл- 'ползти', 'извиваться' + -ғын; ср. кирг. қылқын 'камыш' < қыл 'волос' + -қын (отым. им.), то есть аффикс -қын образует в некоторых случаях и отыменные имена, судя по названиям растений;

-ын || -н (ДТС, 658; Севортян, Афф. им., 332; Рамstedт, 91, 194; PhTF, I, 788, 801: -ан || -āн — отгл. им. в алт.; -н || -он — в др.-тюрк., коман., карах., тур., кумык., узб.; -ын || -йн — в туркм.; три названия): якут. сытын 'жимолюсть' < сыт- (~ йыд- < *йыд-) 'пахнуть', 'гнить' + -ын; азерб. сүдлайин 'молочай' < сүт 'молоко' + -лā (отым. глагол) + -йин (|| -ин); тел. қазан 'лопух' < қаз- 'рыть' + -ан (< ? -ған);

-лан; -лаң³⁷ — несколько имен, означающих названия диких животных (Севортян, Афф. им., 340: отгл. им. и в тур. иногда — отым. им. в знач. места уменьшительности, признака и его неполноты) и, судя по нашим материалам, наименования растений; одно название): тат. сыр-лан 'облепиха' < сыр- 'облеплять', 'обтягивать' + -лан;

-р || -ыр — имена признака, процесса, результата (ДТС, 667; Севортян, Афф. им., 340; Рамstedт, 84: тюрк. -р ~ монг. -ра || -ура ~ тунг.-маньчж. -р || -ра ~ кор. -л || -ил || -ал; Котвич, 277; PhTF, I, 804: -р — отгл. им. во многих тюрк. языках; два названия): кирг. чытыр 'пажитник' < чыт- 'хмуриться', 'морщиться' + -ыр; тат. Бараб. бүййр 'почка (древесная)' < бүй- (~ бүйк-) 'гнуть' + -йр;

-мыш — имена объекта процесса действия (ДТС, 658; Севортян, Афф. им., 348; Котвич, 312: < -ма + -ыш; PhTF, I, 800: -мыш || -миш — отгл. им. во многих огузско-тюрк. языках; два названия): уйг. йāмиш 'ягода', 'плод', 'фрукт' < йā- ~ йег- 'есть', 'кушать' + -миш; алт. йōргōмйш 'хмель' < йōргō- (~ йōргā-) 'завертывать', 'обвивать' + -мйш;

-дық || -дүк — имена процесса (Севортян, Афф. им., 353; Рамstedт, 139: тюрк. -дық ~ монг. -да-г, тунг.-маньчж. -диг, общеалт. афф.; Котвич, 312: < -ды + -қ; PhTF, I, 792: -дық — отгл. им. в тат.; Гаджиева, 93; одно название): туркм. бӯрдӯк 'зерно' < бӯ(к)- 'гнуть' + -р (побуд. залог) + -дӯк;

-з || -ыз (Рамstedт, 198: тюрк. -з ~ монг. -ри (ДТС, 668: отгл. им., встречаются в единичн. случаях; PhTF, I, 809: -з — отгл. им. в др.-тюрк., коман., карах.; одно название): др.-тюрк. йылдыз ~ уйг. йилтиз 'корень (растения)' < йыл- ~ йил- 'ползти', 'извиваться' + -т (побуд. залог) + -ыз || -из;

-муз (одно название): узб. йалпуз 'мята' < йал- 'обжигать' + -пуз (|| -муз);

³⁶ Аффикс -чаң у Э. В. Севортяна не указан.

³⁷ Аффикс -лаң у Э. В. Севортяна не указан.

-рық || -руқ (два названия): др.-тюрк. *адрық* ~ *айрық* 'пырей' < *ад-* ~ *ай-* 'колоть' + *-рық*; др.-тюрк. *елрүк* 'рута' < *ел-* < *ыл-* 'вешать', 'цепляться', 'вонзаться' + *-рүк*.

* * *

Как видно из приведенного выше материала, в образовании тюркских названий растений и их частей, помимо словообразовательных аффиксов, принимают активное участие и аффиксы залогов — прежде всего побудительного (широко *-т*, реже *-р*), формы двойного побудительного залога (*-(ы)ш* + *-ыр*), затем страдательного (*-л*), далее — взаимного (*-ш*) и возвратно-страдательного (*-н*). Встречаются названия, включающие две разные залоговые формы (например, побудительную и страдательную).

Залог исторически является переходной категорией от словообразования к словоизменению. Поэтому здесь аффиксы залогов нами рассматриваться не будут, ибо это является темой специального исследования и должно быть рассмотрено на более обширном материале, нежели растительная лексика. По этой же причине не затрагиваются нами и аффиксы глаголообразования от имен, отмечавшиеся при рассмотрении данной лексики (*-ла*, *-чү*).

В числе названий растений имеются заимствования из других алтайских языков — монгольских и тунгусо-маньчжурских. Они обычно фиксируются в специальных исследованиях и словарях (*Räs. EW*). Нескольким больше названий с монгольскими фонетическими формами словообразовательных аффиксов или с аффиксами, употребляемыми только в монгольских языках при тюркских (<? общеалтайских) корнях-основах. Распространенность таких названий у территориально близких к монголам тюркских народов (тувинцев, тофаларов, шорцев, алтайцев, хакасов и др.) позволяет говорить о монгольских заимствованиях, вошедших в тюркскую лексику столь давно и прочно, что они участвовали в процессе ее исторического развития³⁸.

Со временем подобные названия могли распространиться и на другие группы тюркских языков (на запад и юг, юго- и северо-запад). Поэтому названия с указанными аффиксами целесообразно условно рассматривать как возможные монголизмы. Из рассмотренных выше названий к таким следует отнести с аффиксами: *-ай*, *-л*, *-мал*, *-ғыр* || *-ғырсун*, *-ғай* || *-қай*, *-ғақ* || *-қақ*, *-ғана*, *-сун*. Судя по фонетическим формам и особенностям распространения, к общеалтайским названиям растений относятся включающие аффиксы: *-чақ* *-ма*, *-ақ* || *-ық*, *-ғ* || *-к*, *-ғы* || *-қы*, *-ы* || *-и*, *-ты* || *-ти*, *-м* || *-ым*³⁹. К периоду тюркской языковой общности исследователи относят аффиксы: *-ған* || *-қан*, *-қ* || *-к*, *-аң* || *-и*, *-қы* || *-ки*, *-қын* || *-ғын*, *-чақ* || *-чық*, *-чан*, *-чаң*, *-н* || *-ан*, *-нч*, *-м*, *-ма*, *-мақ*, *-мыш*, *-т* || *-ыт*, *-дық*, *-л* || *-ыл*, *-р* || *-ыр*⁴⁰.

В некоторых якутских названиях растений встречается тунгусо-маньчжурский словообразовательный аффикс *-кта*, обычный для тунгусо-маньчжурской лексики (часто — для названий растений). Эти названия являются, несомненно, тунгусо-маньчжурскими заимствованиями, что обычно отмечается в литературе. Например: якут. *налбыкта* 'мох' < эвенк. *налбукта* ~ *налбука* id. (*Räs. EW*, 350); якут. *болбукта* 'лещина' < эвенк. *болгикта* id. (*Räs. EW*, 79); якут. *сибиктэ* < эвенк. *сивикте* 'хвощ' (*Räs. EW*, 420); якут. *мутукча* ~ *мучукта* ~ *мучукча* 'хвоя' < эвенк. *мучиктэ* (*Räs. EW*, 339).

³⁸ См.: *Рассадин*, 66—67.

³⁹ Это отмечает Г. И. Рамstedт (см.: *Рамstedт*, 192, 101, 187, 89, 96, 115, 100).

⁴⁰ См.: *Гаджиева*, 90, 92, 85 и др.

Из пятидесяти приведенных словообразовательных аффиксов тюркских названий растений тридцать восемь дают отглагольные образования. Наиболее распространенными из этих аффиксов являются: *-қ* || *-ғ* — 6 + 18 (от имен и от глаголов), *-қан* || *-ған* — 11, *-чақ* || *-чық* — 4 + 6 (от имен и от глаголов). Наименее распространены (по одному — по два названия): *-ай*, *-ы*, *-ач* || *-и*, *-т* || *-ыт*, *-мық* || *-муқ*, *-қанақ*, *-мыш*; единичные: *-чыл*, *-туруқ*, *-мал*, *-ғыр* || *-ғырсун*, *-ғай* || *-қай*, *-ынч* || *-нч*, *-қач* || *-қыч*, *-ты*, *-қын*, *-дык* || *-дуқ*. Из всех аффиксов только *-қан* || *-ған* (и заимствованный из монгольских языков аффикс *-гана*) способен образовывать и отглагольные имена, означающие мелких животных и растения.

В отыменных образованиях названий растений подавляющее большинство аффиксов с уменьшительным значением — шесть (*-чақ* || *-чық*, *-ча*, *-ақ* || *-ық*, *-а*, *-ан* || *-аң*, *-ай*), имеют значения субстантивированных прилагательных — два (*-лақ* || *-дақ* ~ *-алақ* ~ *-[лығ]* || *-лы*, *-чыл*), абстрактно-собирающее — один (*-лық*), орудия действия — один (*-туруқ*). В отглагольных образованиях названий растений преобладают аффиксы со значением признака действия — 17 (*-чақ* || *-чық*, *-ча*, *-мал*, *-қ* || *-ғ*, *-ы*, *-а*, *-қач* || *-қыч*, *-аған* || *-ыған*, *-лаған* || *-лыған* ~ *-таған* || *-тыған*, *-йан* || *-чан*, *-чаң*, *-қанақ* || *-ғанақ*, *-кын* || *-ғын*, *-ын* || *-ин*, *-лан*, *-лаң*, *-р* || *-ыр*). Другие аффиксы данной группы передают значения предмета, процесса, результата — 12 (*-ма*, *-анақ* || *-нақ*, *-ыл* || *-ал* || *-л*, *-ғы* || *-қы*, *-ға* || *-қа*, *-ач* || *-и*, *-ты*, *-м* || *-ым*, *-мақ*, *-мық* || *-муқ*, *-мыш*, *-дық* || *-дуқ*), субстантивированных прилагательных — 5 (*-ғыр* || *-ғырсун*, *-лақ* || *-дақ* ~ *-алақ*, *-лығ*, *-ғай* || *-қай*, *-ғақ* || *-қақ*), абстрактных имен — два (*-ыш*, *-т* || *-ыт*), увеличительно-усилительное — одно (*-ман*).

Словообразовательные аффиксы (помимо корней и основ) способствуют передаче семантики, заключенной в названиях растений и их частей: аффиксы с уменьшительным значением, видимо, — значения подобия, сходства (по внешнему виду, особенностям строения — с окружающими предметами и явлениями, особенно — с человеком или животным); аффиксы, выражающие значения предмета, процесса и результата действия, абстрактных имен, — идеи основного назначения, применения растений в жизни человека, животного и т. п.; со значениями признака действия, субстантивированных прилагательных — модели отличительных (ярких, бросающихся) особенностей растений; с увеличительно-уменьшительным значением — модели собирательности, места скопления.

Связь словообразовательных аффиксов с семантикой растительной лексики должна стать предметом специального семантического анализа, что является самостоятельной темой.

К. М. АБДУЛЛАЕВ

СООТНОШЕНИЕ ГЛУБИННОГО И ПОВЕРХНОСТНОГО СОСТОЯНИЙ СТРУКТУРЫ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ПАРАЛЛЕЛЬНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ

(НА МАТЕРИАЛЕ ТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКОВ)

Синтаксический параллелизм в составе одного предложения предполагает следующие друг за другом и взаимосвязанные между собой компоненты со сходной или одинаковой синтаксической структурой.

Параллельные компоненты вносят в предложение однотипность как в формальном, так и в содержательном планах. Формальная однотипность заключается в том, что члены разных однотипных компонентов вступают в одинаковые или почти одинаковые грамматические (формальные) отношения. Повторение подобной схемы сопровождается определенными экстраформальными факторами, такими, как синонимия или антонимия содержания целых компонентов, соотношение различных грамматических значений как полюсных, так и варьирующихся между этими полюсами.

Конструкция предложения, в которой основополагающую структурную роль играет синтаксический параллелизм, кроме параллельных компонентов ($a_1, a_2, a_3 \dots a_n$), включает также их семантико-синтаксическую концовку, то есть так называемый основной член предложения (s), без наличия которого конструкция была бы открытой¹.

1. *At ajağy kəluk, ozan dili čevik olur* 'Нога коня — хромая, язык певца — проворен' («Китаби Деде Коркуд»).

В приведенном примере *at ajağy kəluk* и *ozan dili čevik* являются соответственно a_1 и a_2 , *olur* же представляет собой s .

Наличие s в компоненте — естественный сигнал предикации, и, следовательно, дальнейшее употребление s в составе следующего компонента в пределах данной конструкции, идентифицируемой одним предложением, невозможно². В памятниках тюркской письменности, впрочем, как и в современных тюркских языках, встречается характерная конструкция с наличием s в каждом из своих компонентов, благодаря чему она может рассматриваться в строго формальном плане как состоящая из нескольких предложений. Однако существует определенное условие, предохраняющее от этого, — грамматико-лексическая идентичность s в параллельных компонентах. Подобный лексический повтор выступает в виде сказуемого. Сравните:

¹ Ср. с асиндетическими сложными предложениями открытой структуры в турецком языке: *Su yok, odun yok, sabun yok* 'Воды нет, дров нет, мыла нет' (С. А. Соколов. Исследование по синтаксису сложного предложения в современном турецком литературном языке. Автореф. докт. дисс. М., 1974, стр. 11).

² В противном случае мы имели бы несколько предложений с полностью оформленными предикативными центрами, то есть каждый компонент превращался бы в отдельное предложение.

1. Tabıaŝ qaıan jaıumyz ärti, on og qaıany jaıumyz ärti 'Каган народа табгач был нашим врагом, каган (народа) десяти стрел был нашим врагом' (Малов, ПДП, стр. 62).

2. Inisi arisin bilmäz ärti, oğly kanyın bilmäz ärti 'Младшие братья не знали своих старших братьев, а сыновья не знали своих отцов' (Малов, ПДП, стр. 30).

3. Бэдән руһ елминдән чаһилдир, вә руһ бэдән елминдән чаһилдир 'Тело не знает учения о духе, и дух не знает учения о теле' (Мирзазаде. Синтаксис, стр. 130. Из «Мәнағиби — шейх Сәфи»).

4. Бірінчісігә Күн ам коїділар, ікінчісігә Аї ам коїділар, үчүнчүсүгә Јуїдуз ам коїділар 'Первому из них дали имя Солнце, второму — Луна, третьего назвали Звездой' (Щербак, стр. 29, из «Огузнаме»).

Полный лексический повтор сказуемого как бы контаминируется в языковом сознании, вследствие чего образуется некоторый единый предикативный центр, регулирующий параллельные компоненты. Особо следует отметить, что при таком естественном ослаблении одной из повторяющихся лексических единиц, находящейся на стыке компонентов и создающей формально-грамматическую иллюзию цельности для предшествующего компонента, происходит повышение соединительной интонации. Возможно, интонация выполняет в данном случае функцию союза (в широком понимании этого термина), приобретая тем самым более весомое значение.

Лексический повтор в параллельной конструкции может быть и частичным, то есть с неидентичной морфологической ориентацией. Сравните:

1. Бу күн мән кејдим, јарын наубим кејсин 'Сегодня я одел, завтра пусть слуга мой оденет' («Китаби Деде Коркуд»).

2. Аһ ејләјиб сејран едәр 'Вздыхнув, он лицезреет' (Халилов, стр. 49, из «Асрарнаме»).

3. Тағ тағка кавушмаз, киши кишигә кавушур 'Гора с горою не сходится, человек с человеком сойдется' (Абдурахманов, стр. 167, из «Дивани-лугат-ит тюрк»).

Отклонение от структурного параллелизма чаще всего встречается у глагольных сказуемых. Обычно трансформируется сказуемое первого компонента, иными словами, оно своими морфологическими показателями удаляется от своего исходного грамматического положения, то есть такого, в котором находится сказуемое второго нетрансформированного компонента. Критерии трансформации выдвигаются с учетом степени предикации — при более полной предикации сказуемое берется как выражающее более исходное положение. Именно трансформация одного из сказуемых создает определенные благоприятные условия для употребления в роли замыкающего компонента также и неидентичные лексические единицы. Сравните:

1. Ағ чыхарыб, гара кејин 'Снимите белое, оденьте черное' («Китаби Деде Коркуд»).

2. Асланы галдырыб, оғланы тутдулар 'Подняв льва, поймали мальчика' («Китаби Деде Коркуд»).

Трансформация сказуемого в компонентах оценивается нами как переход от более глубинного состояния структуры к сравнительно поверхностному³. Благодаря морфологической ориентации можно восста-

³ О глубинных и поверхностных состояниях структуры мы говорим метафорически. Ср.: В. М. Солнцев. Относительно концепции «глубинной структуры». — «Вопросы языкознания», 1976, № 5, стр. 23.

новить более глубинное состояние, то есть «использовать синтаксическую категорию в ее первичной функции»⁴. Сравните:

1а. *Ағ чыхарын, гара кејин.*

2а. *Асланы галдырыб, огланы тутдулар.*

Имеется случай, когда параллельная конструкция представлена и в поверхностном, и в глубинном состояниях. Сравните:

1. *Кәлисасын јыхдым, мәсчид јандым* 'Разрушил церковь, соорудил мечеть' («Китаби Деде Коркуд»).

Следует отметить, что подобное глубинное состояние конструкции напоминает сложное синтаксическое целое, иными словами, является такой структурой, где каждый компонент имеет свой самостоятельный предикативный центр. Трансформация одного из сказуемых, превращающая глубинное состояние в поверхностное, естественно, оставляет конструкцию с единым трансформированным предикативным фокусом. Сравните:

1. *Кәлисасын јыхыб јеринә мәсчид јандым* 'Разрушив церковь, на ее месте соорудил мечеть' («Китаби Деде Коркуд»).

Элемент *јеринә*, хотя и стоит особняком при полном уравнивании компонентов, однако, он служит: в структурном плане — более прочному соединению компонентов в одно целое (как эквивалент связи), в содержательном плане — более глубокому раскрытию семантики первого компонента.

Компонент с трансформированным элементом на *-ыб* в целом выражает временное состояние, предшествующее компоненту с нетрансформированным членом⁵. Именно такая возможность временного соотношения между параллельными компонентами, как думается, и создает условие для преобразования глубинного состояния структуры в более поверхностное. В «глубинной структуре» компоненты выражают синхронное действие, что, видимо, не всегда отвечает прямой цели информатора. Появление «поверхностной структуры», таким образом, оправдано передачей грамматического значения, строящегося, как об этом уже говорилось, на временном соотношении. Сравните:

1. *Әлин өпүб бојнун гучғыл* 'Поцеловав руку ему, обними шею его' («Китаби Деде Коркуд»).

Чтобы подчеркнуть первичность действия, выражаемого первым компонентом, трансформируется предикативная часть этого компонента, благодаря чему достигается определенное чередование временного порядка, иными словами, диахронизм при восприятии содержания компонентов. В своем глубинном положении данная конструкция предстает следующим образом:

1а. *Әлин өпкил, бојнун гучғыл* 'Поцелуй руку ему, обними шею его'.

Взаимоотношения между глубинным и поверхностным состояниями структуры можно раскрыть и на основе так называемых четырехчленных конструкций, в которых составляющие элементы соединяются парно и образуют два структурно параллельных компонента. Будучи абстрактными в чисто семантическом плане, эти элементы представляют собой как бы пустые клетки, готовые для заполнения; в грамматическом (морфологическом) же плане они покомпонентно противопол-

⁴ В. Г. Гак. К проблеме синтаксической семантики. — В сб.: «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., 1969, стр. 81.

⁵ Ср.: «В преобладающем большинстве конструкция (по нашему — компонент. — К. А.) с *-ыб* выражает предшествующее (главному) действие» (Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, стр. 318).

ставляются друг другу. В подобных конструкциях переход от «глубинной структуры» к «поверхностной» осуществляется следующим образом. Абстрактные элементы (пустые клетки) конструкции постепенно (позатпно) замещаются (заполняются) более конкретным содержанием, обязательно соответствующим конситуации. При этом учитываются все основные семантико-грамматические параметры (перспективы) глубинного состояния. Сравните:

1. *Булурсам булдум, булмазсам танры верди, танры алды* 'Если найду — то найду, если не найду — то бог дал, бог и взял' («Китаби Деде Коркуд»).

2. *Ојнарсан ојна, ојнамазсан — чәһәннәмдә ојна* 'Танцуешь — танцуй, не танцуешь — чорт с тобой' (букв.: 'в аду заплешь') («Китаби Деде Коркуд»).

Реконструированное глубинное состояние, то есть уже описанное выше четырехчленное (клеточное) состояние будет иметь следующий вид:

1а. *Булурсам булдум, булмазсам булмадым.*

2а. *Ојнарсан ојна, ојнамазсан ојнама.*

В этих глубинных конструкциях параллельные компоненты противопоставлены по морфологической ориентации в аспекте «утверждение — отрицание». Особое внимание следует обратить на тот участок конструкции, в котором происходит заполнение клетки. В данном случае — замещение именно последнего члена второго компонента, представляющего собой отрицательное морфологическое направление, конкретными, соответствующими конситуации элементами свидетельствует о том, что информатор сомневается в реальности действия, в утвердительно-понудительном порядке передаваемого первым компонентом. Следовательно, в зависимости от цели информатора замещается определенный член более глубинного состояния структуры.

В целом структуры реконструированных вариантов (1а, 2а) можно считать ядерными, так как данное наличие членов представляется окончательным⁶. Лексико-грамматическая интерпретация этих структур — относительно несложная, они представляют собой повторение определенного корня в его разных грамматических формах⁷. В принципе все члены ядерной структуры могут быть заменены. При замене всех членов соответствующими конситуации элементами связь преобразования с исходным положением становится едва заметной. Можно констатировать, что в огузском памятнике «Китаби Деде Коркуд» наблюдается замена максимум двух членов. Сравните:

1. *Һүнәри варса, кәлсин алсын, јохса евдәки ғыза разы олсун* 'Если он смелый, пусть придет женится на этой, если нет, пусть довольствуется той, что дома'.

Оба компонента данной конструкции семантико-грамматически связаны со своей ядерной структурой. В каждом из них последний член заменен элементами, необходимыми для более конкретного, адекватного восприятия ситуации. Думается, что в данном случае «ядерную структуру» целесообразнее восстанавливать поэтапно. Сравните:

1а. *Һүнәри варса кәлсин алсын, Һүнәри јохса кәлмәсин алмасын.*

Вариант (1а) представляет собой более глубинное состояние по сравнению с предшествующим примером (1). Восстановление подоб-

⁶ Ср.: Г. Г. Почепцов. Конструктивный анализ структуры предложения. Киев, 1971, стр. 52.

⁷ М. Адилев. Азәрбајҹан дилиндә синтактик тәқрарлар. Бақы, 1974, стр. 167.

ного состояния предполагает идентичное синтаксическое (с соблюдением определенной морфологической разнонаправленности) строение компонентов. В данном случае второй компонент приравняется нами к первому. Следующий этап предполагает выявление тех элементов в варианте (1а), которые являются основными составляющими ядерной (конечной) структуры. Эти элементы должны обладать свойствами «открытых клеток», то есть быть в семантическом плане более абстрактными. Рассмотрим вариант (1а). Компоненты в этой структуре противопоставляются благодаря лексико-семантической антонимии *варса* — *јохса*, с одной стороны, и грамматической антонимии *кэлсин алсын* — *кэлмасин алмасын*, с другой. По всей вероятности, именно элементы *варса* и *јохса* являются наиболее абстрактными во всей конструкции.

Таким образом, появление более конкретных элементов *кэлсин алсын* в a_1 и *кэлмасин алмасын* в a_2 объясняется заменой более абстрактных элементов, составивших в ядерной структуре одно целое с *варса* (a_1) и *јохса* (a_2). Если произвести обратную замену, то нужно будет при этом восстановить такие элементы, которые по своей абстрактности являлись бы «открытыми клетками», готовыми для конкретного заполнения, и имели бы определенную общность с элементами *кэлсин алсын* (a_1) в аспекте утверждения и *кэлмасин алмасын* (a_2) в аспекте отрицания. Подобными «клетками», как нам думается, служили элементы *вар* (a_1) и *јох* (a_2). Сравните:

1б. *Һүнәри варса вар, Һүнәри јохса јохдур.*

Вариант 1б представляет собой более глубинное состояние структуры, нежели вариант 1а.

Следующий этап является последним, так как после устранения структурно необязательных элементов из компонентов дальнейшее устранение каких-либо элементов без нанесения ущерба конструктивной стороне невозможно. Сравните:

1в. *Варса вар, јохса јохдур.*

Вариант 1в является самой глубинной или ядерной (конечной) структурой примера 1.

В языковом сознании развертывание ядерной структуры происходит поэтапно и на основе семантико-грамматических законов. В данном случае оттенок сомнения у информатора подчеркивается развертыванием именно тех элементов, которые не выражают этот оттенок. Следовательно, элементы *варса* (a_1) и *јохса* (a_2), выражающие этот оттенок, сохраняются до самого поверхностного состояния структуры.

Изучение соотношения глубинного и поверхностного состояний структуры представляет определенный интерес при исследовании параллельных конструкций. Реконструирование глубинных (в данном случае ядерных) состояний (структур) дает возможность вскрыть механизм образования сложной синтаксической иерархии. Подобное исходное состояние конструкции отражает, как в фокусе, все основные грамматические параметры (перспективы) поверхностных состояний.

Соотношение глубинного и поверхностного состояний структуры может быть вскрыто также на основе предложений различного строения, в том числе и таких сложных (сложноподчиненных), где синтаксический параллелизм является семантико-структурной основой. В частности, рассмотрим пример сложного предложения с подлежащим придаточным:

1. *Ким ки, шол кұлзары булду, өзкә кұлзар истәмәз* 'Кто нашел этот цветник, другого не захочет' (Мирзазаде. Синтаксис, стр. 139, из Насими).

При восстановлении более глубинного состояния (или самой конечной ядерной структуры) следует прежде всего структурно уравнивать компоненты, то есть устранить эллипсис. В данном случае мы восстанавливаем отсутствующий коррелят *ким* во втором компоненте в качестве личного местоимения *о*. Сравните:

1а. *Ким ки, шол кулзары булду, о өзкә кулзар истәмәз.*

В своем первичном положении a_1 выражает вопрос (*ким шол кулзары булду?*), a_2 же — это полный ответ на данный вопрос (*о өзкә кулзар истәмәз*). Переход в поверхностное состояние (появление союзного показателя *ки*, нисходящая интонация, качественное изменение ударения и т. п.) нивелирует процесс «вопрос — ответ», что, в свою очередь, способствует образованию единого, цельного предложения.

Следует отметить, что в данном случае строгой коммуникативной дифференциации между эллиптированным поверхностным и неэллиптированным, более глубоким, состояниями структуры не существует. Сравните:

1. *Ким ки, чаваби верә, ол бу суалы билир* 'Кто даст ответ, тот знает этот вопрос' (Мирзазаде. Синтаксис, стр. 139, из Насими).

Наличие в одном источнике и поверхностного, и глубинного состояний одной структуры доказывает, что эти состояния могут употребляться одновременно и взаимно заменять друг друга.

Как уже отмечалось, постепенный переход в поверхностное состояние изначальную ядерную структуру делает неузнаваемой.

Однако может возникнуть вопрос и другого порядка. Если поверхностную структуру первого компонента последнего примера свести к ядерной *верән верәр* (с допустимой поправкой *верә* на *верәр*), а второго компонента — к *билән билир*, то какая из этих ядерных структур должна представлять основу ядра всей конструкции в целом? В первом случае полная ядерная структура конструкции будет выглядеть следующим образом: *верән верәр, вермәјән вермәз*, во втором случае — *билән билир, билмәјән билмир*. Оговорим, что реконструирование именно таких полюсных аспектов, как утверждение и отрицание, более полно охватывает дальнейшие всевозможные грамматические параметры, семантические перспективы развития ядра. В данном случае за основное исходное состояние всей структуры в целом, казалось бы, следует брать ядро главного предложения — *билән билир*. Однако в этой конструкции благодаря местоположению придаточного и главного предложений явно чувствуется оттенок актуализации (придаточное предшествует главному): не следует при этом забывать и то обстоятельство, что придаточное предложение (*ким ки, чаваби верә*) на определенном этапе своей глубинной структуры представляет собой не что иное, как вопрос (*ким чаваби верә?*). Следовательно, целесообразнее было бы брать за основу ядра всей конструкции структуру *верән верәр*, то есть ту часть, которая постепенно превратилась в придаточное предложение, и отрицательный аспект этой структуры *вермәјән вермәз*. Именно отрицательный аспект этой ядерной структуры сыграл роль «клетки», заполненной сначала глубинным (*билән билир*), а затем поверхностным (*ол бу суалы билир*) состояниями структуры второго компонента.

В четырехчленных конструкциях описываемого типа постепенное развертывание членов, то есть заполнение определенных пустых клеток происходит исключительно согласно конситуации. Этот важный момент необходимо учитывать, ибо именно он является основной причиной появления «поверхностных структур».

Таким образом, цель реконструкции глубинных состояний структуры заключается не в формальном сведении одной структуры к другой, а

в объяснении возможности и даже закономерной необходимости процесса семантико-грамматического преобразования, а также в выявлении прежних оттенков значений и связей с прежним состоянием, не утраченных конструкцией после ее преобразования.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

<i>Абдурахманов</i>	— Г. А. Абдурахманов. Исследование по старотюркскому синтаксису (XI век). М., 1967.
<i>Малов, ПДП</i>	— С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
<i>Мирзазаде. Морфология</i>	— Г. Мирзазаде. Азәрбајҹан дилинин тарихи морфолокијасы. Бақы, 1962.
<i>Мирзазаде. Синтаксис</i>	— Г. Мирзазаде. Азәрбајҹан дилинин тарихи синтаксиси. Бақы, 1968.
<i>Халилов</i>	— Ш. Х. Халилов. Язык азербайджанского письменного памятника XV века «Асрарнаме». Автореф. канд. дисс. Баку, 1974.
<i>Щербак</i>	— А. М. Щербак. Огузнаме — Мухаббатнаме. М., 1959.
-

Ф. С. САФИУЛЛИНА

О СЕГМЕНТАЦИИ В ТАТАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

(ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ТЕМЫ)

В современном татарском литературном языке, особенно в языке художественных произведений, часто встречаются конструкции, возникшие совсем недавно, не свойственные ему даже еще в начале XX века. Развитие письменных форм, влияние живой разговорной речи на литературный язык, рост переводов с русского языка на татарский, расширение функций национальных языков и т. п. — все это способствовало возникновению в литературном языке любопытных конструкций, совершенно новых по своему характеру. Об одной из них нам уже приходилось высказываться¹.

Данная статья посвящена так называемой «сегментированной»² конструкции. В русском языкознании на существование подобных конструкций впервые указал А. М. Пешковский, назвав их «именительным представлением»³. Этот термин довольно широко употребляется и в настоящее время⁴, однако параллельно с ним существует также другой термин — «именительный темы», менее психологически связанный с этимологией данной конструкции⁵. Иногда возникновение подобных конструкций называют «сегментацией», встречаются и термины «изолированный именительный», «изолированный номинатив»⁶. Некоторые исследователи относят эти конструкции к «изолированным образованиям», свойственным разговорной речи⁷.

Широкое распространение сегментированных конструкций в языке художественных произведений (как прозаических, так и поэтических) и публицистики, их дальнейшая активизация в современном татарском

¹ Ф. С. Сафиуллина. Явление парцелляции в современном татарском литературном языке. — «Советская тюркология», 1974, № 4.

² Термин «сегментированные конструкции» был предложен Ш. Балли. (См.: Ш. Балли. Общая стилистика и вопросы французского языка. М., 1955, стр. 70).

³ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 175, 181, 404—407.

⁴ «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2. М., 1960, стр. 69; Н. П. Харченко. Об «именительном представлении». — «Ученые записки Дальневосточного университета», т. II, 1968.

⁵ А. С. Попов. Именительный темы и другие сегментированные конструкции в современном русском языке. — «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964, стр. 256.

⁶ Н. С. Валгина. Синтаксис современного русского языка. М., 1975, стр. 180.

⁷ Н. Ю. Шведова. Парадигматика простого предложения в современном русском языке. — В кн.: «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967, стр. 67.

литературном языке⁸ — заставляет внимательнее присмотреться к этому явлению, выявить его характерные признаки, попытаться разграничить его от смежных фактов.

В татарском языкознании понятие «именительного темы» отсутствовало. В литературе эти сочетания проходили по разряду назывных (номинативных) предложений⁹. В тюркологических исследованиях нам также не удалось встретить описания подобных конструкций.

Исследование татарского литературного языка позволяет заключить, что «именительный темы» — это своеобразное синтаксическое образование, отличное от назывных предложений и характеризующееся следующими особенностями: во-первых, именительный темы — имя существительное в именительном падеже или словосочетание с главным словом в именительном падеже; во-вторых, именительный темы имеет своеобразную и самостоятельную интонацию; в-третьих, после именительного темы за паузой следует базисное предложение, в котором обязательными элементами должны выступать корреляты, то есть местоимения, подкрепляющие именительный темы. Например: *Mähäbbät! Lak'in ni öçen, ni säbäptän min any menä häzer tojdym, taptym?..* (А. Еники) 'Любовь! Но почему, по какой причине я только теперь нашел и почувствовал ее?..'; *Stalingrad!.. Berničä aj buju bu yorur süz tel-lärdän töşmi qabatlandy* (А. Хакимов) 'Сталинград!.. Это грозное и гордое слово несколько месяцев подряд повторялось, не сходя с уст!'

В этих предложениях слова *mähäbbät* и *Stalingrad* являются именительными темами; после них следует пауза, затем следуют в базисном предложении местоименные корреляты *any* и *bu*. Таким образом, одно и то же понятие обозначается дважды: в инициальной позиции и местоименным коррелятом. Это позволяет выделить именительный темы. Не случайно его называют конструкцией с «двойным обозначением»¹⁰. По вопросу о том, являются ли эти конструкции членами предложения, мнения языковедов расходятся¹¹. Именительный темы характеризуется только усиленной и эмоциональной интонацией, то есть не имеет предикативной интонации и поэтому, думается, не может считаться предложением. Коррелятивная связь с базисным предложением лишь подчеркивает несамостоятельность именительного темы. Отсутствие падежного согласования именительного темы и базисного предложения также может служить доказательством того, что данная конструкция не является членом базисного предложения.

Отсутствие четкого разграничения как в русском, так и в татарском языкознании номинативных (назывных) предложений и именительного темы¹² требует специального разъяснения этих двух явлений.

⁸ Ф. С. Сафиуллина. Активные процессы в синтаксисе современного татарского литературного языка. — В сб.: «Конференция по татарскому языкознанию, посвященная 50-летию СССР». (Тезисы докладов). Казань, 1972.

⁹ К. Сабилов. Татар телендә тыныш билгеләре. Казан, 1956, стр. 8; М. Зәкиев. Хәзерге татар әдәби теле. Казан, 1966, стр. 102; *его же*. Хәзерге татар әдәби теле. Казан, 1974, стр. 154—155.

¹⁰ Е. А. Иванчикова. О развитии синтаксиса русского языка в советскую эпоху. — В кн.: «Развитие синтаксиса современного русского языка». М., 1966, стр. 6.

¹¹ А. С. Попов. Указ. раб., стр. 263; А. М. Пешковский. Указ. раб., стр. 367.

¹² Е. М. Галкина-Федорук. Современный русский язык, ч. II. Синтаксис. М., 1964, стр. 429—438; А. Г. Руднев. Одноставные предложения. Л., 1957, стр. 13—14; А. А. Юдин. Предложения, примыкающие к номинативным. — «Ученые записки Кемеровского педагогического института», вып. I, 1956, стр. 93; Н. П. Харченко. Указ. раб., стр. 61; М. З. Зәкиев. Указ. раб., стр. 102; К. Сабилов. Указ. раб., стр. 102; К. З. Ахмедов. Исследования по синтаксису башкирского языка. Уфа, 1962, стр. 46—48.

Номинативным предложениям свойственны предикативность и модальность, исследуемым конструкциям они не присущи. Назывные предложения не имеют грамматической, структурной связи с последующими предложениями, а именительный темы в базисном предложении имеет свой местоименный коррелят. Назывные предложения употребляются самостоятельно, а указанные конструкции без базисного предложения не получают языкового оформления и не приобретают специфичной функции. Сравните:

Qyş. Buran. Salqyn hawa. Jafraq qädärle qar töşä (Г. Тукай) 'Зима. Буран. Холодно. Падает снег хлопьями' (букв.: снежинки подобны листьям)'.
 Ajaz irtä. Ajaz ofyq. Ülända häm kerfektä çyq (Р. Гатауллин) 'Чистое утро. Чистое небо. Росинка в траве и на ресницах'.

Almaçaclar! Maşınada utyryan-da şular iskä töşte dä jöräg'em dereldi başlady (Г. Мухаметшин) 'Яблоня! Когда в машине вспомнил их, заколотилось сердце'.

Baku! Bu süz boryn-borynnan neft' süze belän jänäşä jöri (Г. Иделле) 'Баку! Это слово издавна стоит рядом со словом нефть'.

С именительным темы по форме могут совпадать и обращения, стоящие в начале предложения:

Zyrlarym, sez şytyp jöräg'emdä. Jlyqyrynda çäçäk attyryz (М. Джалиль) 'Песни мои, в душе я взрастил ваши всходы. Ныне в отчизне цветите в тепле'.

Böjök dār'jā! Allā sinen dā dim. Yāmsez, şat könnäreñ ütteme? (М. Карим) 'Величавая река! Неужели, говоря, прошли и твои спокойные, радостные дни?'.

Çäçäklär! Alar, qojašta žemeldär, isännarg'a jylmajalar (А. Салахетдинов) 'Цветы! Они, сверкая на солнце, улыбаются живым'.

Tanylyan şayir... Bu süz küp näpsäne eçenä ala (С. Хаким) 'Признанный поэт... Это слово выражает собой многое'.

Как видно из приведенных примеров, между сравниваемыми конструкциями существует принципиальная разница, выражающаяся в следующем: обращения всегда относятся ко второму лицу, а именительный темы всегда связан с местоимением третьего лица; обращения могут располагаться в любом месте в предложении, в то время как приведенные выше конструкции обязательно занимают инициальную позицию; обращения являются особым, модальным членом предложения, а именительный темы, как мы видели, не входит в число членов базисного предложения; связь обращения с предложением более свободная, нежели связь именительного темы с базисным предложением, ибо без именительного темы базисное предложение становится непонятным.

Признаваемое как зарубежными, так и отечественными учеными положение об актуальном членении предложения¹³ позволяет точнее раскрыть функции и цель употребления именительного темы.

В зависимости от характера включения предложения в речевую цепь, в нем различают данное («тема», «основа высказывания», «исход-

¹³ V. Mathejius. O tak zvaném aktuálnim členem vetnem. — «Čestina a obečny jazykospyt». Praha, 1947; И. П. Распопов. Актуальное членение предложения. Уфа, 1961; М. З. Эзжиев. Хәзерге татар әдәби теле. Казан, 1966; Ф. С. Сафиуллина. Татар телендә сүз тәртибе, Казан, 1974; М. З. Эзжиев. Хәзерге татар әдәби теле. Казан, 1974 и т. д.

ная часть», «сөйләм предметы» и т. д.) и новое («рема», «предицируемый член», «ядро высказывания», «сөйләм яналыгы» и т. д.).

Располагаясь впереди предложения, именительный темы актуализируется, обозначившись дважды: в начале и в местоименном корреляте, выделяя таким образом эту часть высказывания. Проиллюстрируем примерами: Musa Zälil. Äjje, ul çyn mäynäsändä köräşçe şayır häm graždanın ide (Г. Кашшаф) 'Муса Джалиль. Да, он в истинном смысле (слова) был поэтом-борцом и гражданином'. Taqtaş. Anyñ şıyerläre belän berençe märtäbä 1923 jylda Uralda oçraştym. (Х. Туфан) 'Такташ. С его стихами я встретился впервые на Урале в 1923 году'.

Попробуем изменить структуру предложения, переместив именительные темы внутрь базисного предложения: Äjje, Musa Zälil çyn mäynäsändä köräşçe şayır häm graždanın ide 'Да, Муса Джалиль в истинном смысле (слова) был поэтом-борцом и гражданином'. Taqtaş şıyerläre belän berençe märtäbä 1923 jylda Uralda oçraştym 'Со стихами Такташа я встретился впервые на Урале в 1923 году'.

Эти предложения, во-первых, утратили эмоциональность и экспрессию, особую интонацию повествования; во-вторых, данное обозначилось лишь однажды в начале предложения, присущая именительным темам эмфаза исчезла, вместе с тем пропала и их актуализация.

Что касается структурных особенностей сегментированной части, то она может выражаться:

а) одним словом:

Jort! Kem salyp birer ikän any bezg'ä? (А. Еники) 'Дом! Кто его нам построит?',

б) повторением одного и того же слова:

Tamčylar, tamčylar! Qajsysy iñ baxetle dä, qajsysy žirdä jaz jasawda iñ möhime soñ alarnuñ? (Р. Тухватуллин) 'Капели, капели!.. Которая из них самая счастливая, которая самая главная в приближении весны?';
в) словосочетанием, как простым, так и развернутым:

Qart stenalary bolševiklar qany belän qyzağan krepost'... Ul bik jyrqat häzer (К. Наджми) 'Крепость, древние стены которой обгарены кровью большевиков... Она далека теперь!'. Xezmät žimešläre... Alar üzlärennän üzläre g'enä kilmi («Соц. Татарстан», 11 января 1974 г.) 'Трудовые успехи... Они сами собой не приходят';

г) однородными членами:

Entuzuazm, romantika, g'eroizm... Barysy da bar häm barysy da bik kiräk (А. Баянов) 'Энтузиазм, романтика, героизм... Все это есть и все это очень нужно'.

B'eton...

Taqta...

Qar...

Menä şularnuñ baryn da taş lap toryp, ul urman urtasynda qujan quwup jöri (А. Гилязов).

Бетон...

Доски...

Снег...

Позабыв все это, он гоняется в лесу за зайцем';

д) перед именительным темы могут быть употреблены обстоятельства места и времени:

Mäjdän urtasynda Lenin häjkäle. Anyñ nig'eze g'ölčäčäklärg'ä kümel-g'än (Э. Касыймов) 'На площади памятник Ленину. Его постамент покрыт цветами';

е) именительный темы может повторяться, наращивая определители и становясь своеобразной градационной формой:

Kafkaz... Güzälleg'e belän tañña qaldyğan mäyrur Kafkaz! Any dön-jadaуу böten keşe belä (А. Бикчентаев) 'Кавказ... Ошеломивший своей красотой гордый Кавказ! Его знает каждый в мире'. Albidä... Ällä qaj töşe g'enä bik tanyş, bik jaqyn bulyp Aminäg'ä oxşayan Albidä. Nindi näfis ide anyñ tawuşy (Ш. Маннур) 'Альбида... Альбида, чем-то очень знакомая, чем-то близко напоминающая Амину. Как был прекрасен ее голос!'. Jdel! Zide meñ kilometrğa dijärlek suzylğan böjök matur su july. Evropanyñ iñ zur jylyasy, Rossijanyñ oly uramy! Monda žäj bujy oly xäräkät (Г. Иделле) 'Волга! Величавая и прекрасная река, протянувшаяся около семи тысяч километров, самая большая река Европы, большая улица России! Здесь (тут) все лето большое движение';

ж) в составе именительного темы могут быть междометия и частицы *и, ай, эй, их, я, э, хай, эх* и т. д.:

A Kama! Ul diñg'ez bulğan bit (Г. Абсалямов) 'А Кама! Она ведь была морем'. Ex, bu tundra čerkiläre! Alarnyñ borynnary җуна түg'el, ajaqlaryna хәtle bezeldi (С. Рафиков) 'Эх, эта мошकारа тундры! У них гудят не только хоботки, но и лапки'.

Сегментированная часть выражается именами существительными, обозначающими как реальные предметы, так и абстрактные понятия: Quñyуrawlar, quñyуrawlar... Urman eçendäg'e keçkenä alanda bik küp alar («Ялкын», № 9, 1970) 'Колокольчики, колокольчики... Их так много на маленькой лесной поляне'. Kiläčak'... Bu uj Kölemsärne siskänderep žibärde (М. Хасанов) 'Будущее... Эта мысль заставила вздрогнуть Колемсар'.

Весьма часто в функции сегментированных членов употребляются имена людей, фамилии, названия стран, городов, рек, деревень (то есть географические названия), названия произведений и т. д. Например: Bäxetgäräj! Alla nindi sixri köč bar kebek bu isemdä (А. Еники) 'Бахетгарай!.. Кажется, что в этом имени есть какая-то таинственная сила'. Šäjdulla... Suуşta ul wafat (С. Хаким) 'Шайдулла... В бою погиб он'. Riga. Jskitmäle matur sähär ul (Г. Минский) 'Рига. Это — удивительный город'. Pariž... Bulğanym бар anda (Г. Абсалямов) 'Париж... Побывал я там'. Pioneer uramy! Kajsy šähärdä g'enä juk ul («Ялкын», № 4, 1972) 'Улица Пионерская! Где только нет такой'. «Alman ile». Bu suzlär җägräpčä Germanijä dig'än мәnpädä («Әдәбият», VII класс дәреслеге. Казан, 1973) 'Страна Алман». Эти слова по-арабски означают «Германия».

Лексическим коррелятом именительного темы выступают в основном местоимения: личные, указательные, определительные, вопросительные, причем в самых различных падежных формах: Suуş... Niqädär tamyrlarny özde, qorytty ul (Р. Хисматуллин) 'Война... Сколько корней она отрубила, засушила...'. Uqytuçy... Awyr da, ig'elekle dä anyñ хезмәte («Азат хатын», № 9, 1971) 'Учитель... И тяжел, и благороден его труд'. Babajlar, kolhoz babajlary. Alar arasynda altyn keşelär дә nindi küp (М. Амир) 'Деды, колхозные деды. Как много среди них золотых

людей'. Kylyç räsemel! Mony jasarya bezneñ älbättä, haqybyz bar ide (Ш. Мударрис) 'Рисунок сабли! Изобразить ее мы, конечно, имели право'. Moxit wä tabiyät! Bolar här kemneñ xäjatynda iñ zur rol'lärne üzlärenä alalar (Г. Ибрагимов) 'Среда и природа! Они играют самую большую роль в жизни каждого'. Däftärlarda jyllar bujy terkälep, tuplanyp kilg'än detal'lär, fakt, epizodlar... Barysy da prozany soryjlar (С. Хаким) 'Годами накопленные в тетрадах детали, факты, эпизоды... Все они просятся в прозу'. Kyг qürkäse! Šär bulyr ide üzen totyp alsañ (А. Гилязов) 'Глухарь! Хорошо бы поймать его!'. Uqu häm xezmät! Menä närsä kešene keše itä (Г. Мухаметшин) 'Учеба и труд! Вот что делает человека человеком'.

В функции коррелята могут выступать и родовые форманты слов, употребленных как именительные темы, в самых различных падежных формах. При этом вместе с ними могут употребляться и указательные местоимения: «Keše küñele». Äsärneñ iseme ük tamašaçylarñy ujlanuğya mäj bür ita (Т. Миннуллин) '«Душа человека»... Уже одно название произведения заставило задуматься зрителей'. Dudkin... Nindiräk qyjä-fätle bändä ikän (Э. Касыймов) 'Дудкин... Что за человек?'. «Balyq, balyq...». Härkemneñ awyzynda šul suz ide (Ш. Камал) '«Рыба, рыба...». У каждого на устах было только это слово'.

Лексическим коррелятом может выступать и аффикс притяжательности: Qajyn! Jse ар-аçyq bulыр borynny jaгыр kerde (А. Гилязов) 'Бере-за! Запах ее резко ударил в нос'. Problemalar, problemalar... Törlese бар (Э. Касыймов) 'Проблемы, проблемы... Среди них есть разные'.

Встречается довольно много случаев, когда лексический коррелят формально не выражается, но его присутствие ощущается, и даже не исключена его постановка: Waqyt! Xätta jylyalarynda qotyrtä, šaštyга (Г. Абсалямов) 'Время! Даже реки заставляет бушевать, выходить из берегов'. Tawlar, tawlar... Sähdärän qarağanda šundyj jaгыр күrenälar (С. Рафиков) 'Горы, горы... Если посмотреть со стороны города, так кажутся близкими'.

С нашей точки зрения, именительный темы, издавна употреблявшийся в разговорной речи, не имел такого интонационного оформления и стилистического значения, характеризующегося торжественностью, задумчивостью, эпичностью, как в настоящее время. Подобные конструкции можно обнаружить в татарских народных загадках и живой разговорной речи:

Ozyn-ozyn qolğalar,
Anda qoşlar ojalar.
 Jte xäräm, örese xäläl.
 Any beleg mullalar.
 'Длинные-предлинные палки,
 Там гнездятся птицы.
 Мясо его вредное, бульон его нужный,
 Его знают муллы'.
 (Пчела, воск, мед).

Zur palas,
töbendä — jomry qalaç.
 'Большой ковер,
 на нем — круглый калач'.
 (Небо, луна).

«*Su bujlar*», *köjō niçek äle anyñ?* (Разг.) «По реке», как еще ее мелодия?». *Tatar t'eatry, qajda ul?* (Разг.) «Татарский театр, где он еще (расположен?)»¹.

Обогащение литературного языка, хотя и происходит за счет ресурсов общенародного языка, тем не менее язык художественного произведения, речь его персонажей — отнюдь не копируют слепо разговорный язык. Заимствуя из живой речи различные конструкции, литературный язык видоизменяет и шлифует их. К таким конструкциям следует отнести и конструкции с именительным темы, получившие теперь явно книжную окраску.

Характерное для современного языка парцеллирование¹⁴, дробление высказывания «на отдельные части в целях более быстрого их восприятия»¹⁵ способствует, по-видимому, активизации конструкций с именительным темы.

В татарской литературе такие конструкции впервые появляются в произведениях писателей XX века Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова, Ш. Камала. В 60-е годы эти конструкции начинают использоваться весьма широко. Оценив эмоциональность и потенциальные возможности этих конструкций, авторы начинают часто прибегать к ним, способствуя тем самым выразительности и музыкальности татарской речи, усиливая ее экспрессивность. Так как структурно-семантические типы подобных конструкций весьма разнообразны, каждый писатель использует их по-своему, индивидуализируя свой синтаксис. Так, например, А. Еники присущ повтор именительных темы, Р. Тухфатуллин употребляет именительный темы с междометиями, Э. Касыймов вводит в инициальную позицию имена собственные, для Ш. Маннура характерны градационные типы именительного темы, М. Хасанов использует самые разнообразные типы, поэт С. Хаким предпочитает именительные темы, выраженные одним словом и т. д.

Подводя итог изложенному, следует сказать, что возникшие на основе живой разговорной речи конструкции с именительным темы характеризуются целым рядом структурно-семантических особенностей. Относясь к области синтаксических явлений, они состоят из сегмента и базового предложения и употребляются в основном в языке художественной литературы и публицистики.

¹⁴ Ф. С. Сафиуллина. Явление парцелляции в современном татарском литературном языке, 1974.

¹⁵ Т. Р. Коновалова. Указ. раб., стр. 42.

Г. Г. ФИСАКОВА

ПОСЛЕЛОГИ В ЯЗЫКЕ БАЧАТСКИХ ТЕЛЕУТОВ

В языке бачатских телеутов послелог в зависимости от осуществляемого ими способа связи можно подразделить на две (основные) группы: управляющие и изафетные.

Первую группу составляют послелог, лексически выделившиеся в качестве служебных элементов и представляющие собой либо застывшие падежные формы имен, либо же деепричастные формы глаголов. Связь со словом, к которому они относятся, выражается управлением, то есть падежной формой. К этой группе принадлежат: *uɕun*, *raška/öskö*, *ary*, *peri*, *ala*, *ažuga*, *eže*, *ötküre*, *keçire*, *тупаң*, *sajyn*, *tüzüre*, *uduga/udga*, *järy/t'äry*, *jetire/t'etire*, *çyğara* и др.

Установить этимологию некоторых послелогов, таких, например, как *uɕun*, *raška/öskö* и другие, не всегда удается.

Uɕun 'из-за, за, для, ради' — послелог¹ древнего происхождения, в современных тюркских языках встречается в следующих фонетических вариантах: кирг., хак., туркм. *үчүн*, шор. *йчијн*, алт., кум., узб. *учун*, каз. *үшін*, ккалп., ног. *ушын*, тат. *өчен*, баш. *өсен*, якут. *иһин* и др. Различные предположения относительно этимологии послелога *uɕun*, высказанные в ряде тюркологических исследований, подробно проанализированы А. Н. Кононовым².

В языке бачатских телеутов послелог *uɕun* управляет как именами, так и местоимениями в притяжательном падеже и употребляется для выражения цели и причины, например: *kalyktyŋ uɕun kaŋymdy perbije-riŋ* 'за народ кровь свою отдам', *mēŋ uɕun meni kaktuŋ?* 'за что ты меня ударил?', *ol t'ok poluŋ men āŋ uɕun ištegem* 'я за него работал, так как его не было', *mēŋ uɕun t'azab ij (edib ijzeŋ)* 'сделай ради меня', *men sēŋ uɕun keldim* 'я пришел из-за тебя', *āŋ uɕun men pō keldim* 'из-за него я сюда пришел', *sēŋ uɕun men gorotko parbaj saɣam* 'из-за тебя я не поехала в город', *mēŋ abam ūryj bergen āŋ uɕun men purul kelgem* 'мой отец заболел, из-за него я вернулся'.

¹ См.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М. — Л. 1951.

² А. Н. Кононов. Послелог в современном узбекском литературном языке. Ташкент, 1951, стр. 15.

Здесь необходимо отметить, что в языке бачатских телеутов наблюдается параллельное употребление в анлауте среднеязычного смычного согласного *t'* и среднеязычного щелевого *j* на месте алтайского среднеязычного *дь*, например, *t'ok/jok* 'нет, не имеется' (алт. *дьок*), *t'akšu/jakšu* (алт. *дьакшы*). В начале аффикса глаголов настоящего времени употребляется *t'* (вспомогательный глагол *t'at* 'лежать' превратился в аффикс), например, *t'att'am/jatt'am* 'лежу', 'живу', *ürent'at* 'учится'.

Причастные обороты в сочетании с послелогом *ıñın* образуют придаточные предложения причины, например: *men jakşı üngem ıñın eki klasska çykrādum* 'я перешел во второй класс, потому что хорошо учился'.

Paška 'кроме' — управляет исходным падежом. (О развитии значения послелога *paška* см. работу Н. К. Дмитриева³). В языке бачатских телеутов в качестве синонима *paška* выступает послелог *öskö*, который также управляет исходным падежом, например: *serdeñ paška pir-de neme edelbessim* 'без вас я ничего не сделаю'; *menen paška pir-de kiži ā polyš-pas* 'кроме меня, ему никто не поможет'; *pisteñ paška kem aya akça pe-ger?* 'кто ему даст денег, кроме нас?'; *menen öskö anda pir-de kiži t'ok polıon* 'кроме меня, там никого не было'.

Послелоги *paška/öskö* могут принимать аффикс множественного числа и аффикс принадлежности, например: *menen öskölöri (paşkalary) tügeze çyabädiler* 'все ушли, кроме меня', *menen ösközi pir-de kiži pilbes* 'кроме меня, никто не будет знать'.

Äry 'о', 'туда', 'по ту сторону' — выражает объектные, временные и пространственные отношения (ср. др.-уйг. *нару*, узб. *нари*, кирг., алт., баш., казах., тат. *ары*, хак. *аар*, шор, *аара*, кум., ног. *ари*). По предположению Ф. Д. Ашнина⁴, *ary* восходит к указательному местоимению *ул/ол/ал (ан-)* в древнем направительном падеже и совпадает с ним по значению, например: *alar menen ary ermekteşiler* 'они говорили обо мне', *rojuñan ary kör ajtpazyn (ermektezin)* 'о себе пусть много не говорит', *men anan ary surabañam* 'я не спрашивал о нем', *anan ary paraña t'arabañan* 'дальше идти было невозможно', *ol südyn ary t'anda t'att'at* 'он живет по ту сторону реки'.

Peri 'сюда', 'по эту сторону', 'с этих пор' (кирг., алт. *бери*, хак. *неер*, шор. *неере* и др.) — имеет временное и пространственное значения, противоположные значениям послелога *ary*. По своему происхождению *peri* восходит к указательному местоимению *ри* в древнем направительном падеже⁵, например: *anan peri any körbödim* 'с этих пор я его не видел', *anan peri pistin t'er*, *anan ary kolhos t'eri* 'по эту сторону — наша земля, по ту сторону — колхозная', *men südyn peri t'anda t'att'am* 'я живу по эту сторону реки'.

Ala 'с тех пор, как' (*al-a* 'беря' — деепричастная форма от глагола *alagıa* 'брать, взять') — управляет именами в исходном падеже и выражает временные отношения (временной промежуток), например: *küsten ala paştap ol ügent'at* 'она учится с осени', *kaçañnan ala sen mynda t'at-t'azın?* 'с какого времени ты здесь живешь?', *keçeden ala men any körbögöm* 'я его не видел со вчерашнего дня', *ol keçe keçten ala uktapt'at* 'он спит со вчерашнего вечера', *ozodoñ ala ajynda polıon* 'издавна так было', *pala çañuñan ala ol anda t'atkan* 'с детских лет он там жил', *kelgenneñ ala üç t'yl öñröpädy (polpädy/ertipädy)* 'с тех пор, как он приехал, прошло три года', *ıñıñnan ala ol iştebejat* 'он не работает с того времени, как заболел'.

Azyra 'через', 'сверх' — восходит к деепричастию на *-a/-e* от глагола *ažyğıa* 'переходить, переваливать через что-либо, превышать' и управляет винительным и исходным падежами, например: *piske tüdy azyra paraña kerek* 'нам через гору надо идти', *sū kemedēñ azyra soñobēdi (sū kemeni/kemedi/ažyra aya bergen/akkan)* 'вода потекла через лодку', *ol*

³ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 125.

⁴ Ф. Д. Ашнин. Указательные частицы в тюркских языках. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1958, т. XVII, вып. 5, стр. 421.

⁵ «Грамматика алтайского языка». Казань, 1869, стр. 105.

öjinen azyra ištedi 'он сверх своего времени работал', ol mā ašty čarčak-taŋ azyra ur bergen 'он мне насыпал пшеницы через край ведра'.

Eže 'следом за' — восходит к деепричастию на *-a/-e* от глагола ežerge 'следовать, идти за кем-либо' (ср. алт. эч- 'следовать'). Управляет винительным падежом местоимений и существительных, например: meni eže enem t'et keldi 'следом за мной пришла моя мать', men alardy eže para berdīm 'я последовал за ними', kem any eže kelt'at? 'кто идет за ним?', meni eže kel (meni eš) 'иди за мной' (ср. алт. мени эч), sarbaŋa enezin eže part'at (ср. sarbaŋa enezin ešt'at) 'жеребенок идет за матерью', pisti eže paŋar/pisti eštire paŋar 'за нами идите'.

Otküre (öt-kür-e) 'сквозь' (от глагола ödörgö 'пролезать, проходить, пробираться') — управляет винительным падежом существительных, например: kirlü silejeni ötküre pir-de neme kōginbejat 'сквозь грязное стекло ничего не видно'; ok stenedi ötküre čykrady 'пуля прошла сквозь стену'.

Kečire (ke-čir-e) 'через' (деепричастная форма на *-a/-e* от глагола kečerge 'переходить') — управляет основным падежом существительных, например: ol sū kečire t'att'at 'по ту сторону реки он живет', pis aŋy kečire pardyk 'мы шли через лог', alar t'ol kečire t'att'adyar 'они живут через дорогу', sū kečire most t'aza kojdy 'через реку мост построили'.

Myhaŋ 'с, вместе' — восходит к одному из фонетических вариантов древнего послелого *бирлен/бирле*, выражавшему то же значение; морфологический состав последнего (*бир + ле + н*) подробно анализируется А. Н. Кононовым⁶. В языке бачатских телеутов орудному падежу соответствует форма с послелогом *мыпаŋ* (*мыпаŋ + управляемое им слово*)⁷, например: men seni мыпаŋ (sēŋ мыпаŋ) pirge paraɟum 'я пойду вместе с тобой'.

Sajyn 'каждый' (ср. кирг., каз., ккалп., кум., алт., туркм. *сайын*, узб. *сайин*, башк., хак. *сай*, чув. *серен*, якут, *аайы*). Послелог *sajyn* исторически⁸ восходит к деепричастию на *-у*, происходящему от древнего глагола *sa-* 'считать'. В языке бачатских телеутов глагол «считать» представлен другой основой *tōlo-*. Послелог *sajyn* управляет именами существительными (*t'yl* 'год', *kün* 'день', *nedele* 'неделя' и др.) в притяжательном падеже и выражает временные отношения, указывая на повторяемость действия, а также управляет основным падежом имен существительных, например: *künnün le sajyn sen meni mekelept'azyn* 'каждый день ты меня обманываешь', *künnün sajyn ol školyo t'ürt'at* 'каждый день он ходит в школу', *t'yldyn sajyn men ölöŋdi mynda čapt'adym* 'каждый год здесь я кошу траву', *üj le sajyn men t'ürdim* 'я ходил по всем домам', *kizi le sajyn surazaŋ* 'спроси каждого человека', *ol aŋylda üj sajyn televizor par* 'в той деревне в каждом доме имеется телевизор', *jyldyn la sajyn pistiŋ kolhos kožylt'at* (*köptipt'at*) 'наш колхоз с каждым годом растет'.

Послелог *sajyn* может употребляться с притяжательными местоимениями и причастиями, например: *men any toktost'adym, ol āŋ sajyn apan tyŋ yjlap'tat* 'я ее уговариваю (*букв.*: 'останавливаю'), а она еще сильнее плачет', *aŋan sajyn ol tölöb ijeten/perbijeten* 'каждый раз, когда он брал, он платил', *körgön sajyn ol paška kijimdu polyon* 'каждый раз, когда он видел его, он был в другой одежде'.

⁶ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 9.

⁷ Г. Г. Фисакова. Заметки об орудном, продольно-сравнительном и сравнительном падежах в языке бачатских телеутов. — В сб.: «Язык бачатских телеутов». Новокузнецк, 1976, стр. 95—97.

⁸ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 20.

Tüzüre восходит к деепричастию на *-a/-e* от *tüzür-* — понудительной формы глагола *tüş-* 'спускаться', 'падать'. Управляет исходным падежом, например: *men abradan tüzüre tañ kelgem* 'я соскочил с телеги', *tüdyñ bažynañ tüzüre t'yrpanaktar akkan(dar)* 'с горы бежали ручьи', *tüdan tüzüre aň najzyz t'ügürüp tüšti* 'его друг бегом спустился с горы'.

Udura/udra восходит к наречию *udura* 'навстречу' — управляет направительно-дательным падежом, например: *ol ajuğa udura part'at* 'он идет навстречу медведю', *ağa udura eki kiži keltir* 'навстречу ему шли два человека', *men part'atam, sen mā udura t'anğa* 'я шел, а ты мне навстречу возвращался', *pün paldar t'anarlar alağa udura parağa kerek* 'сегодня дети будут возвращаться, их надо встречать'.

T'äry 'к, по направлению к' восходит к глаголу *jaγu*⁹ 'приближаться, подходить', от него образовано деепричастие *jaγuγ/jaγu/jaγu*. Этот послелог управляет именами существительными и личными местоимениями в основном падеже и выражает пространственные отношения, например: *aju jyš t'äry para bergen* 'медведь ушел в направлении тайги', *ol sū t'äry tüžebēdi (tüže berdi)* 'он спустился к реке', *men abam jāry körbigem* 'я поглядел на отца', *men köznök t'äry kört'adym* 'я смотрю в направлении окна', *ol meni ežik t'äry ijdibigen* 'он толкнул меня к двери', *ol men t'äry körböjlö ermekteže bergen* 'он, не взглянув на меня, заговорил', *men ser t'äry part'adym/men serge part'am* 'я иду к вам', *men t'äry körbö* 'не смотри на меня'.

T'etire (*t'et-tir-e*) 'до' происходит от глагола *t'ederge-* 'доходить, достигать, приближаться', управляет направительно-дательным падежом, выражает и временные, и пространственные отношения, например: *pirden ala onço t'etire tölob ij* 'посчитай от одного до десяти', *on tört jaška t'etire men kojlor küzetkem* 'до четырнадцати лет я пас овец', *ertenen ala kečke t'etire men seni saktapt'adym* 'с утра до вечера я тебя жду', *pünğa t'etire men ukpadym* 'до сегодняшнего дня я не слышал', *kečke t'etire ürt'atan abazynyn t'anda poltyr* 'до вечера был около больного отца', *čapčakty tübine t'etire tüžürbij* 'опусти ведро до дна', *pistin iş tamakka t'etire polyon* 'у нас дел было по горло'.

Сууага восходит к деепричастию на *-a/-e* от *šyag-* — понудительной формы глагола *šyk-* 'выходить, уходить', выражает временные отношения, указывая на определенный отрезок времени, и управляет направительно-дательным падежом, например: *eki časka šyaga men uktadym* 'я спал в течение двух часов', *pig t'ylğa šyaga men ürendim* 'в течение года я учился'.

Вторую группу составляют послелоги, происходящие от имен (*ald* 'перед', 'низ', *ki:n/kijin* 'зад', *ağa* 'промежуток', *orto* 'середина', *ič* 'нутро', *t'an* 'бок', 'сторона' и др.) и сочетающиеся со словом, к которому они относятся, посредством изафетной связи. Эти послелоги в сочетании с именем образуют единое лексическое понятие. Так называемые изафетные послелоги употребляются в основном для выражения пространственных отношений. Обычно в этом случае имя, к которому относится послелог, имеет форму родительного падежа (личные местоимения и существительные) или основного падежа (существительные), например: *ol köznök aldynda tur kojdy* 'он встал под окном', *keme t'ardyn aldynda* 'лодка под яром', *pistin kijinibisten kiži kelt'at* 'позади нас идет человек', *üjdiñ ayaštary tyš t'anda teñ emes* 'бревна с наружной части дома неровные', *t'ylan ölöñniñ arazynda t'atkan* 'змея лежала среди травы', *alardyn arazynda mēñ tajym polyon* 'среди них был мой дядя', *t'oldyn ortozynda pis turbidik* 'мы остановились посреди дороги', *ol ajyl ortozynda t'att'at*

⁹ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 225—226.

Т А Б Л И Ц А
бачатско-телеутских послелогов и их соответствий в литературном алтайском языке
и его диалектах, в некоторых языках Южной Сибири и в древнетюркском языке

№ п/п	Бачатско- телеутский язык	Алтайский язык	Туба диалект	Кумандинский диалект	Шорский язык	Хакасский язык	Тувинский язык	Древнетюрк- ский язык
1	uĉin	учун	учун	учун	үчүн	үчүн	ужун, үжүн	ücin
2	paška	башка		башка		пашка	башка	
3	öskö	öskö		öске			өске	
4	ary	ары			аара	аар		
5	peri	бери			пөере	пөер		bäri
6	ala	ала			ала			
7	ažyга	ажыра		ажыра	ажыра	азыра	ажыр/ажылдыр	aša
8	eže							
9	ötkü-re	өткүре				öтире	өттүр	ötkürü
10	kečire	кечире			кечире/кежире	кизіре/кичіре	кежир/кежилдир	käčä
11	muṇaṇ	ла/ле, ло/ лө	ла/ле	бла/бле, вля/вле, пла/пле, ла/ле	-па/-пе, -ма/-ме	-наң	биле	birlä
12	sajun	сайын	сайын	сайын/зайын	сайа	сай		saju
13	tüzüre					tүзіре		
14	udura/udra			утура/удура		удур	удур	utru
15	f'äry	дыаар	дыаар	тыаар, сары, зары, за, зыа, са, сыа, се				
16	f'edire	дыетире	дыетире/ дыетире	дыеде, чегре/четире	четтире	читире	чедир	
17	čyğara	чыгара	чыгара	чыгара	шыгара	сыгара		

‘посредине деревни живет’, *köldiñ ortozyna pis şü:me tyryus kojdyk* ‘на середине озера мы поставили сеть’, *čörčökčil üç künnüñ pažynda keler* ‘сказитель придет через три дня’, *pir t'yldyñ pažynda kelerim* (pir jyl pažynda kelerim) ‘через год приеду’, *eki t'yldyñ pažynda men ürenip rožöğym* ‘через два года я кончу учиться’, *stoldyñ kyrynda ajak turt'at* ‘на краю стола чашка стоит’, *stoldyñ kujuzynda otyrba* ‘не садись на край стола’, *ol üjdiñ içinde polzo, peri čyksyn* ‘если он дома, пусть сюда выйдет’, *kemeñ içinde čorton t'att'at* ‘в лодке шука лежит’, *üjdiñ içinde pir-de kiži t'ok polyon* ‘в доме никого не было’, *sēñ syltūnda men parbañ kaldym* ‘из-за тебя я не поехала’, *āñ syltūnda men t'et keldim* ‘из-за него я приехала’, *mēñ syltūnda sen kebis sadyb albaldyñ* ‘благодаря мне ты купил ковер’, (ср. следующие предложения, где связь выражена через управление, например: *pajyma syltaj men körukti tudub aldym* ‘с помощью товарища я поймал бурндука’, *serge syltaj men žadačady tölöb aldym* ‘я решила задачу с вашей помощью’); *āñ ordyna men parağym* ‘вместо него я пойду’, *mēñ ordyma par kel* ‘вместо меня сходи’, *mēñ ordyma ol rojynyñ ülyñ ije bergen* ‘вместо меня он послал своего сына’, *tystyñ ordyna men sakar salbitirim* ‘вместо соли я положила сахар’, *parağannyn ordyna ol üryj bertir* ‘он заболел вместо того, чтобы ехать’.

Сравнительные послелог: *oškoš* ‘словно, как’ — управляет основным падежом имен существительных и местоимений, например: *körzöñ le enem oškoš kelt'at* ‘посмотри, как будто моя мама идет’, *pistiñdiñ la torbok oškoš* ‘как будто наша тёлка’ (ср. алт., туба. *ошкош*, куманд. *ош*, шор. *ошкаш*, хак. *осхас/охсас*, тув. *ышкаш*), *men oškoš* ‘вроде меня’.

Čylar (čy-la-p) ‘как, подобно’ — управляет основным падежом, например: *sen pala čylar kylynt'azyñ* ‘ты поступаешь, как ребенок’, *açañ čylar üren* ‘учись, как твой брат’, *ol kas čylar part'at* ‘он идет по-гусиному’, *ol pala la čylar pağyrt'at* ‘она плачет по-детски’, *men t'yšta azur t'ürgem, sen men čylar azur t'ürtirziñ ok* ‘я в тайге блуждал, оказывается, ты, как и я, тоже блуждал’ (ср. алт. *чылап*, туба., шор. *чилеп*, хак. *чили*).

Большинство рассмотренных послелогов имеет соответствия в родственных тюркских языках. Из представленной таблицы (стр. 92) видно, что с развитием тюркских языков число послелогов увеличивалось¹⁰.

¹⁰ Примеры в данном сообщении взяты нами из следующих источников: Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940; *ее же*. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941; Н. А. Баскаков. Диалект черневых татар. М., 1968; *его же*. Диалект кумандинцев. М., 1972; «Грамматика хакаского языка». М., 1975; Ф. Г. Исхаков. А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961; A. von Gabain. Altürkische Grammatik, 2-te Aufl. Leipzig, 1950, стр. 135—146.

Н. ИСКАКОВА

ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ В СЛОВСОЧЕТАНИЯХ «ДИВАНА» МАХМУДА КАШГАРИ

Одним из неизученных вопросов языка древнетюркских памятников является глагольное управление существительным в винительном падеже, выступающим в функции прямого дополнения.

Как отметил в свое время С. Е. Малов, своеобразной особенностью языка орхоно-енисейских памятников является оформление винительного падежа формантами *-г*, *-з*, *-ыг*, *-уз*, например: *чыганыг* 'бедняков', *күнчүйүг* 'принцессу' и т. д.¹

По утверждению И. А. Батманова, для енисейских памятников древнетюркской письменности характерна форма винительного падежа на *-ыг*, отсутствующая в современном языке. В южной группе тюркских языков этой форме соответствует форма на *-ы + ны*, а в северной — *-ны*². Как известно, подобная классификация была принята также Н. К. Дмитриевым³ в связи с разработкой падежных систем башкирского языка.

С. А. Аманжолов указывал, что в языке древнетюркских племен винительный падеж имел два вида окончаний: 1) *-з* (*ig*), *-г* (*yg*), *-iz* (*byg*), *-уг* (*-üg*); 2) *-н* (*in*), *-ун* (*-ün*)⁴. В монографиях А. С. Аманжолова⁵ и А. К. Курышжанова⁶ даны более подробные сведения о древних формах винительного падежа.

Сведения о формах винительного падежа в языке «Дивана» Махмуда Кашгари можно почерпнуть и в сборнике, посвященном языку древнетюркских письменных памятников⁷.

В памятниках древнетюркской рунической, манихейской и древнеуйгурской письменности винительный падеж при управляющем глаголе выражается аффиксами: *-ү*, *-г* (после гласных основ), *-уү*, *-ig*, *-уү*, *-üg* (после согласных основ), *-п*, *-уп*, *-ip*, *-up*, *-үй* (после аффиксов принадлежности). В современном казахском языке винительный падеж имеет аффикс *-ны*, *-ні* с вариантами *-ды*, *-ді*, *-ты*, *-ті*. От куманского *-ну*, *-ни* он

¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 45.

² И. А. Батманов. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959, стр. 112.

³ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 64.

⁴ С. А. Аманжолов. Тарихи грамматика курсына керекті материалдар. Алматы, 1964, стр. 191.

⁵ А. С. Аманжолов. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников. М., 1969, стр. 22.

⁶ А. Курышжанов. Форма и значение падежей в языке «Кодекс Куманикус». Канд. дисс. Алма-Ата, 1956, стр. 128.

⁷ «Көне түркі жазба ескерткіштерінің тілі». Алматы, 1971, стр. 218.

отличается тем, что присоединяется к основе, оканчивающейся только на гласные звуки. Можно предположить, что варианты *-ды*, *-ді* и *-ты*, *-ті* в казахском языке возникли в соответствии с законом созвучия согласных звуков, по звонкости и глухости и восходят к форме *-пу*, ибо, согласно утверждению А. Курышжанова: «форма *-ны*, как основная для данного падежа, существует в тюркских языках издревле, по крайней мере, со времени орхоно-енисейских надписей»⁸.

Эта точка зрения подтверждается еще и тем фактом, что аффиксы винительного падежа *-ды*, *-ді*, *-ты*, *-ті* в современном казахском языке соответствуют аффиксу *-ны*, *-ні* в языке «Дивана», ср.: *йағыны ашақласа, башка чикар* (МК, I, 297) 'Врага пожалеешь, на голову посадишь'. *Улукны улукласа, кут болур* (МК, I, 297) 'Добро признать старшего за старшего'.

В языке «Дивана» имена существительные в винительном падеже в синтаксическом отношении также выполняют функцию прямого дополнения и оформляются двумя аффиксами⁹: 1) *-ығ*, *-іг*, *-уғ*, *-йғ*; 2) *-ны*, *-ні*, *-ын*, *-ін*, *-ун*, *-йн*, *-н*. Как известно, эти формы встречаются почти во всех древнетюркских письменных памятниках. При этом в языке «Дивана» аффикс винительного падежа может и отсутствовать, что, между прочим, наблюдается во всех тюркских языках. Примеры: *Ол мені обті* (МК, I, 163) 'Он меня целовал'; *Ол йумуртқаны йутты* (МК, II, 363) 'Он глотал яйцо'; *Ол евін безеді* (МК, III, 273) 'Он украшал свой дом'; *Тонуг ілді* (МК, I, 181) 'Повесил одежду'; *Ол атығ кішеді* (МК, III, 288) 'Он опутал коня'; *Ол меңе йармақ берді* (МК, III, 195) 'Он мне дал денег'; *Ер бітік оқыды* (МК, III, 270) 'Он читал письмо'; *Ол орак тішеді* (МК, III, 288) 'Он точил серп'; *Ол сач өрді* (МК, IV, 298) 'Она заплела косы'.

В приведенных примерах слова *мені*, *йумуртқаны*, *евін*, *тонуг*, *атығ* оформлены аффиксами винительного падежа и в сочетании с глаголами выполняют роль прямого дополнения. В последующих же примерах, в словах *йармақ*, *бітік*, *орак*, *сач* показатели винительного падежа отсутствуют, хотя и подразумеваются логически¹⁰.

В сочетаниях *мені обті*, *йумуртқаны йутты*, *евін безеді*, *тонуг ілді*, *атығ кішаді*, *йармақ берді*, *бітік оқыды*, *орак тішаді*, *сач өрді* оформление существительных аффиксами винительного падежа связано с лексико-семантической природой сочетающихся переходных глаголов *обті*, *йутты*, *безеді*, *ілді*, *кішаді*, *берді*, *оқыды*, *тішаді*, *өрді*, которые управляют именами, обуславливая форму винительного падежа.

Таким образом, форма винительного падежа в данном случае является грамматическим показателем прямого дополнения, за которым предполагается обязательное присутствие переходного глагола.

Во всех рассмотренных выше примерах глаголы представляют собой непроизводные основы.

В языке «Дивана» прямое дополнение в винительном падеже управляется также и производными переходными глаголами. По мнению ряда тюркологов, наиболее продуктивным аффиксом, образующим производные глаголы, является аффикс *-la*, *-le*. В современных тюркских литера-

⁸ А. Курышжанов. Парадигма склонений в языке письменных памятников XIII—XIV вв. «Кодекс Куманикус». — В сб. «Вопросы истории и диалектологии казахского языка», вып. I. Алма-Ата, 1958, стр. 67.

⁹ Г. А. Абдурахманов. Исследование по старотюркскому синтаксису (XI век). М., 1967, стр. 25, 26.

¹⁰ Как замечает М. Б. Балакаев, «существительное в неопределенном винительном падеже обозначает прямой объект, на который направлено действие переходного глагола». (См.: М. Б. Балакаев. Основные типы словосочетаний в казахском языке. Алма-Ата, 1957, стр. 70).

турных языках производные отыменные переходные глаголы чаще образуются посредством аффикса *-la*, реже с помощью аффикса *-a/-p...*¹¹. В казахском языкознании семантика и функция глагольного аффикса *-la* обстоятельно изучена А. К. Хасеновой¹². Она отмечает, что данный аффикс в различных фонетических вариантах функционирует не только в живых тюркских языках, но и часто встречается в памятниках древней письменности¹³.

Причастная форма глагола также способна управлять прямым дополнением. Судя по языку «Дивана», эта особенность является одной из древнееврейских закономерностей синтаксиса тюркских языков. Например: *Тайган йѳерѳѳѳн тѳлкѳ сѳвмѳс* (МК, III, 190) 'Бег борзой не по праву лисе'; *Нечѳ йѳтѳк бычақ ерсѳ, ѳз сабын йанымас* (МК, I, 336) 'Даже самый острый нож не порежет свою рукоять'; *Бѳр тѳлку тѳрѳсѳн ѳкѳла соймас* (МК, IV, 262) 'С одной лисы две шкуры не сдирают'.

В современном казахском языке в составе предложения один и тот же глагол может управлять именами, стоящими в винительном и дательно-направительном падежах.

Аналогичные факты встречаются и в языке «Дивана», например: *Ол ѳглакыѳ сағылыкқа телдѳ* (МК, II, 30) 'Он козленка подложил овцематке'; *Мен ѳглуны анасына тапшурдум* (МК, II, 203) 'Я сына поручил матери'; *Он менѳ сувға қантурды* (МК, II, 223) 'Он меня напоил водой'; *Ол унуғ капқа тықтурды* (МК, II, 20) 'Он велел засыпать муку в мешок'; *Ол атын тупраққа ағнатты* (МК, I, 265) 'Он дал коню поваляться на земле'. Во всех этих примерах глаголы *телдѳ*, *тапшурдум*, *қантурды*, *тықтурды*, *ағнатты* выражают отношение субъекта одновременно к двум объектам.

Нередко в поэтических текстах «Дивана» в целях создания стилистической тавтологии управляющее слово, как и управляемое, восходит к одной и той же именной основе: управляемое — имя в винительном падеже, а управляющее — производный от той же основы — переходный глагол. Например: *Улуғны улуқласа қут болур* (МК, I, 297) 'Великого величать — добро встречать'. В данном сочтании первое слово *улуғны* 'великого' стоит в винительном падеже, второе — *улуқласа* 'величать' — глагол условного наклонения образован от той же основы *улуқ* посредством словообразовательного аффикса *-ла*.

В современном казахском языке существительные притяжательного склонения, стоящие в винительном падеже, выступают прямым дополнением. Язык «Дивана» засвидетельствовал подобное явление. Например: *Ол йағыны тѳпѳллѳдѳ* (МК, III, 336) 'Он колотил врага'; *Ол ѳғылы қулақын езтурдѳ* (МК, I, 226) 'Он помял ухо сына'; *Бѳлѳзук кун елѳгѳн қавурды* (МК, I, 86) 'Браслет давил руку наложницы'; *Қарға қарысын кѳм бѳлур, кѳшѳ аласын кѳм танур* (МК, I, 401) 'Не узнаешь возраст вороны и не увидишь пестроту души человека'. Все прямые дополнения в этих примерах, выраженные именами в винительном падеже (*йағыны*, *қулақын*, *елѳгѳн*, *қарысын*, *аласын*), притяжательного склонения.

Разумеется, изложенные нами факты, характерные для языка «Дивана», сами по себе, быть может, и не являются исключительными, поскольку их позднейшее проявление мы наблюдаем и в живых тюркских языках, в частности, в казахском. Однако становление и развитие язы-

¹¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 199.

¹² А. К. Хасенова. Етістіктін лексика-семантикалык сипаты. Алматы, 1971, стр. 37.

¹³ К. Хасенова. Қазақ тіліндегі *-ла-ле* аффиксті туынды түбір етістіктер. Алматы, 1957, стр. 5.

ковых закономерностей в современном языке возможно проследить, лишь обращаясь к историческим аналогиям.

Как утверждают исследователи современных языков, в тюркских языках отдельные слова, словосочетания и даже предложения проявляют тенденцию к образованию монолитного единства, представляя собой цельнооформленный комплекс. В этом отношении сочетание прямого дополнения с управляемым глаголом не составляет исключения. Главным словом в объектных словосочетаниях выступает глагол, и способом связи компонентов объектного словосочетания является управление. Следовательно, основным средством связи служат падежные аффиксы, а основной формой связи — синтетическая форма¹⁴.

Таким образом, языку «Дивана» Махмуда Кашгари свойственно употребление словосочетаний, в которых объектное отношение выражается именем в винительном падеже и глаголом, как в личной, так и неличной форме.

При этом имена в винительном падеже оформляются двумя видами аффиксов: 1) древним *-ыг, -ig, -g*; 2) более близким современности *-ны, -ni, -n*. В определенных случаях именной компонент сочетания может быть и не оформлен каким-либо падежным аффиксом, что, с точки зрения авторов казахских и других грамматик современных тюркских языков, выражает так называемую скрытую форму винительного падежа, которая в чисто теоретическом аспекте оценивается рядом тюркологов как исходная форма. Не разбирая здесь эти спорные моменты, все же отметим, что в данном случае мы усматриваем наличие эллиптической формы винительного падежа, характеризующейся опущением грамматического показателя. Глагольный компонент сочетания, как об этом говорилось выше, представлен в «Диване» как в личной, так и в причастной форме.

¹⁴ К. М. Мусаев. Строй караймского языка. Автореф. докт. дисс. Баку, 1968, стр. 21.

Э. А. УМАРОВ

РАННИЙ ПЕРСИДСКО-ТУРЕЦКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Вопросы фразеологии издавна привлекали внимание ученых и писателей Востока. О научном и чисто утилитарном интересе к фразеологии свидетельствуют дошедшие до нас специальные словари. Одному из них — персидско-турецкому фразеологическому словарю «Дастур-ал-амал» («Руководство к действию»), составленному около 330 лет назад турецким поэтом Мулла Мухаммадом ибн Мустафа афанди, более известным под литературным именем Рийази афанди (1554—1644 гг.), и посвящается это краткое сообщение, носящее предварительный характер.

Существуют три списка этого словаря, и все они находятся в Ленинграде: две рукописи, описанные С. И. Баевским, хранятся в фондах Института востоковедения АН СССР¹, третья — в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина².

Этот последний список превосходит другие по объему и является наиболее ранним по времени составления, поэтому мы остановимся именно на нем. Список датирован 20 раджаба 1057 года хиджры — 21 августа 1647 года, то есть он был составлен вскоре после смерти автора словаря. Словарь Рийази афанди занимает в рукописи листы 16.—456. (всего в рукописи 102 листа; кроме словаря «Дастур-ал-амал», в нее входят еще два «фарханга»). Текст словаря написан на европейской бумаге почерком насталик, по 19 строк на листе.

Персидско-турецкий фразеологический словарь представляет собой сборник персидских идиоматических выражений и отдельных слов, снабженных переводом на турецкий язык и проиллюстрированных примерами из газелей Низами, Амира Хосрова, Хафиза, Джами, Хилали, Камала Исфакхани и др. Словарные статьи расположены в соответствии с порядком букв персидского алфавита. Для облегчения пользования словарем персидские слова и выражения написаны киноварью, а их турецкий перевод — черной тушью; имена цитируемых поэтов также подчеркнуты киноварью. Каждая статья, как правило, включает в себя фразеологический оборот или образное слово и соответствующее объяснение значения. Иллюстративные цитаты приводятся из произведений одного или двух авторов. Приведем несколько примеров:

čašmaš ob dod — kuzin nurlandirdi

‘стал радостным’

hun girifta — aźali etmamiš

‘настало время смерти’

¹ С. И. Баевский. Описание персидских и таджикских рукописей Института народов Азии, вып. 5. Двухязычные словари, М., 1968, стр. 75—76, №№ 139—140.

² «Персидские и таджикские рукописи „Новой серии“», ГПБ, составитель Г. И. Костыгова, научный редактор А. Н. Болдырев. Л., 1973, стр. 84, № 247.

tang čašm — oç küzli
sari hud girift — boš olib ketdi
güş guzori kard — ogoh ätdi
zanah zad — lof urdi
bažon omad — bezor öldi

‘жадный’
‘пошел куда глаза глядят’
‘предупредил’
‘говорил’, ‘пустословил’
‘испытывал отвращение’

دور کار ایله جفا کیر بر سر سوارده یی چله دخیی در کمنور
بر نیر و دارک منا طع خا و سحر آداسی ایله میرا ز اعتبار
بیت کلام انظار اولی الا بصارده جمله ساز اولت در
لاجم بود قی سطره ریت نک جمع و تکریر نیت و ترتیب
و تنغیر غنیت اولندی و ایکی کی قنهی روا
کور لوی و منا التوفیر جمالاته
اغزی صولندی کار اصطنعی
و یطلف خصم ترش تقالیش را نیام تیغ تراک در دما آمد
و اول صوبه آجست دیرر طالی و در کما تجر از نور توجیت
لیک نیندازند در قیطر شمع درو ایردی چرخند
تا کل از شرم روت آب شود بکشتن دور کن ز حیر و غصه
ایست صورت ویردی سلاجای چینه
خوف و اجزای کوسانی جهان بدوم باز آتش مرآت کبی
بردی کار خف سلمان ابی بردی کار خف آمد ز دیار آن
آب الیه باز نیاید کار بار
ایک عاقه الهادی دیک برده عزب ایرد حسد و
نوب زری کرده دل چو نیک نوسانی ندی بان جان حاسد چارینه
را تقدیر موافق دوستی خواص حفظ
روز و جوان و شب وقت یاد افروشد زوم ابرق اولت آخر کار

سیاس و لوان اهل حکم و زمانه از راستد که انانی گمانی
بیایا نخون مردمان بران مرداب بر کونه بیان و بردی
و اول انانصع الویلیم و صدک علم از انانی غایر نصب
السنی محار تقدس لیس کای ای نیت کار اصل الکل
و اول حسن اولیکه نظرافت دردی زان و اولیکه
بر طاز اهل سنون احراز ممتاز و اولیکه طرصد و کور و اولیکه
من الحوی نکتان تجر یانه جاری اولدونی انستارک انستار
اولدونی سوار و از در شیشه عالی انستی دول بک الطوف و خونی
سید و اولون عز قاتل بد معنوی و کف سنبول باقی قیطره
از اینی و مجاور در مقام عجم غنیمش بر نوا و عجم افزا در کس
خو عروای نرم ازل و جودت بی بدن ترانه یرواز اولدونی
برک و اولیکه اهل عروای و مجازک و اولیکه در قرار آن
زنده کونوت در نوز میوانت زان عجم و اولیکه
ایطیننه سدا بر صفاتی خوار بر نوان غنیمش آلی
عجمه استاد الحاله زده حیرت کای عجمه صنفه عجمه و اولیکه
غنیمش و تصویر اینیکه سخن شمسان بدان عجمه و غنیمه و اولیکه
و اولیکه لادن طالع صنفی طایف عزای و اولیکه لادن و اولیکه
مجموعه صنفه بلوفیت ناجیز عاجزان ایدیم و اولیکه لادن و اولیکه

در کار

Лист 16. «Дастур-ал-амал».

В словаре, как уже отмечалось выше, наряду с идиоматическими выражениями встречаются отдельные слова, например: *hijobon — šahardan tašra iki tarafı boy va boyça olan yol* ‘загородная дорога, окруженная, с одной стороны, садом, а с другой — зеленью’.

Переводы фразеологизмов осуществлялись двояко. Чаще автор переводил их на турецкий язык описательно. Например: *oʻzi suylandı* ‘мечтал о чем-нибудь’ — *ob dar dahonaš omad: ču did talat hasm turš laqojišro pajojam tiy tiro ob dar dahon omad* (Камал Исфакхани) ‘Как

только увидел противника в агрессивном настроении, стал точить лезвие кинжала'; āridi 'исчез, пропал' — *ob šud: to gyl az šarm rüjat ob šud jak zamon durkun z-i čehra niqob* (Мир Хисрав) 'Подними на один миг завесу со своего лица, устыдившись твоего лица, цветок погибнет'; iša surat verdi 'закончил работу' — *ob bar vaj kor ovarđ: to čand hun dilhuri ki soqij žon parvaram boz otaš meovard obi bar vaj kor hud* (Мулла Джами) 'О милый виночерпий, до каких пор ты будешь терзать мое сердце, опять мое сердце распалешь'; beätibor oldi 'остался без внимания' — *bahok nišast: az on bahok nišastam ki on kamon abru maro ču tir bahud mekašid va dur andoht* (Хафиз) 'Та, с подобными луку бровями меня, словно стрелу, так отшвырнула, что я оказался вне поля зрения'.

В других случаях Рийази афанди старался найти соответствующие фразеологические сочетания в турецком языке. Например: juzi jufqa 'стеснительный' — *tang rüji: haq bagüjam hama kasro dar rüji garči az ob tang rüji taram* (Камал Исфакхани) 'Хотя я в затруднительном положении, всем буду говорить в лицо правду'.

Исследование словаря Рийази афанди имеет значение для изучения истории фразеологии в тюркологии и иранистике.

РЕЦЕНЗИИ

Э. В. СЕВОРТЯН. ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

(ОБЩЕТЮРКСКИЕ И МЕЖТЮРКСКИЕ ОСНОВЫ НА ГЛАСНЫЕ).

ИЗД. «НАУКА», М., 1974, 767 стр.

Менее десяти лет прошло между появлением «Пробных статей...»¹ Э. В. Севортяна и выходом в свет его капитального Этимологического словаря. Это были годы напряженной творческой работы по освоению огромного накопленного материала (в начальной подготовительной работе принимали участие сотрудники и аспиранты Сектора тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР²), его систематизации, редактированию состава словника и, наконец, составлению статей Словаря.

Первоначальные общие замыслы претерпели в ходе этой работы в целом незначительные изменения, была сохранена основная направленность Словаря, ориентированного прежде всего на толкование этимологически неясных (затемненных) неодносложных обще- и межтюркских основ в плане выяснения их морфо-семантического состава, то есть их древнейшей морфемной структуры, и установление семантики элементов последней (корневой и аффиксальных морфем) или, иными словами, на структурное и семантическое раскрытие древней словообразовательной модели, а также реконструирование древнего фонетического облика этих элементов (безусловно, прежде всего корневой морфемы).

Определение обще- или межтюркского характера этимологизируемой лексики, как известно, связано непосредственно с установлением языковой принадлежности слова, с разрешением вопроса о возможном заимствовании либо производящей основы, либо всего слова в целом. Поэтому в Словаре нашли отражение как основы пока еще неясного языкового происхождения, так и те основы, поиски этимона которых выходят за пределы тюркских языков — в частности в другие алтайские, среди которых на первом месте стоят монгольские языки. Не случайно Э. В. Севортян отмечает, что «поиски праформы для каких-либо двух формально близких тюрко-монгольских вторичных (производных) основ с общим корнем подчас оказываются беспредельными, а реконструируемая форма иллюзорной» (стр. 45). Таким образом, выдвигение на первый план общетюркской лексики, представленной в различных ареальных группах тюркских языков, предполагает обращение к древнейшим периодам развития языков, когда их лексическая однородность могла определяться еще недостаточной расчлененностью тюркского языкового массива в эпоху нераздельного состояния тюркских языков накануне их распада.

Это не значит, конечно, что внутри такого языкового массива наблюдается полное единообразие и нивелировка лексической, грамматической и фонетической систем. Наоборот, по современным представлениям о праязыковом состоянии именно ко времени распада общности назревают те языковые потенции, которые затем по-разному реализуются в возникающих ареалах. Не составляли в этом отношении исключения и тюркские языки. Большим достоинством Словаря является признание для реконструируемого периода наличия «... вновь формирующихся диалектов, территориального обособления диалектов и их сближения между собой, формирования ареальных групп...», поэтому «... следует допустить, что целый ряд производных (некорневых) основ, имеющих общетюркское распространение, создавались на этой ступени общетюркской общности, или даже позже, в одном диалекте или в близкородственных диалектах, распространившись затем в другие диалекты» (стр. 31).

¹ Э. В. Севортян. Пробные статьи к «Этимологическому словарю тюркских языков» (Обще- и межтюркские основы). М., 1966.

² Там же, стр. 3. (Обсуждение Проспекта словаря проходило в секторе и в Институте языкознания в 1960—1961 гг.).

Этот вывод имеет также фундаментальное значение для воссоздания древнейшего фонетического облика этимологизируемой основы. «Древнедиалектная дифференциация», неоднородность общетюркского состояния могли явиться причиной «фонетического неопределенности корня, его вариативности» (стр. 29). Э. В. Севортян допускает, что случаи некомбинаторных чередований в корнях современных тюркских языков широких и узких (или нёбных и ненёбных, или губных и негубных) гласных восходят, видимо, к древнедиалектным чередованиям. Так, автор устанавливает по две пары древнейших глагольно-именных корней с широким и узким негубным или губным гласным: *ақ ~ ақ-* и *ық ~ ық-* 'течение ~ течь'; **а:р ~ *а:р-* и **у:р ~ ур?* 'чистый ~ быть чистым'; *ир ~ ер* и *ир- ~ ер-* 'шутка ~ шутить'; *а:рық ~ ырмақ* 'река, канал'; *етмек ~ өтмек* 'хлеб'; *оқ ~ өк* 'частица'; *ис ~ ыс* 'дым, запах' и т. п. Аналогично чередованию гласных предполагается также древнедиалектное некомбинаторное чередование согласных в корне. Например, Э. В. Севортян отмечает, что можно принять ряд гомогенных основ с чередованием *-з ~ -с ~ -р ~ -й* для глагола *уза-* 'становиться длинным' ~ 'удаляться' (стр. 571), точно так же выделить ряд древних форм *уйы-луйу- ~ узы-лузу- ~ уды-* 'спать' (стр. 31, 579, 580), *им ~ ум* 'знак' (стр. 633) и др.

Признание гомогенных основ с разной огласовкой или с чередованием корневых согласных особенностью древнедиалектного состояния дает автору основание отказаться от восстановления единого их фонетического архетипа или определения их относительной древности, то есть не углубляться в более далекое прошлое тюркских языков. Тем самым как бы выравниваются уровни глубины реконструкции структурно-морфологической и фонетической, доходящей до общетюркского состояния накануне его распада.

Видимо, этот уровень глубины определяется применяемой методикой реконструкции и достижениями в области сравнительно-исторического изучения тюркских языков. Э. В. Севортян пользуется исключительно внутренней реконструкцией, не выходя за пределы исторической фонетики и грамматики тюркских языков. Выше уже приводилось его мнение о возможностях реконструкции общих тюрко-монгольских основ с единым корнем. Монгольские и тунгусо-маньчжурские параллели, приводимые в библиографическом разделе словарной статьи, даются лишь как сопоставительный материал, и, по словам автора, «в этимологических разработках они участвуют в редких случаях» (стр. 50). Точно так же приводятся и индоевропейские основы, имеющие нечто общее с тюркскими. Вместе с тем Э. В. Севортян отмечает, что число совпадений тюрко-монгольских основ (и еще более корней-основ) довольно велико, а тюркские и тунгусо-маньчжурские составляют примерно 10%. Возникает вопрос: правомерно ли игнорировать при реконструкциях эти данные, оперируя исключительно тюркским материалом? К тому же существует мнение, что решение тюркологических проблем неразрывно связано с алтаистическими штудиями. Для принятой глубины реконструкции и достижения цели, поставленных перед Словарем (прежде всего — морфо-семантическая этимологизация) именно избранная методика сугубо тюркской реконструкции оказывается наиболее целесообразной. Автор работает преимущественно с тюркским материалом, опираясь в фонетической части на установленные в тюркологии историкофонетические процессы и их закономерности. Многолетние занятия исторической лексикологией и работа над Словарем привели Э. В. Севортяна к выводу о том, что большая часть массива обще- и межтюркской лексики (вообще-то хронологически неоднородного), принадлежащей к аффиксальному типу, относится к «хронологически близким уровням, а в принципе к одной стадии словообразования» (см. стр. 30). Именно эту стадию и исследует автор Этимологического словаря. В таком случае избранная методика внутренней реконструкции оказывается необходимой и достаточной.

По-видимому, иные задачи потребовали бы обращения и к другим приемам реконструкции, в частности, более широкого использования внешней реконструкции, то есть выхода за пределы тюркских языков, возможно, обращения к алтаистическим построениям. Так, например, на собственном тюркском материале почти невозможно решить проблему происхождения многих аффиксов, и прежде всего словообразовательных (как известно, аффиксальные морфемы в Словаре Э. В. Севортяна не этимологизируются), или определить пути возникновения отдельных словообразовательных моделей. Здесь речь должна идти о значительно более глубоком хронологическом срезе состояния языков, о более далекой реконструкции. Поэтому обращение к алтаистике в данном случае представляется вполне оправданным. Действительно (если не отвергать в целом алтайскую гипотезу!), в тюркских языках необходимо предполагать наличие значительного числа гетерогенных формантов, в которых совпал ряд праязыковых (~ протоязыковых) показателей, представлявших собой близкие фонетические структуры. С другой стороны, для этих языков следует допустить также возможность совмещения в одной фонетической форме показателя целого ряда неоднородных значений, закрепленных ранее за различающимися фонетическими формантами. Учет такой «компрессии» значений и формы, очевидно, является необходимым условием при сравнительно-историческом изучении тюркских языков на фоне других алтайских. Однако рассмотрение таких вопросов относится к области алтаистических исследований, где наряду с тюркскими равно используются данные языков монгольских и тунгусо-маньчжурских. Причем и тогда воз-

никают проблемы относительной хронологизации языковых процессов, то есть снова становится необходимым различать глубину конкретных реконструкций. Логика научного исследования требовала от автора единой, строго выдержанной методики анализа материала, и читатель с удовлетворением может отметить, насколько последовательно теоретические установки реализуются в столь объемном и сложном по своей сути труде, когда автор не пошел по пути случайных и пока малоубедительных, но в то же время весьма заманчивых и внешне легких сближений корней и основ между алтайскими языками.

Может возникнуть также вопрос, правомерно ли основную тяжесть тюркской этимологизации переносить на морфемно-семантический анализ слова, рассматривая восстановление древнейшего фонетического облика слова, его фонетического архетипа как условие, без которого невозможно решить основную задачу. Позиция автора Этимологического словаря в этом вопросе четко определена как в самом Словаре (см. стр. 30, 40, 43), так и в ряде статей, связанных с проблемами тюркской исторической грамматики и лексикологии³. Э. В. Севортян указывает, что выделение в структурно затемненных словах производящей основы и словообразовательного аффикса дает возможность этимологизировать эти компоненты независимо друг от друга. Агглютинирующий строй тюркских языков предоставляет для этого большие возможности, поскольку относительная самостоятельность таких компонентов, и особенно корней, несравнимо выше, чем, например, в индоевропейских языках. Поэтому поиски словообразовательных связей, установление моделей и уяснение словообразовательной мотивации облегчаются и прецизируются, если известна морфемная структура слова.

К убедительным доводам Э. В. Севортяна можно также добавить следующие два соображения. Первое из них определяется уровнем и состоянием тюркской лексикологии. Эта отрасль языкознания в отечественной и зарубежной тюркологии еще не получила достаточного развития, определяемого современными требованиями лингвистической науки, и «детальное исследование широкого круга вопросов исторической и сравнительно-исторической... лексики тюркских языков» оценивается как одна из фундаментальных задач тюркологии⁴. Здесь не последнее место принадлежит проблемам формирования и развития тюркского лексического фонда, углублению истории отдельных слов, и именно в этом направлении целесообразно проведение исследований словообразовательных потенций и моделей, обращение к истории словообразования. Направление, представленное в известных трудах Э. В. Севортяна по словообразованию и в настоящем Этимологическом словаре, позволяет осветить многие нерешенные проблемы тюркской исторической лексикологии, причем не только перейти к углубленному изучению эволюции корневых морфем, но и к анализу истории аффиксальных морфем, их происхождения, структуры, формального и семантического развития и т. п.

С последним связано и второе соображение. Это то значение, которое имеют данные Этимологического словаря и направление исследования Э. В. Севортяна для алтаистики. Уже неоднократно подчеркивалось, что алтаистические штудии эффективны в тех случаях, когда соблюдается важнейшее требование любых сравнительно-исторических исследований о хронологическом выравнивании срезов сравниваемых языков. Лексические сопоставления между тюркскими и другими алтайскими языками наиболее показательны на уровне праязыковых (для каждой группы языков!) реконструкций корней, что связано не только с решением фонетических проблем, но и с установлением семантических оснований сближения реконструктов. Причем с этим связано и изучение морфологических показателей. И здесь выделение первичного корня, определение фонетического архетипа, реконструкция его исходных значений, объяснение мотивации в словообразовательной модели в пределах одной группы языков имеют первостепенное значение для алтаистики. Насколько бы продвинулась вперед эта область сравнительно-исторического языкознания, если бы имелись этимологические словари отдельных групп алтайских языков. Словарь Э. В. Севортяна закладывает прочные основы прогресса в указанном деле, представляя лексические материалы определенного исторического среза развития тюркских языков — общетюркского языка накануне его распада.

Интересно отметить, что еще В. В. Радлов, критикуя Г. Вамбери за его этимологию, которые часто строились на вольных звуковых и семантических сопоставлениях, определял задачи тюркской и общеалтайской этимологии в этом же направлении. Цель первой он видел в выделении синхронно неразложимых корней. После такой исчерпывающей обработки слов тюркских языков, а также и других групп языков, возможно уже срав-

³ См., например: Э. В. Севортян. Об «Этимологическом словаре тюркских языков». — «Вопросы языкознания», 1971, № 6; *его же*. К источникам и методам пратюркских реконструкций. — Там же, 1973, № 2; *его же*. Всегда ли при реконструкции необходим фонетический архетип всего слова (по данным тюркских языков)? — Там же, 1975, № 4.

⁴ См.: А. Н. Кононов. Некоторые итоги развития советской тюркологии и задачи Советского комитета тюркологов. — «Советская тюркология», 1974, № 1, стр. 6.

нение неразложимых корней в разных группах для выявления общих первичных корней, но при обязательном учете фонетических и семантических закономерностей. Таким образом, В. В. Радлов ратовал за хронологически последовательную разработку лексики для выяснения меж- и общезыковых морфологических структур и их дальнейшую глубинную этимологизацию.

Естественно, что в общетюркском языке должны наличествовать и элементы, характеризующие более раннее историческое состояние языка. Наиболее показательными из них Э. В. Севортян считает глагольно-именные омонимы, отражающие, по его мнению, период доаффиксального словопроизводства. Как указывает автор, «действующему издавна аффиксальному способу предшествовал и в известный период после того параллельно с аффиксальным способом действовал принципиально иной способ словообразования — корневая глагольно-именная омонимия, которой в грамматической сфере соответствует синкретизм частей речи» (стр. 30—31). Эта особенность характеризует значительно более древний период развития языка и относится к прототюркскому состоянию (см. стр. 37). Поскольку глагольно-именная омонимия должна рассматриваться, по мнению автора Словаря, «в качестве подосновы тюркской лексики агглютинативного типа» (стр. 40), глагольно-именные корни могут оказаться конечным результатом этимологического анализа, причем число последних будет возрастать по мере выяснения структур неодносложных слов. И действительно, в Словаре содержится значительное количество таких омонимичных корней, ранее не отмечавшихся в науке. Однако Э. В. Севортян не предпринимает окончательно вопрос об исходном структурно-фонетическом типе первичных корней, допуская существование в истории тюркских языков большого числа корней «в форме открытого слога» (стр. 30). Поэтому «трехбуквенные» глагольно-именные корни-омонимы могут оказаться, в свою очередь, производными от «двухбуквенных» корней, в частности корней в форме открытого слога, например: **йа- ~ *йа > йа-қ ~ йа-д-; *йа- > йа-н- ~ йа-қ-; быби > би-* и т. п., в связи с чем опять возникает вопрос об отнесенной хронологизации этих образований и этимологизации протокорней.

Эти выводы имеют большое значение не только для исторической грамматики и лексикологии тюркских языков, но и для алтаистики в целом. Глагольно-именный синкретизм присущ и другим алтайским языкам и, видимо, отражает одну из характерных особенностей их языкового строя. Использование в этих языках деривационных показателей подчинено особым закономерностям. Например, в сфере глаголообразования на ранних этапах развития алтайских языков, как это можно предположить на основе имеющихся данных, аффиксы глаголообразования выступали не столько в качестве формальных показателей деривационного преобразования «имя → глагол», сколько являлись семантически необходимыми для преобразования смысла «предметное значение → глагольное значение», ибо для алтайских языков формальное обозначение класса глагольных слов не столь обязательно (это отметил еще Г. Рамстедт). Аффиксы применялись, видимо, в тех словообразовательных моделях, где соотношение семантики «имя → глагол» было неясным. Реализация словообразовательных значений осуществлялась здесь через сложную систему смысловых трансформаций, конечным результатом которых является глагол с определенной семантической структурой. И выяснение таких словообразовательных связей, моделей, анализ первичной семантики формативов облегчается благодаря восстановлению древнейших глагольно-именных омонимов.

Таким образом, Э. В. Севортян стремится в своем Этимологическом словаре воссоздать фонетический облик некоего числа словарных единиц определенного структурного слоя лексики (преимущественно неодносложных основ), выявить их словообразовательную и семантическую модель строения. В последнем случае, помимо определения производящей основы (~ корня) и ее этимологизации, раскрываются также ее производительные возможности. Недаром в словарной статье внутри этимологического раздела обычно имеется абзац, где приводятся представленные в различных языках или памятниках производные от данного корня или основы. Этот абзац исключительно интересен и показателен. В качестве заглавного слова дается обще- или междтюркская основа. Поэтому приведенные в той же словарной статье другие производные, в частности ареальные ограничения, создают наглядную картину «жизни» этимологизируемой основы в современных и древних тюркских языках. В данном абзаце дается ценный материал, позволяющий проследить междтюркское распределение однокоренных слов, лучше понять синонимию словообразовательных моделей и морфо-семантическую эволюцию производящей основы (~ корня), оценить в совокупности продуктивность данной корневой морфемы в пределах словообразовательного ряда. Обобщение указанных модификаций необходимо для составления этимологических словарей отдельных тюркских языков или ареальных групп последних. Принимая во внимание некоторую однородность тюркской лексики, именно в расхождении словообразовательных моделей, в особенностях разрушения словообразовательных связей ряда и семантической мотивации новообразований удастся выявить своеобразие конкретных языков, языковых групп, ибо без этого невозможно успешное развитие исторической лексикологии. Следовательно, сопоставительный аспект Словаря повышает его значимость и ценность для современной тюркской лексикологии и исторической лексикографии.

И еще в одном отношении важны сведения Словаря для современной лексикологии и лексикографии. Приводя сводки значений этимологизируемых слов, автор стремился «отобразить в доступной полноте семантику исследуемой основы в различных тюркских языках, чтобы можно было в обзорном виде составить себе представление о направлениях семантического развития и обогащения научно установленных значений» (стр. 48). При этом показателна и группировка значений, произведенная автором: она демонстрирует степень охвата языков, а в некоторых случаях и ранжировку значений (старые — новые, прямые — переносные). Такие сведения с успехом могут быть использованы в словарях отдельных тюркских языков и в двуязычных словарях, где зачастую не дается полная семантическая разработка словарных статей.

Нельзя не подчеркнуть и культурно-историческую ценность таких сведений. «В наименовании, в его внутренней форме нет ничего случайного, произвольного. Всякое наименование в своем начале всегда строится согласно способам отбора признаков, выработавшихся в данном языковом коллективе, многие из которых являются типологическими, принятыми и в других языковых семьях». — отмечает Э. В. Севортян (стр. 42—43). С одной стороны, с этим связана возможность объяснения семантической мотивации, а также познание закономерностей номинации, действующих в определенные периоды истории языка в его связи с развитием общества. С другой стороны, здесь пролегают линии, связывающие историю слова и историю вещи, реалии, явления, понятия. Язык помогает проникнуть в условия реальной жизни носителей древнейших тюркских языков. Первую значительную попытку такого толкования слов предпринял в 1879 г. Г. Вамбери, автор первого тюркского этимологического словаря, издавший на его основе книгу о культуре тюркских народов по данным лексики⁵. В книге проводился анализ двадцати тематических групп слов, таких, как «семья», «дом и двор», «еда», «охота», «ремесло», «явления природы», «животный мир», «растения», «религия», и т. п. Г. Вамбери указывал, что эта его работа и словарь дополняют друг друга. Он уже тогда считал, что этимологизацию тюркских слов и их культурно-историческую интерпретацию облегчают агглютинативный строй тюркских языков и определенная стабильность словарного состава, объясняющаяся, по его мнению, относительно поздним разделением племен. Поэтому для Г. Вамбери отдельные тюркские языки по отношению к общетюркскому представлялись лишь диалектами, а не самостоятельными языками (Tochtersprachen). Этимологический словарь и книга Г. Вамбери, созданная под влиянием аналогичной работы А. Алквиста по финским языкам и находящаяся в общем русле исследований по поискам прародины народов (прежде всего индоевропейцев) на основе лексики, оставили свой заметный след в тюркологии. Интересно замечание Э. В. Севортяна о том, что отдельные этимологии и мысли Г. Вамбери «...все еще не потеряли своего значения в современных историко-лексикологических исследованиях» (стр. 50). Это направление культурно-исторической интерпретации лексики не пользовалось до недавнего времени особой популярностью и только в последние годы в отечественной науке отмечается повышение интереса к подобным исследованиям (смотрите, например, работы К. М. Мусаева, Л. В. Дмитриевой, Н. К. Антонова). Материалы, содержащиеся в Этимологическом словаре Э. В. Севортяна, представляют в этом плане большую ценность.

В Этимологическом словаре используется громадный фактический материал из современных литературных языков, диалектов, памятников письменности, почерпнутый из словарей, монографий, опубликованных статей и рукописных источников (диссертаций, ряда картотек и т. п.). Его объем (в части основ на гласные) заметно превосходит этимологический словарь М. Рясанена⁶. Ориентированность словника Словаря на современные тюркские языки, имеющая целью отразить наиболее актуальные для современных языков слои лексики, с одной стороны, компенсируется привлечением данных диалектов и памятников и, с другой, оправдана системным подходом к анализу лексики, когда этимологизируются не отдельно выхваченные слова, не интересные раритеты, а последовательные лексические ряды.

Первый том «Этимологического словаря тюркских языков» — большой успех советской тюркологии, он знаменует собой определенный этап в развитии науки. Высокая оценка книге Э. В. Севортяна была уже дана на страницах журнала⁷. Тюркологи с нетерпением ждут выхода последующих томов этого капитального труда.

Д. М. Насилов

⁵ H. Vámbéry. Die primitive Cultur des turko-tatarischen Volkes auf Grund sprachlicher Forschungen. Leipzig, 1879.

⁶ M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkischen Sprachen. Helsinki, 1969.

⁷ См.: А. М. Шербак. Состояние работы и задачи составления этимологических Словарей тюркских языков. — «Советская тюркология», 1975, № 4, стр. 5.

Н. Х. МАКСЮТОВА. ВОСТОЧНЫЙ ДИАЛЕКТ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

(В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ)

МОСКВА, ИЗД-ВО «НАУКА», 1976, 292 стр.

До выхода в свет монографии Н. Х. Максютовой в печати время от времени появлялись лишь отдельные статьи, посвященные языковым особенностям того или иного говора башкирского языка, по которым трудно было составить цельное представление об историческом развитии башкирских диалектов. Поэтому появление рецензируемой работы следует признать своевременным, и она, несомненно, будет с интересом встречена специалистами.

Восточный диалект башкирского языка, объединяющий множество родо-племенных групп (айли, тюбелес, тырнаклы, мырзалар, дуван, кошо, сарт, сырзы, салют, телеут, катый, тамьян, бурзян, кыпчак, кувакан, барын, табын), является ядром разговорного языка башкир, проживающих на крайнем северо- и юго-востоке Башкирии (Белокатайский, Дуванский, Мечетлинский, Кигинский, Салаватский, Учалинский районы, северо-восточная часть Баймакского, Бурзянского районов), в Челябинской (Аргаяшский, Кунашакский, Кусинский, Чебаркулевский, Сосновский районы) и Курганской (Альменевский, Сафакулевский районы) областях. Территориальная разобщенность восточных башкир послужила причиной образования ряда своеобразных говоров, таких, как айский, аргаяшский, салютский, миасский и кызылский, выделенных автором в ее классификации. В исследовании Н. Х. Максютовой впервые в башкирском языкознании подробно анализируются особенности всех этих говоров.

Монография включает введение и пять глав, в каждой из которых систематически излагаются фонетические, морфологические и лексические особенности говоров восточного диалекта. Вводная часть монографии посвящена историко-этнографической характеристике, анализу этнического состава башкир данного языкового ареала, вопросам становления и развития восточного диалекта и классификации говоров и диалектов башкирского языка. По вопросу классификации башкирских диалектов мнения исследователей не совпадают: одни ученые при выделении диалектов исходят только из фонетических особенностей, другие стремятся дифференцировать диалекты и говоры по географическому принципу, полагая, что «говоры образуются только по бассейнам рек» и т. д. Такой подход к классификации диалектов был вызван прежде всего отсутствием комплексного изучения говоров в территориальном и языковом отношении.

Основываясь на фактах башкирских диалектов и данных современной диалектологической науки, Н. Х. Максютова приводит

научную классификацию говоров, учитывая совокупность признаков (фонетических, грамматических, лексических, этнических и географических), без чего не может быть правильно локализована та или иная диалектная единица. К монографии приложены карта диалектного членения башкирского языка и карты с нанесенными на них ареалами всех говоров, вошедших в восточный диалект. Классификация башкирских диалектов, предложенная Н. Х. Максютовой, одобрительно встречена большинством диалектологов республики.

Описанию фонетических, морфологических и лексических особенностей каждого говора восточного диалекта посвящается отдельная глава. Автор проводит сравнительный анализ восточных говоров в историческом аспекте, сопоставляя их наряду с литературным башкирским языком и с другими тюркскими и монгольскими языками. Сравнение с неродственными языками и языком памятников древнетюркской письменности позволяет автору выявить этническую основу каждого из говоров и проследить эволюцию тех или иных фонетических и грамматических явлений в говорах башкирского языка.

Во вводной части глав дается краткий обзор эволюции сложных этнических процессов, формирования и развития говора, его отношение к башкирскому литературному языку и другим говорам и диалектам родственных и неродственных языков. Приводятся наблюдения автора в области исторической фонетики и морфологии башкирского языка.

Восточный диалект представляет собой древнейшее ядро башкирского языка, сохранившее такие древнейшие фонетические явления, как ассимиляция согласных, глухое начало слов, глухая инпозитивность звуков, реликтовые звуко сочетания типа *nt*, *lt*, *mt*, *nk*, *nq* и другие, зафиксированные в орхоно-енисейских надписях.

В области фонетики восточный диалект характеризуется наличием начальных звуков *t*, *d*, *ð* в аффиксальных морфемах: *baš-tyq* 'начальник', *as-tyq* 'голод', *azat-tyq* 'свобода', *dan-dyq* 'доблесть', *jel-de* 'ветренный', *jä-j-däü* 'летовка', *bag-dyq* 'достаток', *quc-dyq* 'пустота'. Начальный звук аффикса множественного числа и словообразования глаголов также подчиняется закону ассимиляции согласных, ставшему нормой для литературного языка: *at-tar* 'кони', *qug-bar* 'поля', *übän-där* 'луга' и т. д. Эти фонетические особенности свидетельствуют о сходстве восточного диалекта башкирского

Специфические особенности говоров восточного диалекта проявляются в употреблении звуков *h* и *θ*. Сальютский говор характеризуется гортанным спирантом *h*, произносимым вместо *θ*, *δ* и спорадически — вместо *š*: *quh* 'девушки' — лит. *quð*, *qoh*; *qoh* 'ворон' — лит. *qodvon*, *alahuh* 'берёге' — лит. *alahuyud*; *quhqa* 'короткий' — лит. *quðqa*, *quhym* 'тесно' — лит. *quðym*; *aah* 'есть' — лит. *ašau*, *tahuh* 'разлиться' — лит. *tašu* и др. Автор указывает, что гортанный спирант *h* вносит изменение в звуковую структуру слова, так как недопустимость сочетания нескольких *h* в одном слове приводит к появлению гласного: *Ohötöböhötöñ öh öj* 'На троих три дома' — лит. *ösöbööðöñ ös öj*, *Jhebehetän syqqañ* 'выскочило из памяти' — лит. *iðebeðän syqqañ* и др. Для айского говора характерны анлаутное *h*, милаутное *θ*: *hiräk* 'редко', *hemäjgän* 'обманутый'; *akθaq* 'хромой' — лит. *aqhaq*, *tuθqañ* 'девьянош' — лит. *tuqhqañ*. В аргаяшском говоре наиболее активным звуком является *θ*, употребляющийся во всех позициях вместо *δ*: *quθ* 'девушка' — лит. *quð*, *jöθ* 'сто' — лит. *jöð*, *alayuθ* 'берёге' — лит. *alahuyud*. Соответствие звуков *θ* и *δ* в аргаяшском говоре вызывает комбинаторные изменения: *beθten* 'наш' — лит. *bedðen*, *tuθtygyu* 'износить, разбросать' — лит. *tudðygyu*; *quθqalaq* 'шавель' — лит. *quðyalaq*, *quθqylt* 'красноватый' — лит. *quðuyult*.

Ценным является выдвинутое Н. Х. Максотовой положение о разном происхождении гортанного спиранта *h*, обусловившем его особенности в различных говорах. Автор подчеркивает, что для ранних тюркоязычных племен на территории современной Башкирии звук *h* является иранским субстратом, а в сальютском говоре *h* генетически восходит к тунгусскому языку. Это подтверждается прежде всего идентичностью употребления *h* в якутском и эвенкийском языках, этнической историей племен сальют, представители которого являются выходцами из тунгусо-монгольских племен, обосновавшихся на занимаемой ими территории в довольно поздний период, и, наконец, монолитностью (и в географическом, и языковом отношениях) говора (стр. 186).

Кроме перечисленных фонетических особенностей, восточный диалект характеризуется озвончением начального *t* и оглушением начальных *g* и *γ*, нарушением губной гармонии по линии *o*, *ö*, делябилизацией начальных *o*, *ö* и т. д.

В монографии Н. Х. Максютовой большое внимание уделяется описанию морфологических особенностей говоров восточного диалекта. Бесмама своеобразна в восточном диалекте форма повелительного наклонения. Во всех говорах ясно выраженное повеление представлено посредством аффиксов *-yŋ (-eŋ)*, *-oŋ (-öŋ)*, *-ŋ*: *al-yŋ* 'берите', *kit-eŋ* 'идите', *baŋ-la-ŋ* 'начинайте' и др. Данная форма повелительного наклонения типична для многих тюркских языков, она является древнейшей формой повеления. Сравните, например: азерб. *al-yŋ*, туркм. *baraŋ*, *al-yŋ*, *al-yŋ* 'берите', *yŋr. kel-iŋ*, *uzb. kel-iŋ* 'приходите' и др.

В ряде говоров восточного диалекта активной формой является инфинитив на

-qaly (-gäle), -qaly (-qäle): huyyšqaly köş kārāk 'чтобы сразиться, нужна сила', äiäl belgäle gārāk 'сперва нужно узнать' и т. д. Данную форму инфинитива автор совершенно справедливо связывает с древнетюркской формой -qalı (-qäle).

Несомненно, большой интерес для лингвистов представляет высказывание автора о генезисе показателей множественности -a (-ä), -s, -t, фигурирующих в сальютском говоре, и установление их генетической связи с аффиксами множественного числа монгольского и маньчжурского языков. В сальютском говоре аффикс множественности -a (-ä) в основном присоединяется к именам собственным и звательным: Färit-ä töpön gitkän šol Ysbirlau 'Фариты уехали ночью в Свердловск', Bädıyol-a ayandar 'взяли Бадигулы'.

В ряде говоров восточного диалекта существует аффикс -s, который присоединяясь к звательным именам, образует прилагательные, обозначающие сходство, подчеркивающие отрицательный признак человека: ata-s 'похожий на отца', qarıtta-s 'похожий на дедушку', ara-s 'похожий на сестру', ipä-s 'вся в мать', aya-s 'похожий на брата'. Данный аффикс с тем же значением функционировал и в древнетюркском языке. Сравните, например: ata oyılı atač toyar 'сын родился похожим на своего отца' (ДТС, Л., 1969).

Многие неизученные в башкирском языкознании аспекты грамматической категории глагола рассматриваются Н. Х. Максютовой впервые. Оказывается, что в ряде говоров восточного диалекта не оформлена система падежей и косвенные падежи выступают в нулевой форме, то есть не имеют обычных грамматических показателей. Функцию направительного, родительного и винительного падежей здесь выполняет именительный падеж. Сугубо специфичны аффиксальная система говоров восточного диалекта, а также временные формы глагола, класс наречий, служебных слов. Эти и ряд других особенностей говоров восточного диалекта позволяют сделать вывод, что последние сохранили черты древнего башкирского языка.

Носители восточного диалекта пережили довольно сложный этногенетический процесс. Как видно из исследования Н. Х. Максютовой, во всех говорах восточного диалекта наряду с особенностями, присущими говорам южного диалекта башкирского языка, а также близкородственным тюркским языкам, имеются языковые элементы, исторически не характерные для тюркских языков.

Лексика говоров восточного диалекта самобытна, оригинальна, отличается обилием синонимов, фразеологизмов, своеобразных пословиц и поговорок. Среди лексических диалектизмов в этих говорах обнаруживаются пласты межтюркской, арабской, персидской, финно-угорской, монголь-

ской, тунгусо-маньчжурской лексики, и, можно полагать, что основной пласт исконно башкирской лексики, источником которого было как общетюркское, так и общеалтайское наследие, оказался наиболее устойчивым и сохранился именно в восточном диалекте. Лексика этого большого языкового ареала при всей своей близости к нормативной лексике башкирского национального языка значительно отличается от нее, особенно по составу заимствованных слов, производных слов аналитического типа, а отчасти и аффиксального образования.

В восточном диалекте прежде всего выделяются лексические диалектизмы, не представленные в говорах южного диалекта башкирского языка. Например: könpunış 'запад', šimälä 'целебная вода', qır saıaı-ınu 'шмель', oban 'тегерев саяец', äbegän 'бедняжка', qıyduhan 'пришелец', kımaj, kömaj 'язык', munta 'плечо', aıysu 'сладость', bäsä 'выделанная овчинка для шубы', qoroŋa 'шуба с верхом', malma 'большая бадья', šünä 'шахтинские галоши', tärge 'помост для сушки курута', porau 'хотеть спать', jorso 'деверь', tolangaj 'дом; имущество', jürmä 'дремучий лес', balduŋ 'шурин', tuşar 'рябина' и др.

Восточный диалект исключительно богат синонимами. Например, слово «одуванчик» в говорах восточного диалекта имеет следующие названия: aıymbaq, bayajaq, bayymbaq, bajymbaq, baqbayılän, bāyembāk, harülän, höttülän; «боярышник» — bajarqa, bajar jemeşe, büre jemeşe, dunala, qamyrtjemeş, teştekej, tölköjemeş, hyuhar, ŋuŋar, etätek, enäleyas и т. д. Автор отмечает, что в одном только аргашском говоре национальное кушанье — мучная каша, приготовленная на сметане, имеет названия: bolamsa, bolamsyq, bolamyq, mazuma, salama, salamat, sükamaj, äžämät, äümälä, xäleüä, yzmyq, ulyš.

В работе говорится о семантических функциях некоторых словосочетаний, застывших фраз, бытующих в ряде говоров в качестве формул нравоучения, предупредительности, предосторожности, справедливости, смелости, коллективности. Например: agra jujmaq ağıtmaq qarugyqa moŋ buyan 'балованные судьбой томятся по самой худшей судьбе', kärtäläge tuŋ tıdäk, kemgä kimaj ul kidağ 'невзгоды никого не щадят', jaxşy xatyn esendä bişekte bala jata, jaxşy irdeŋ esendä duŋaly at jata 'храни доверенное', besän sarpaq — bejemäk, ıraq ırmaq — ujnamaq 'делай свое-временно', tađy böthä lä tađy bötmaj 'пятно сотрется — след останется', itäktä ıyan, töšhä jıyan 'пока младенец — горя нет, как станет взрослым — так ужалил' и др.

Лексика говоров восточного диалекта обогащалась заимствованиями из разных языков, среди которых особое место занимает монгольский. К словам монгольского происхождения относятся следующие: aly-

ja 'жизнерадостный, -ая' — монг. alia 'резвый, шаловливый, балагур'; agal 'остров' — монг. agal 'остров; оглобли (у телеги)'; agyataj 'проворный, -ая' — монг. agyataj 'предприимчивый, находчивый'; atlaya 'тесло' — монг. atlaya 'тесло'; bojt 'далеко, отдаленно' — монг. bujd отдаленный, захолустный, безлюдный; buidal 'место, выбираемое для ночлега, отдыха' — монг. buidal 'стоянка, стан'; dalan 'дамба' — монг. dalan 'насыпь, гряда, вал, дамба'; darsan 'чий блестящий, раньше использовавшийся в туалете женщины вместо духов' — монг. ders (en) 'чий блестящий; ковыль опьяняющий' и многие другие. Некоторые монголизмы сохранились в сочетаниях слов или в застывших фразах и устойчивых оборотах. Сравните, например: ajanu sulkhat pojapma 'выезжая в путь, в дальнее путешествие, смотри в оба', то есть «не ленись, не спи», где слово ajan в восточном диалекте самостоятельно не употребляется, но в современном монгольском языке выступает в значениях «путешествие», «караван», «поход», «дальняя дорога» и т. д.

Таким образом, говоры восточного диалекта сохранили свои древнейшие черты на всех уровнях языка. Это объясняется тем обстоятельством, что они развивались самостоятельно и их носители не были в тес-

ном контакте с представителями других башкирских говоров.

Большой интерес представляют приводимые после каждой главы образцы текстов о свадебном ритуале башкир, записанные от информантов — носителей говора. Исходя из современных требований диалектологии, предъявляемых к иллюстративным текстам, автор сознательно выбирает однотипный материал разных говоров, что дает возможность наглядно сопоставить последние не только в языковом, но и в этнографическом плане.

В монографии содержится достаточно богатый материал по исторической фонетике, морфологии и лексикологии башкирского языка.

Книга «Восточный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении)» является ценным учебным пособием для изучающих башкирскую диалектологию и историю башкирского литературного языка.

Монография Н. Х. Максutowой, несомненно, с интересом будет прочитана всеми специалистами по тюркской диалектологии, а также тюркологами — этнографами и историками.

М. И. Исламов, Р. Г. Азнагулов

З. Г. УРАКСИН. ФРАЗЕОЛОГИЯ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

М., 1975, 190 стр.

Рецензируемое исследование по идиоматике является результатом многолетнего труда автора и создано на основе богатого языкового материала, часть которого известна читателю по «Башкирско-русскому фразеологическому словарю» (Уфа, 1973), редактором и одним из составителей которого является З. Г. Ураксин. Новая монография представляет собой обобщение проведенного системного исследования и первый опыт описания башкирской идиоматики в целом. При этом автором учтены также и достижения некоторых смежных наук, в частности лексикологии, стилистики и лексикографии.

Теоретическим стержнем работы является «Введение», в котором сжато изложена авторская концепция проблемы, актуальной в первую очередь для лексикографов.

Историю изучения башкирской идиоматики З. Г. Ураксин освещает на фоне достижений отечественной лингвистики, отмечая, что и на этом уровне многие вопросы в данной области пока еще не получили однозначного разрешения. Автор уделяет

серьезное внимание и лексикографическим публикациям, составляющим наиболее важный компонент данного раздела монографии.

В подразделе «Основные признаки фразеологических единиц и объем фразеологии» З. Г. Ураксин приходит к выводу, что «фразеологические словосочетания как самостоятельные единицы языка должны быть выделены на основе различных признаков, определяющими из которых являются: устойчивая связь между компонентами, воспроизводимость, исходящая из целостности значения единицы, образное отражение действительности (метафоричность для всех без исключения), особый характер значения, связанный с образностью, выражение понятий, а не суждения» (стр. 20). В данном случае З. Г. Ураксин основывается на утвердившейся в теоретической литературе точке зрения, претендующей на универсальность.

Как известно, авторы, занимающиеся непосредственно прикладной идиоматикой (следовательно, оперирующие более на-

глядными и доказательными категориями), приходят и к иным выводам. Так, Г. Х. Ахунзянов в своей диссертации «Идиомы (Исследование на материале татарского языка)»¹ — многоаспектным исследованием, базирующемся на полном списке идиом современного татарского литературного языка, доказывает: 1) идиома (у З. Г. Ураксина — фразеологическое словосочетание, фразеологическая единица) виртуально выражает либо понятие, либо суждение. Значение, соотносимое с логическим суждением, свойственно прежде всего пословицам. Именно такое понимание идиоматики отражает, точнее обуславливает, и состав упомянутого «Башкирско-русского фразеологического словаря»²; 2) корпус идиоматики составляют не только образные, метафоричные выражения, но и необразные, эмоционально нейтральные. В частности, такие единицы представлены и в иллюстративной части рецензируемой книги, например: *кул кую* (стр. 175), *ак билет булып калыу* (стр. 173), выражения из подраздела «Местоименные модели фразеологизмов» и др. Здесь автор удачно уточняет свою характеристику идиоматического выражения.

Чтобы получить хоть какое-то реальное представление о вложенном автором в его исследование труде, достаточно вспомнить, что ему пришлось протрудиться огромное количество фрагментарных описаний идиоматики чуть ли не по всем языкам нашей страны, начавшихся особенно интенсивно издаваться с конца 50-х годов.

Совершенно новым для башкирского языкознания можно признать содержание первой («Семантические признаки фразеологических единиц») и второй («Грамматическая структура фразеологических единиц») глав. Лексикографическая обработка идиоматики вообще была бы неполной без теоретических интерпретаций, приведенных в этих двух главах. В первой главе особенно важны классификационные решения (это прежде всего новые группировки выражений по нескольким семантическим признакам) и выводы по омонимике, антонимике и синонимике, свидетельствующие о богатых возможностях башкирского языка. Результаты наблюдений по указанным частным вопросам имеют не только идиомологическое, но и лексикологическое значение. Во второй главе довольно подробно, с обусловленной лексикографическими требованиями полнотой, вскрыты и описаны признаки рассматриваемых единиц в грамматическом аспекте. В этих двух главах З. Ураксин удачно раскрывает потенциальные возможности идиом в области семантических модификаций и формообразования.

¹ См. одноименный автореф. докт. дисс. Казань, 1974.

² См. также А. М. Бабкин. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970.

На основе конкретного материала автором дополнены и уточнены теоретические установки «Введения». В частности, он утверждает, что среди идиом «имеются разные типы простых предложений» (стр. 84 и др.) типа *ауыр тупрагы ежел булһын* 'да будет ему земля пухом', *ана бара юлың* 'скатертью дорога', в которых выражено логическое суждение. К таким можно причислить и основную часть выражений, рассмотренных в рубрике «Междометные модели фразеологизмов».

В третьей главе выделены разделы «Лексическая вариантность», «Словообразовательная вариантность», «Фразеологическая деривация» и «Количественные изменения лексического состава фразеологических единиц», в которых рассмотрены вопросы, в высшей степени важные для лексикографии (как прикладной, так и теоретической).

Вопросам, освещенным в первых двух разделах главы, уделено крайне мало места, что привело к некоторому схематизму. При этом автором не уточнены его методологические позиции и поставленные им перед собой прикладные задачи. Оправданным является то, что лексикографический уровень детализации при установлении и выделении вариантов языковых (идиоматических) единиц может быть признан пока наиболее значимым, а следовательно, приемлемым и адекватным. Иной подход к решению данного вопроса в современных условиях был бы просто беспредметным, в лучшем случае диффузным и дискуссионным (а дискуссионных вопросов в идиоматике и без того более чем достаточно). И все же два отмеченных раздела главы можно считать удачным введением к изучению соответствующих особенностей башкирской идиоматики.

На интересные размышления наводит раздел «Словообразовательная вариантность», в котором делается попытка закрепить термин «вариант» за тождествами, подлежащими фиксации в качестве реестровых единиц в словарях, а термин «вариации» — за образованиями, не возводящимися в ранг словарных единиц в существующей лексикографической практике.

Под термином «фразеологическая деривация» автор подразумевает: 1) обороты, «которые при аффиксации переходят в другие разряды»; 2) «процесс образования слов из фразеологизмов» (стр. 96). Рассмотрение автором второго вопроса представляется нам несколько выходящим за тематические рамки данного исследования (поскольку он здесь затрагивает многие аспекты современного состояния башкирского языка) — это является прямым объектом исторической лексикологии.

Автор прав, отмечая, что «внутрифразеологическое словообразование остается еще совершенно незатронутым» (стр. 97). То, что рассмотрено и освещено в данной ча-

сти монографии, особо важно для лексикографии — как одноязычной, так и переводной, причем для каждой из них решение может быть различным, что подтверждено практикой.

Рассмотрев множество частных явлений, З. Г. Ураксин остановился на четырех из них, достаточно наглядно проиллюстрировав при этом возможности языка в данной сфере. Конечно, каждое из явлений может быть глубже детализировано. Так, например, адъективация глагольных выражений осуществляется, как известно, не только с помощью аффикса *-лык*, однако в рамках данного изложения дальнейшее дробление было бы, несомненно, излишним.

Значение раздела о количественных вариантах идиом (стр. 106—112), разработанного несколько в историческом плане, обусловлено прежде всего требованиями современной практики культуры речи. Рассмотрение этого вопроса с точки зрения образования тех или иных выражений дополняет их научное описание. Своевременна также оговорка автора, что «факультативные компоненты следует отличать от слов непосредственного окружения (ближайшего контекста) фразеологизма» (стр. 109).

Глава «Сочетаемость фразеологических единиц» написана автором опять-таки в лексикографическом плане. Делать какие-либо категорические заключения о значимости или перспективности данного метода в исследованиях по идиоматике можно было бы лишь на основе работы, целиком опирающейся на него. Очевидно, однако, то, что вопросы изучения окружения идиоматической единицы актуальны для работ лексикографического профиля, особенно в современных условиях, когда резко повысился уровень запросов читателя и более совершенной стала практика лексикографирования.

В этой главе выделены три раздела, в которых анализируются выражения с одностемным, двухстемным и трехстемным окружениями. Разделы в свою очередь распадаются на более мелкие подразделения. Выдвинутые автором тезисы удачно иллюстрируются, а сама эта глава отличается более развернутыми характеристиками и детализацией, что обусловлено, видимо, новизной и специфичностью проблемы.

Так, например, выражения с одностемным окружением описаны в подразделах субстантивных, адъективных и глагольных идиом, при этом последние рассмотрены только с точки зрения их морфологического окружения. Выделены подразделы «Фразеологические единицы с синтаксическим окружением» и «Фразеологические единицы с вариативным окружением». Материал и выводы, безусловно, интересны, однако некоторые детали можно бы уточнить. Например, в рубрике «Глагольные фразеологизмы с морфологическим окружением» указывается, что приведенные обороты имеют окружение, выраженное существитель-

ным в основном падеже. Но выражение *кыл өстендә тору* 'быть на волоске', имеющее в своем окружении грамматическое подлежащее, действительно является таковым (ибо подлежащее не может быть выражено никакой иной формой) только в одном случае, в остальных же оно может иметь в окружении и имя в винительном (или ином) падеже. Данный вопрос требует детализации. Нам представляется, что целесообразнее было бы назвать одну из упомянутых рубрик «Фразеологизмы/идиомы в аспекте синтаксического окружения», ибо заголовок, данный автором, позволяет предположить, что возможны выражения без синтаксического окружения.

В пятой, последней главе рассматриваются вопросы возникновения и обогащения идиоматического фонда современного башкирского языка. Это первый опыт монографического (в указанном аспекте) описания, в котором сделана попытка «выделить группы фразеологизмов, общие для монгольских языков, пласт, характерный для тюркских языков, а также — исконно башкирские фразеологизмы и заимствования» (стр. 153).

В разделе «Фразеологические параллели в башкирском и монгольском языках» установлены критерии выделения названных параллелей и приведены интересные наблюдения по трем пунктам. Не менее интересны и выводы по этому вопросу. В частности, заключение автора, что «выявляется несовпадение основного фразеологического фонда алтайских языков как по лексическому составу, так и по семантике и образной основе» (стр. 157), может лечь в основу последующих сопоставительных исследований языков алтайской общности.

Не меньший интерес представляет раздел «Фразеологизмы, общие для тюркских языков», в котором приведены группы выражений, свойственных ряду или большинству тюркских языков, причем за исходную принята единица/форма, зафиксированная в «Древнетюркском словаре». Затронут вопрос о чувашско-башкирских, якутско-башкирских и других параллелях. Интересны и актуальны выводы по функциональным, структурным и семантическим особенностям идиом сопоставленных тюркских языков.

Сравнительно полно разработан и раздел «Источники образования фразеологизмов башкирского языка», состоящий из восьми мелких подразделов.

Изложение этого вопроса требует от автора обширных познаний в области современной идиоматики и тенденций ее исторического развития. Необходимо установление времени или условий (и т. п.), способствовавших возникновению той или иной идиомы. Во многих случаях необходимо привлечение данных смежных наук. Так, например, возникновение оборота *куз тейеу* 'сглазить' может быть объяснено (предположительно) сравнительно легко, а появление выражения *аю майы һөртөү* 'стащить,

украсть' уже «должно быть связано с культом медведя» (стр. 167). Образование же целого ряда идиом вообще не может быть объяснено. Одним словом, диахронический аспект не только исследования, но и описания результатов исследования трудно увязать с синхронией в работе, основной задачей которой является анализ «фразеологического корпуса башкирского языка в синхронном срезе» (стр. 186).

Актуальны выводы по подразделу «Диалектная фразеология», разработанному в аспекте «возможности пополнения литературного языка за счет фразеологических единиц разговорного языка» (стр. 180). Подраздел посвящен описанию четырех групп диалектных оборотов, выделенных по семантическому признаку, как наиболее значимому в подобного рода исследованиях.

Последний раздел посвящен вопросу об идиомах иноязычного происхождения.

Книга завершается компактным «Заключением». Библиография дана в подстрочных примечаниях.

Издание рецензируемой монографии З. Г. Ураксина на русском языке, безусловно, следует приветствовать, ибо это неизмеримо расширяет читательскую аудиторию, благодаря чему книга становится достоянием научной общественности всех республик нашей страны.

Монография З. Г. Ураксина — ценный вклад в башкирскую идиоматику. Многие выводы и наблюдения автора заслуживают внимания с точки зрения проблемы общей тюркологии. Они актуальны прежде всего в аспекте лексикографии, получившей в последнее время особенно значительное развитие.

Г. Х. Ахунзянов, М. Г. Мухамадиев

М. Ф. ЧЕРНОВ. КРАТКИЙ РУССКО-ЧУВАШСКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

«ЧУВАШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО», ЧЕБОКСАРЫ, 1975, 192 стр.

Развитие чувашской лексикографии долгое время шло исключительно по линии создания чувашско-русских и русско-чувашских словарей общего типа, а также специализированных терминологических словарей. Значительным достижением явилось издание капитального семнадцатитомного «Словаря чувашского языка» Н. И. Ашмарина и создание на его базе новых чувашско-русских словарей. Во всех этих словарях рассеянные среди лексического материала чувашские фразеологизмы с трудом поддаются обзору.

Значительным шагом в изучении чувашской фразеологии явилось появление рецензируемого «Краткого русско-чувашского фразеологического словаря» М. Ф. Чернова, в котором чувашские фразеологизмы приведены в качестве эквивалентов наиболее распространенных русских фразеологизмов. Словарь является результатом многолетней собирательской деятельности автора и, отличаясь простотой структуры, предназначен для широкого круга читателей.

Словарь открывается предисловием «От автора», далее следуют справочные разделы «О пользовании словарем», «Лексикографические источники» и «Список сокращений». В конце словаря помещен в качестве приложения популярный очерк «Меньял фразеологи?» («Что такое фразеоло-

гия?») на чувашском языке, дающий представление об основных разновидностях фразеологических единиц и их признаках.

М. Ф. Чернов избрал систему простого алфавитного расположения фразеологического материала без выделения опорных слов и гнездования вокруг них фразеологизмов, при этом им учитывается варьирование отдельных элементов в составе относительно устойчивой идиоматики.

Автор придерживается широкого понимания фразеологии. В состав устойчивых сочетаний им включены:

а) фразеологические сращения — **фразеологи сыпăнчăкĕсем** (ср. «собаку съел» и *хăнт та мар*);

б) фразеологические единства — **фразеологи пĕрлĕхĕсем** («вешать нос», «в мгновение ока», «делиться хлебом-солью», «золотые руки»; *тĕпсĕр (тăранман) карланкă, сехре хăпарт, сур (пĕр) пуса тăмасть, шăл хайра, чĕлхене яр*);

в) фразеологические сочетания — **фразеологи перлешĕвĕсем** (*хура кĕркунне, халап çан*);

г) фразеологические выражения — **фразеологи сăмах саврăнăшĕсем**, куда входят формулы пожеланий, проклятия, приветствия и т. п. (*ырă қаç пултăр, ырă кун пултăр*), пословицы и поговорки («взял лычко, отдай ремешок»; «видна птица по полету»; «волка ноги кормят»; «нашла коса на ка-

мень»; «человек в футляре»; «око за око зуб за зуб»; «рыбак рыбака видит издалека»; *сёленне калтан чёлхи пёр; алла алá сáват; уй куслá, вáрман халхалá; икё мулкача хáвалакан пёрине те тытайман; кахал йытта вил мулкач; туй иртсен шá-пáр каламáссё*» (стр. 183—185).

В связи с таким пониманием фразеологии в книге широко представлены обороты типа: 1) «будь добр»; «будь здоров»; «будь (трижды) проклят!»; «будь ты ненаден!»; «будь что будет!»; «будь я (трижды) проклят!»; (стр. 13); 2) «вот те (тебе) на!»; «вот те (тебе) и раз!»; «вот те (тебе) крест!»; «вот это мило!»; «вот так клюк-ва!»; (стр. 22); 3) «пусть поразит гром (господь небесный)!»; «пусть провалится в преисподнюю (тартарары), пусть поглотит тебя земля!» (стр. 136 и др.) и т. п.

Однако предпринимаемые автором попытки расширения границ фразеологии не всегда оправданы. Так, без достаточных оснований включены в словарь обороты «башка не варит», «в скором времени», «в таких случаях», «гляжу — не нагляжусь», «дополнять (дополнить) друг друга», «дороги расходятся», «дороги сходятся», «каждый другой», «мы еще посмотрим», «от начала до конца» и т. п. Включение в состав фразеологии подобных оборотов фактически стирает границы между устойчивыми и свободными сочетаниями слов. В данном случае мы имеем дело с различными типами свободных словосочетаний. В обороте «башка не варит» глагол «варить» употреблен в переносном значении, а существительное «башка» в своем номинативном значении, синонимичном слову «голова». Как видим, ни одно из слов в этом сочетании не имеет фразеологически связанного значения. Не обладают таким значением и слова, входящие в остальные приведенные выше словосочетания. В некоторых сочетаниях все слова употреблены в своих прямых значениях. Например, «дополнять (дополнить) друг друга», «в таких случаях» и т. п.

После определения границ фразеологии столь же важным для фразеологического словаря является вопрос о лексическом составе устойчивых оборотов. Во многих случаях трудно выявить, какие лексические компоненты входят в состав оборота и какие составляют его окружение. В целом трудности, возникающие в связи с определением лексического состава фразеологизмов и их окружения, автором преодолены удачно (см., например, обороты типа «вкладывать (вложить) в душу чью, кому»; «вкладывать (вложить, влагать) в уста кого, чьи, кому» (стр. 18); «во весь дух (бежать, ехать, мчаться и т. п.)» (стр. 19); «выставлять (выставить) на вид (на показ, наружу) кого, что» (стр. 30) и др.

Неточности и спорные случаи немногочисленны. К ним, на наш взгляд, от-

носятся фразеологизмы: «как облупленно-го (знать)»; «как вкопанный (стоять)»; «дать березовой каши кому» и др.

В состав фразеологизма «как облупленного» в качестве обязательного компонента входит глагол «знать», который в словаре дается как возможный, необязательный. При этом фразеологизме должно быть указано и его окружение: «кого». Фразеологизм «как вкопанный (стоять)» следовало бы дать в более полном составе: «как (будто, словно, точно) вкопанный (стоять, остаться — оставаться, остановиться и т. п.)».

В сочетании «дать березовой каши» обязательными компонентами являются лишь «березовая каша». В данной форме этот оборот зафиксирован в «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова (М., 1968, стр. 196) и в «Словаре русского языка» в четырех томах (М., 1957—1961, том II, стр. 53). Глагол «дать» в состав фразеологизма не входит.

Огромная работа проделана автором по разработке и реализации принципов перевода русских фразеологизмов на чувашский язык. М. Ф. Чернов справедливо отмечает, что фразеологическая система каждого языка очень своеобразна и неразрывно связана с бытом, местными условиями жизни, историческими фактами, национальной спецификой каждого народа. Этим и обусловлены трудности перевода. Особые затруднения вызывает перевод образных фразеологических оборотов. В словаре использованы следующие способы перевода таких оборотов:

1) Перевод при помощи эквивалентных устойчивых оборотов, например: «бездонная бочка» — *тёпсёр хырам*, «без роду и племени» — *йáхсáр — несёлсёр*, «брать себя в руки» — *хáвна ху алла ил*, «вдоль и поперек» — *урлá та пурлэ*, «вести двойную игру» — *иккёлле вáйá вы-ля*, «выводить на чистую воду» — *тáрá шыв сине кáлар* и т. п.;

2) Перевод при помощи фразеологических аналогов, обеспечивающий адекватную передачу семантических и стилистических свойств данного оборота: «бросать жребий» — *шáпа яр*, «бросать на ветер» — *(уксана, пурлáха т. ыт. те) сáлне вёстер, шыва пáрах, шыва юхтар*, «в одну луду дудеть» — *пёр юрá юрла*, «в подметки не годится» — *чёрне хури тэшне те тáмáсте*, «глаза на затылке» — *курсёсем хýри вёсёне* и др.

3) Перевод путем калькирования, составляющий значительный пласт. Эти переводы снабжены пометой *досл. (дословный перевод)* и объяснением значения: «альфа и омега чего» — *досл. альфáпа омега (пуслáмáшёне вёсё; чи кирли; мёнён те пулин тупсáмё, никсё)*; «вавилонское столпотворение» — *досл. Вавилонри хёвёшу (пит пысáк пáтрану, тёркёшу, шáв-шав)* и т. д.

Ср. также: «чужими руками жар загребать» — *сын аллипе кавар турт*, «выводить на чистую воду» — *тăру шыв сине кăлар*, «первая ласточка» — *малтанхи чĕкеш*, «золотой дождь» — *ылтăн сұмăр* и др.

4) Объяснительный перевод (при отсутствии иных возможностей), например: «брать под обстрел» — *хытă критикле (ятла, сивле)*, «выворачиваться наизнанку» — *(тĕллевĕ пурăнас тесе) тем тĕрлĕ чеелен, тĕрлĕрен чее мелсемпе усă кур*, «насыпать с три короба» — *нумай каласа тултар* и т. п.

Во многих случаях М. Ф. Чернов обращается к «комбинированным» средствам перевода. Так, с целью более глубокого раскрытия семантики русского фразеологизма наряду с его эквивалентом или аналогом лаконично разъясняется (обычно в скобках) смысл русского оборота, например: «важная птица» — *мăн кайăк, пысăк сын (обществăра пысăк вырăнта тăракан сын, пысăк власăй сын)*, «длинные уши» — *сивĕч хăлха, хăлхи сивĕч — вăрттан итлесе çÿресе элек саракан сын*. Фразеологические кальки иногда также сопровождаются объяснительным переводом, например: «Авгиевы конюшни» — *Авги вити (пит йĕркесĕр, тирпейсĕр вырăн; йĕркесĕрлĕх, тирпейсĕрлĕх)*, «человек в футляре» — *хупалчари этем, хупанчăк сын (хайĕн обыватĕллĕ интересĕсем йине пунтă, пур сĕнĕлĕхрен те хăракан сын)*.

Рецензируемый словарь также дает представление о синонимии в чувашской фразеологии: все синонимические средства, соответствующие русскому выражению, сосредоточены в нем в одном месте, что создает большое удобство при пользовании словарем.

Автор постоянно стремится сократить долю объяснительного перевода и обычно отдает предпочтение (там, где такая возможность имеется) эквивалентному переводу или переводу с помощью фразеологических аналогов. Это связано с теоретическими установками составителя словаря. По его мнению (вполне справедливому), «главная задача двуязычного фразеологического словаря — по возможности сократить объяснительный перевод (хотя совсем обойтись без него, очевидно, невозможно), передать систему фразеологии одного языка как системой фразеологии другого языка» (стр. 191). Как свидетельствуют материалы словаря, автор успешно реализовал этот свой тезис, снабдив русские фразеологизмы удачными переводами на чувашский язык.

Принципы, положенные автором в основу словаря, им последовательно и достаточно строго соблюдены. Тем не менее имеются отдельные упущения, спорные моменты и нарушения способов подачи переводов и т. д. Остановимся на некоторых из этих недостатков.

1. В ряде случаев лексические варианты и грамматические формы одного и того же фразеологизма даются автором в каче-

стве разных оборотов и им приписываются различные значения. Так, из фразеологизма «витьеся (или вертеться) вьюном» — 1) находится в непрерывном движении; 2) «(около кого) уживаться, угодливо ухаживать» («Словарь русского языка». М., 1957—1961, т. I, стр. 390) автор словаря «создал» два устойчивых сочетания с несовпадающими значениями: 1) «вертеться вьюном» — *сĕлен пулă пек явалан (ялан куç умĕнче пулса тарăхтар)*; 2) «витьеся вьюном около кого» — *сĕлен пек явалан (чеелен, йăпăлтат)*; *ларматăм ан пĕл*; см. «вертеться вьюном» (стр. 16—17). Сюда же относятся варианты типа: «как от козла молока» и «как от козла ни шерсти, ни молока». Форма «как от козла молока», как известно, представляет собой усеченный вариант того же фразеологизма.

2. Встречаются примеры неправильного истолкования включенных в словарь сочетаний. На стр. 17 приводится фразеологизм «витать мыслями где-то далеко», который переведен *шухăша пут, шухăша кай*, то есть «погрузиться в размышления». Следует при этом заметить, что это вообще не фразеологизм, ибо не передает приписываемого автором смысла. Все слова здесь выступают в своих обычных значениях. Сюда же относится: «отмеривать (отмерить) поклоны (поклон)» — *пуç тай* (стр. 111). Русский фразеологизм обозначает «низко кланяться». В переводе не учтен семантический компонент «низко».

3. Неудачно переданы видовые формы глаголов, входящих в состав устойчивых оборотов. Они перечисляются в одном ряду с самостоятельными словами. Таким образом, в словарной статье оказались смешанными грамматические формы одного глагола (члены видовых пар) и разные глаголы, например: «вгонять (вогнать, вводить, ввести) в краску кого» вместо «вгонять (вогнать) [вводить (ввести)] в краску кого»; «в глазах темнеет (потемнело, мутится, помутилось, зеленеет, позеленело) у кого» вместо «в глазах темнеет (потемнело) [мутится (помутилось), зеленеет (позеленело)] у кого»; «выбивать (выбить, выбрасывать, выбросить, выколачивать, выколотить, выкидывать, выкинуть, вышибать, вышибить) дурь из головы» вместо «выбивать (выбить) [выбрасывать (выбросить), выколачивать (выколотить), выкидывать (выкинуть), вышибать (вышибить)] дурь из головы» и т. д.

Некоторые фразеологизмы, употребляющиеся в обеих видовых формах, в словаре представлены лишь в одной из них. Так, фразеологизм «намылить голову» приведен только в форме совершенного вида, хотя он употребляется и в форме несовершенного вида — «мыть голову», при «шевелить мозгами» нет «пошевелить мозгами». Для правильного употребления фразеологизма необходимо точно очертить круг его грамматических форм.

В подаче видовых форм глагола в некоторых случаях нарушено направление производности. Автор в качестве исходной формы всегда дает несовершенный вид. Между тем последний часто выступает как производный от формы совершенного вида. Вместо форм: «давать (дать) волю глазам, давать (дать) взбучку», «овладевать (овладеть) собой», «одерживать (одержать) верх», «одерживать (одержать) верх», «овладеть (овладевать) собой», «дать (давать) взбучку», «дать (давать) волю глазам» и т. д. Это не создало бы никаких дополнительных неудобств, но точнее отразило бы языковую реальность.

Приходится только сожалеть, что в словаре нет иллюстративного материала, показывающего употребление фразеологизмов в

речевой практике. Конечно, иллюстративный материал значительно увеличил бы объем этого компактного словаря, но зато повысилась бы филологическая достоверность и ценность издания.

«Краткий русско-чувакский фразеологический словарь» М. Ф. Чернова краток только по трактовке материала, по объему словарных статей. По общему же объему охваченных им фразеологизмов словарь является весьма емким и достаточно богатым. Он вполне отвечает современному уровню развития лексикологии и лексикографии и с интересом будет встречен не только специалистами по тюркской, но и по русской фразеологии.

А. Н. Тихонов, И. Г. Добродомов

Х. КОР-ОГЛЫ. УЗБЕКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. ИЗДАНИЕ 2-е, ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ М., «ВЫСШАЯ ШКОЛА», 1976.

Подлинно научное систематическое изучение истории узбекской литературы началось в советское время. За годы Советской власти был собран и систематизирован богатый исторический материал, начиная с древнейших времен. Узбекские ученые, создавшие ряд учебников и учебных пособий, внесли большой вклад в изучение истории узбекской литературы, включенной, наряду с историями литератур других советских народов, в учебные программы филологических факультетов многих вузов нашей многонациональной страны, в частности, и Московского государственного университета. К сожалению, все эти учебники и пособия написаны на узбекском языке и потому трудно доступны для студенчества и широкого круга читателей.

Правда, создано несколько пособий и на русском языке, в том числе: «История литературы народов Средней Азии и Казахстана» (подготовлена кафедрой литературы народов СССР МГУ), в которой имеется небольшой раздел, посвященный истории узбекской литературы); «История узбекской литературы» А. Абдумавлинова и А. Бабаханова (для факультетов русского языка и литературы педагогических институтов Узбекской ССР), «История узбекской советской литературы» (подготовлена Институтом языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР). Однако перечисленные пособия рассматриваются либо отдельные периоды истории узбекской

литературы, либо же они носят обзорный характер.

Поэтому выход в свет второго издания книги Х. Кор-Оглы «Узбекская литература» следует признать своевременным, тем более, что от первого издания его отделяют восемь лет. Второе издание претерпело существенную переработку и дополнено отдельными главами и фактическим материалом, важным для понимания истории узбекской литературы. Существенно расширена глава «Устно-поэтическое творчество», в которой более подробно рассматриваются основные типы узбекского дастанного творчества, история их возникновения и связь с эпосом других тюркоязычных и персоязычных народов Азии; введены монографические разделы, посвященные анализу таких распространенных произведений узбекского фольклора, как «Алпамыш», «Гороглы», «Юсуф и Ахмед», «Рустамхан» и др.

Широкая эрудиция автора, востоковеда и фольклориста, позволяет ему свободно соотносить явления узбекского фольклора со сходными явлениями фольклора других народов Востока.

Существенно дополнены и сведения о древней узбекской литературе. Так, особая глава (большая по объему, чем в первом издании) посвящена обзору письменных памятников до XV века и литературы, созданной предшественниками Алишера Навои. Творчество великого узбекского поэта-гуманиста предстает как явление, хотя и незау-

рядное, но закономерное, исторически подготовленное предшествующим развитием литературы и культуры. Следует отметить, что фольклор и древняя тюркоязычная литература, общая для многих населявших Среднюю Азию тюркоязычных народов, рассматриваются автором как истоки формирования национальной узбекской литературы, унаследовавшей лучшие традиции древности.

Отмеченные дополнения вносят большую доказательность в следующие основные научные положения, выдвинутые автором: 1) древние литературные памятники (до XV века. — X. X.) являются общим достоянием всех тюркоязычных народов Средней Азии и Восточного Туркестана; 2) в идейно-тематическом отношении эти памятники еще связаны с современной им персоязычной литературой, хотя в них уже прослеживаются и сугубо национальные особенности (стр. 93).

Во «Введении» дается краткий обзор многовекового процесса формирования тюркоязычной народности на территории Узбекистана. Явления культурной и литературной жизни страны на различных этапах ее истории автор органически связывает с социально-историческими факторами.

Х. Кор-Оглы в осмыслении и оценках истории узбекской литературы не избегает спорных моментов. Так, например, в вопросе о ее периодизации Х. Кор-Оглы солидаризуется с теми учеными, которые, исходя из исторических принципов, делят ее на следующие этапы: 1) XII век — первая половина XIX века — период феодализма, сохранивший остатки патриархально-общинного и рабовладельческого строя; 2) вторая половина XIX века до победы Великой Октябрьской социалистической революции — период зарождения и развития капиталистических отношений в недрах феодализма; 3) послеоктябрьский этап — период формирования нового, социалистического общества (стр. 10). Этим трем этапам истории, литературы, по мнению автора, соответствуют и три основных творческих метода: первый этап характеризуется отходом «от условных приемов к романтизму и сентиментализму» (стр. 10); на втором этапе «было положено начало совершенно новому в истории узбекской литературы творческому методу — методу реалистического изображения действительности» (стр. 12); наконец, на третьем этапе «по мере завершения строительства социализма» всеобъемлющим становится метод социалистического реализма (стр. 13).

Достоинством книги является и то, что в соответствующих главах теоретические положения об упомянутых творческих методах подкрепляются фактами художественной практики поэтов и писателей. Известно, что историческая общность социально-политического, экономического, духовного развития географически близких друг к другу народов Средней Азии обусловила и сходство в культурном, в частности, литератур-

ном развитии. Х. Кор-Оглы стремится выявить многообразие форм взаимодействия и взаимосвязей литературы различных народов этого региона. Вместе с тем он раскрывает национальную специфику узбекской литературы, существующую преемственность литературных традиций и новаторский характер. В этом аспекте рассматривается автором и «Пятерица» Алишера Навои: отдавая дань восточной традиции, широко используя в своем творчестве распространенные сюжеты, темы и поэтические формы, Навои сумел в своих произведениях выразить высокие гуманистические идеалы и чаяния узбекского народа, разработав в узбекской литературе форму книжного дастана и основы тюркского литературного языка. На примере собственного творчества Навои показал, что и на этом языке можно создавать высокопоэтические произведения, ибо по своей выразительности и богатству он не уступает традиционным литературным языкам — персидскому и арабскому.

Х. Кор-Оглы подчеркивает характерные для узбекской литературы гуманистические традиции и обличительные тенденции. Эти черты усилились в конце XIX — начале XX века, после присоединения Средней Азии к России, когда особенно обострились социальные противоречия, в связи с развитием капиталистических отношений. Автор подчеркивает прогрессивное значение этого исторического события для народов Средней Азии, несмотря на всю реакционность царизма. Стали открываться типографии и литографии, где печатались произведения узбекской литературы; стали выходить газеты; впервые появились переводы на узбекский язык произведений русских писателей. «Все это положительно влияло на развитие духовной жизни узбеков, расширяло их кругозор и создавало новый тип интеллигенции, который в дальнейшем стал глашатаям нового, борцом против невежества, косности, консерватизма» (стр. 167).

Прогрессивные демократические тенденции, характерные для предреволюционной узбекской литературы, подготовили почву для зарождения и формирования в ней после победы Октября метода социалистического реализма. Х. Кор-Оглы показывает трудности и противоречия, которыми сопровождался этот процесс, напряженность идеологической борьбы в Узбекистане первых послереволюционных лет.

Четыре обзорных раздела главы «Узбекская советская литература» соответствуют общепринятой в нашем литературоведении периодизации советской литературы: литература 20-х годов; литература 30-х годов; литература в годы Великой Отечественной войны; послевоенная литература. Автор показывает, какими особенностями отличается каждый из названных периодов от непосредственно предшествующего ему, дает идейно-тематическую и жанровую характеристику литературы, раскрывает ее взаимодействие с другими национальными литературами

Советского Союза и прежде всего с русской. Автор указывает на трансформацию традиционных тем и образов в творчестве узбекских советских писателей. Большое внимание уделяет Х. Кор-Оглы развитию в узбекской литературе прозаических жанров, особенно повести и романа, которых не знала предшествующая классическая литература.

В этой большой главе после обзорных разделов следует монографические. Автор подробно останавливается на произведениях тех писателей, творчество которых дает наиболее полное представление о литературном процессе, об основных этапах и особенностях развития узбекской советской литературы. Учитывая назначение учебного пособия (рассчитанного на студентов русского отделения филологических специальностей университетов), Х. Кор-Оглы апеллирует в основном к произведениям, переведенным на русский язык и проверенным временем. Это, несомненно, облегчает изучение истории узбекской литературы студентами, не владеющими узбекским языком.

Автор останавливается на развернувшейся в 20-х—30-х годах острой литературной полемике о путях дальнейшего развития узбекской литературы. Он отмечает в творчестве узбекских писателей этого периода элементы сочетания народно-поэтических традиций с традициями передовой русской литературы, что вело к качественному обновлению узбекской литературы. Говоря об узбекской литературе 20-х — 30-х годов, Х. Кор-Оглы показывает напряженные поиски писателями новых эстетических форм и средств изображения послереволюционной действительности. Автор прослеживает идейно-творческую эволюцию, которую прошла узбекская литература в целом — от традиционной восточной описательности и сраменгальности к глубокому постижению

и раскрытию сути социальных преобразований.

Книга «Узбекская литература» — единственное на русском языке пособие для студентов университетов, охватывающее всю историю узбекской литературы с древнейших времен до наших дней. Однако для столь масштабного охвата истории литературы объем книги слишком мал, и автор порой вынужден сокращать до минимума анализ многих весьма значительных явлений узбекской литературы. Так, вне поля зрения автора осталась узбекская советская драматургия, которая, как отмечает сам автор, сыграла важную роль в становлении национальной прозы. И это положение иллюстрируется всего лишь одним примером — ссылкой на пьесу Хамзы Хаким-заде Ниязи «Бай и батрак». Это обедняет представление читателя книги о советском периоде истории узбекской литературы. Правда, в «Предисловии» автор предупреждает, что «в пособие не включен раздел драматургии, следовательно, не освещено творчество виднейших ее представителей...». Но подобная оговорка не облегчает положения читателя, впервые знакомящегося с историей узбекской литературы. В аналогичном положении оказался и дастанный эпос советского времени. Известно, что дастанный эпос создается в Узбекистане и в настоящее время (сам автор пишет об этом на странице 32), однако в работе этот вопрос не освещен достаточно полно.

В заключение хочется посоветовать на то, что эта, крайне нужная широкому кругу специалистов по национальным литературам и студентам-филологам, книга издана очень малым тиражом (всего 9 тысяч экземпляров).

Х. Д. Хамракулова

БАГИФ АРЗУМАНОВ. ЭБӘДИЛҖӘТӘ ГОВУШАН СӘНӘТ. (СӘМӘД ВУРҖУН ВӘ ССРИ ХАЛГЛАРЫ ӘДӘБИЈАТЫ)

«КӘНЧЛИК» НӘШРИЈАТЫ, БАҚЫ, 1976, 112 стр.

Самед Вургун, народный поэт Азербайджана, ученый и общественный деятель, принадлежит к числу писателей, сыгравших исключительную роль в развитии духовной культуры своего народа, в утверждении метода социалистического реализма в азербайджанской советской литературе. Об этой последней стороне деятельности Самеда Вургун написано несколько исследований, к их числу принадлежит и рецензируемая работа В. Арзуманова, изданная к 70-летию со дня рождения поэта.

Опираясь на многочисленные исследования азербайджанских ученых, В. Арзуманов заостряет свое внимание на наиболее важных и актуальных сторонах богатого творческого наследия С. Вургун, рассматривая его в тесной связи с развитием всей многонациональной советской литературы. Первая часть работы «Поэт-исследователь» посвящена деятельности Самеда Вургун в области литературоведения. Автор подчеркивает, что С. Вургун в своих литературно-критических статьях много внимания уде-

ляет теоретическим аспектам развития и взаимобогащения братских литератур в конкретных условиях социалистической действительности. В. Арзуманов отмечает, что поэт постоянно изучал и пропагандировал лучшие произведения литератур народов Советского Союза. С этой точки зрения значительный научный интерес представляют статьи С. Вургун, посвященные произведениям русской классической литературы. Характерно отношение выдающегося азербайджанского поэта к А. С. Пушкину, которого он считает своим учителем. В статье «Солнце русской поэзии», написанной в связи со 150-летием со дня рождения А. С. Пушкина, С. Вургун расценивает поэзию великого Пушкина, как победу реализма в истории русской и мировой поэзии.

Основоположник советской литературы и метода социалистического реализма, А. М. Горький также оказал большое влияние на формирование идейно-эстетических воззрений Самеда Вургун. Высоко оценивая в своих литературоведческих исследованиях творческое наследие М. Горького, С. Вургун характеризует его как «качественно новый этап в истории художественного мышления».

Высоко оценивал Самед Вургун и творчество В. Маяковского, оказавшего, как подчеркивал азербайджанский поэт, огромное революционизирующее влияние на развитие и формирование многонациональной советской поэзии. Самед Вургун считал исключительно важной и актуальной проблему: «Маяковский и многонациональная советская литература», ставя вопрос о ее безотлагательном исследовании.

В рецензируемой книге говорится о глубоком интересе С. Вургун к творчеству великого русского критика В. Г. Белинского. Поэт особо подчеркивал влияние В. Белинского на формирование революционно-демократических идей в творчестве М. Ф. Ахундова, А. Бакиханова, Г. Зардаби и других прогрессивных деятелей азербайджанской культуры.

Автор отдельно останавливается на тесных связях С. Вургун с писателями, представляющими другие братские национальные литературы, уделяя большое внимание его переводческой деятельности, высказываниям о творчестве Т. Шевченко, Ш. Руставели, Х. Абовяна, произведениям современных советских писателей и поэтов. С. Вургун высоко ценил литературу соседних с Азербайджаном народов. Интересны его замечания о сходных чертах армянского эпоса «Давид Сасунский» и азербайджанского эпоса «Книга моего деда Коркуда», о древних взаимосвязях братских литератур.

Говоря о роли Самеда Вургун в развитии советской литературы послевоенных лет, автор подчеркивает, что не случайно именно ему был поручен содоклад «Советская поэзия», с которым он выступил на II съезде писателей СССР в 1954 г. К этому времени творчество азербайджанского

поэта получило широкую популярность как в самой стране, так и за ее границами. Многогранное творчество Самеда Вургун было пронизано марксистско-ленинским мировоззрением, советским патриотизмом, глубоким пониманием интернационального долга писателя, что снискало ему любовь многомиллионного читателя. Опираясь на богатый опыт многонациональной советской поэзии, Самед Вургун правильно определил важнейшие тенденции в ее развитии.

Вторая часть книги посвящена теме дружбы и братства народов в творчестве С. Вургун, которой поэт уделял огромное внимание, подчеркивая благотворную роль взаимовлияния и взаимобогащения социалистических литератур на общий литературный процесс в стране. Его глубоко волновали и радовали творческие успехи поэтов национальных республик.

В третьей части книги освещаются вопросы, связанные с ознакомлением разноязычного читателя нашей страны с поэзией Самеда Вургун и изучением его творчества виднейшими литературоведами братских республик.

В 30—40-е годы, особенно в начале 50-х годов, Самед Вургун часто встречался с представителями братских литератур Советского Союза. Живое общение и личные контакты с представителями других литератур содействовали укреплению творческих связей между писателями. Во многом этому способствовало и обаяние личности поэта, то высокое уважение, которым он пользовался среди своих коллег. Самед Вургун и его поэзия олицетворяли для советского и мирового читателя азербайджанский народ, его древнюю историю и современную жизнь, его высокую культуру и самобытный талант. В. Арзуманов приводит конкретные примеры, свидетельствующие о той огромной роли, которую сыграло творчество С. Вургун в ознакомлении с Азербайджаном многих народов Советского Союза и зарубежных стран. Горячий интерес современников к поэзии Самеда Вургун автор книги объясняет не только высоким дарованием поэта, но и его многогранной общественно-политической деятельностью, активным участием в межнародном движении за укрепление мира и дружбы между народами. Свидетельством любви к азербайджанскому поэту и его творчеству являются многочисленные поэтические послания, посвященные ему, созданные на самых различных языках.

В четвертой части книги автор рассматривает переводы произведений С. Вургун на языки народов СССР. Он приводит множество свидетельств неослабевающего внимания и интереса переводчиков к творчеству поэта. Благодаря этим высокохудожественным и любовно выполненным переводам С. Вургун за короткое время становится одним из самых популярных советских поэтов.

Автор книги не оставил без внимания и драматургические произведения поэта, по-

ставленные театрами национальных республик и Москвы, благодаря чему широкий многонациональный зритель увидел такие прекрасные спектакли, как «Вагиф», «Фархад и Ширин», «Ханлар».

Пятая часть книги посвящена переводческой деятельности Самеда Вургуну. Известно, что поэт проявлял огромный интерес к классическим памятникам мировой литературы, стремясь ознакомить с ними азербайджанского читателя. Он отдал много сил и таланта работе над переводами этих произведений на азербайджанский язык. Подлинным поэтическим подвигом явился великолепный перевод С. Вургун «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, в котором нашла воплощение его безграничная любовь к творчеству великого русского поэта. Автор высоко оценивает переводческую деятельность Самеда Вургуну.

Книга В. Арзуманова написана доступным языком. Автору удалось привлечь обширный научный материал, коротко проследить глубокие связи поэзии Самеда Вургуну с прогрессивными традициями азербайджанской классической поэзии, с лучшими образцами литературы других народов. Автор прослеживает также эволю-

цию творчества Самеда Вургуну от революционной романтики его ранних произведений к методу социалистического реализма.

Наряду с несомненными достоинствами в книге В. Арзуманова имеются и некоторые недочеты, о которых тоже следует сказать несколько слов.

Прежде всего автору не удалось в полной мере раскрыть содержание и значение содоклада Самеда Вургуну на II съезде писателей СССР в 1954 году. Этот доклад явился программным выступлением С. Вургуну, имевшим для него принципиальное значение. Он продемонстрировал глубокое проникновение поэта в состояние и задачи советской многонациональной поэзии, в пути ее развития. С нашей точки зрения, не совсем удачно название книги («Искусство вечное»), чувствуется отсутствие соответствующего итогового заключения. Тем не менее книга В. Арзуманова дает достаточно полное представление о творчестве поэта, о его месте в советской литературе и культуре и поэтому будет, несомненно, с интересом встречена читателем.

Т. Шарифли

PERSONALIA

СМЕТ КЕНЕСБАЕВИЧ КЕНЕСБАЕВ

(К семидесятилетию со дня рождения)

15 февраля 1977 года исполнилось 70 лет со дня рождения и 45 лет научно-педагогической деятельности известного советского ученого-тюрколога Смета Кенесбаевича Кенесбаева, академика Академии наук Казахской ССР, заслуженного деятеля науки республики, доктора филологических наук, профессора, директора Института языкознания Академии наук Казахской ССР, члена Правления Советского Комитета тюркологов, почетного члена Международного Урало-алтайского общества, члена редколлегии журнала «Советская тюркология».

С. М. Кенесбаев родился в 1907 году в бедной крестьянской семье в ауле Сузак близ Чимкента. После окончания средней

школы в городе Туркестане он поступил в Казахский педагогический институт в Ташкенте, где изучал гуманитарные дисциплины¹.

По окончании второго курса С. К. Кенесбаев уезжает в Ленинград и становится слушателем только что открывшегося тогда по инициативе А. Н. Самойловича тюркологического семинария Ленинградского восточного института. В 1931 году С. К. Кенесбаев успешно оканчивает семинарий.

Среди учителей С. К. Кенесбаева были: А. Н. Самойлович, И. И. Мещанинов, Л. В. Щерба, В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский, С. Е. Малов и другие видные ученые.

В 1931 году С. К. Кенесбаев возвращается в Казахстан, где сперва работает методистом, а затем преподавателем казахского языка в Казахском педагогическом институте. Некоторое время (1933—1936) он заведует кафедрой языков в Казахском государственном медицинском институте, а затем (1936—1938) работает старшим научным сотрудником вновь открытого в составе Казахстанской базы Академии наук СССР Сектора языка и литературы, на основе которого в 1940 году был создан Институт языка, литературы и истории. В 1938 году Смет Кенесбаевич стал доцентом кафедры казахского языка Казахского педагогического института им. Абая, а после присуждения ему (1939) ученой степени кандидата филологических наук за оригинальный учебник казахского языка (для VIII—X классов) — профессором этой же кафедры.

В 1944 году С. К. Кенесбаев успешно защищает докторскую диссертацию на тему «Фразеология казахского языка» и в 1946 году избирается действительным членом и вице-президентом республиканской Академии наук. В 50-е годы С. К. Кенесбаев некоторое время (1951—1953) работает профессором кафедры казахского языка Кызылординского пединститута, а затем (1953—1956) — заведует отделом академического

словаря Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР, а с 1956 года по настоящее время он — бессменный директор Института языкознания Академии наук Казахской ССР. Одновременно С. К. Кенесбаев несколько лет занимал пост (1970—1975) и академика-секретаря Отделения общественных наук.

В деятельности академика С. К. Кенесбаева гармонически сочетаются три направления: научное, педагогическое и организаторское.

Перу Смета Кенесбаевича принадлежит более ста двадцати научных работ.

Известно, что казахское языкознание как самостоятельная область тюркологической науки сложилось в советское время. И в этом немалая заслуга С. К. Кенесбаева, который с первых лет своей научной деятельности уделял внимание всем областям казахской лингвистики. Нет, пожалуй, ни одной серьезной научно-теоретической и практической проблемы, которой бы он не занимался², ни одного важного события в лингвистической жизни республики, в котором он не принимал бы деятельного участия.

Тем не менее можно выделить ряд проблем, в разработку которых С. К. Кенесбаев внес особенно большой вклад. Это прежде всего казахская лексикология, фонетика и история становления и развития казахского литературного языка.

Среди лексикологических исследований С. К. Кенесбаева несколько особняком стоят его труды в области фразеологии. Научный интерес ученого к природе устойчивых словосочетаний, представляющих собою наиболее богатую и своеобразную категорию лексики казахского языка, на наш взгляд, был вызван двумя обстоятельствами: во-первых, неизученностью этой проблемы в казахском языкознании и, во-вторых, глубокой любовью автора к народной речи.

Следует подчеркнуть, что докторская диссертация С. К. Кенесбаева о казахской фразеологии была, пожалуй, первой в 40-х годах монографической работой, посвященной этой проблеме, и не только в казахском языкознании, но и во всей отечественной тюркологии.

Изучением сложной природы различных типов фразеологизмов автор занимается постоянно, вот уже в течение тридцати лет. Учение о фразеологизмах приведено им в стройную систему в теоретической части его фундаментального «Фразеологического словаря казахского языка» (1977).

Этот труд, являющийся плодом многолетних исследований, раскрывает богатство (11 тысяч словарных статей) казахской фразеологической лексики, устанавливает мотивы возникновения и связи эмоционально-образных выражений с историей народа, с его материальной, этнической, духовной культурой. Нельзя не отметить и того, что фразеологический словарь такого объема и содержания в тюркологии издается впервые.

Труды С. К. Кенесбаева в области казахской фразеологии³, в частности лексикологии и лексикографии, затрагивают самые разнообразные вопросы: семасиологию⁴, способы образования парных⁵ и повторных слов⁶, этимологические этюды⁷, особенности лексических заимствований⁸, соотношения диалектизмов и литературной лексики⁹, научные основы и принципы составления различных словарей¹⁰, вопросы терминологии¹¹, словаря¹², вопросы ономастики¹³ и др. Следует отметить, что среди разнообразных типов фразеологизмов, в том числе пословиц и поговорок, ученый выделяет так называемые фразеологические парные слова, как, например, «*Ай дер ажа жоқ, қой дер қожа жоқ*», «*Ақай жоқ, тоқай жоқ*» и другие, в природе которых он усматривает некоторые свойства общие, с обычными парными словами. Интересны наблюдения автора также в области эффонии, парности и повторяемости компонентов фразеологических парных слов и т. д.

Особое место в научной деятельности С. К. Кенесбаева занимают многочисленные исследования в области фонетики и фонологии современного казахского языка. Звуковой структурой казахского языка ученый занялся в свое время при создании ряда нормативных учебников по родному языку для национальных школ¹⁴ и вузов¹⁵.

Практический интерес к фонетике родного языка, естественно, перерос со временем в теоретический, и уже в 40—50-х годах появляется ряд оригинальных работ С. К. Кенесбаева по таким узловым вопросам, как категория ударения, система гласных и согласных¹⁶ звуков в казахском языке. Одним из первых среди казахских языковедов он дал теоретическое описание артикуляционно-акустической природы каждой фонемы, придерживаясь при этом известной фонемной теории своего учителя академика Л. В. Щербы¹⁷, считающего основным признаком фонемы ее смысловозначительную особенность.

В дальнейшем ученый приступил к углубленному исследованию всей звуковой системы казахского языка и присущих ему фонетических закономерностей (закон сингармонизма, ассимиляции, диссимиляции, акцентуация, слоговая структура слова, чередование звуков, редукция и др.). Результаты этой работы были обобщены в фундаментальном научном труде по фонетике казахского языка, которая была опубликована на русском языке в 1952 году¹⁸ как самостоятельный раздел коллективного монографического исследования, а затем в 1966 и 1975 годах на казахском языке в качестве учебника для вузов.

В 1961 году в Институте языкознания Академии наук Казахской ССР была создана одна из лучших в союзных республиках по своей технической оснащенности лаборатория экспериментальной фонетики. За прошедшие годы подготовлено немало высококвалифицированных фонетистов-экспериментаторов. Главным инициатором

и организатором этого важного дела выступил С. К. Кенесбаев, приложивший немало усилий к тому, чтобы лаборатория работала в тесном творческом контакте с известными центрами экспериментальной фонетики в Москве (В. А. Артемов, Л. П. Блохина) и Ленинграде (Л. Р. Зиндер, Л. В. Бондарко). Коллективом лаборатории подготовлены и опубликованы научные работы¹⁹, защищены диссертации²⁰, ведутся экспериментальные исследования по конкретным вопросам казахской и уйгурской фонетики.

Большой вклад внес С. К. Кенесбаев в изучение формирования и развития казахского литературного языка, особенно в советскую эпоху.

С. К. Кенесбаевым написан ряд работ об особенностях становления и развития современного казахского литературного языка, его письменно-орфографических²¹ и других нормах²², о формировании и дифференциации разнообразных стилей, о культуре речи²³ и др.

Обращаясь к развитию казахского литературного языка в советскую эпоху, С. К. Кенесбаев затрагивает широкий круг вопросов: об истоках его формирования, о значении творчества Абая и Алтынсарина для развития языка, о значении социальных факторов сознательного воздействия общества на язык, о его диалектной основе, о становлении литературных норм и дифференциации стилей²⁴.

Вклад С. К. Кенесбаева в изучение истории формирования казахского литературного языка и процесса его развития в советскую эпоху исключительно весом²⁵.

За последние годы С. К. Кенесбаев все чаще и чаще обращается к общетюркологическим²⁶ и алтаистическим²⁷ проблемам и вопросам прикладного языкознания²⁸. Это продиктовано желанием определения исторического и современного места казахского языка в тюркской и монгольской семье языков, установления его взаимосвязей с другими языками. Выводы ученого по этим вопросам прочно вошли в научный обиход, заслужив признание как в отечественной, так и в зарубежной тюркологии.

С. К. Кенесбаевым немало сделано и в области изучения языковых контактов и взаимосвязей русского и казахского языков²⁹. Большое внимание он уделяет также освещению наиболее важных событий в тюркологической науке³⁰ и казахском языкознании³¹ в разные периоды его развития. Ряд статей посвятил С. К. Кенесбаев жи-

ни и деятельности выдающихся тюркологов из числа учителей и соратников ученого, в том числе статьи о П. М. Мелиоранском³², С. Е. Малове³³, И. И. Мещанинове и А. Н. Самойловиче³⁴, Х. Журбанове³⁵, М. О. Ауэзове³⁶, А. Н. Кононове³⁷ и др.

Сорок пять лет С. К. Кенесбаев занимается наряду с научной и педагогической деятельностью. Его лекции по казахскому языку, общему языкознанию, по отдельным курсам лингвистики всегда увлекательны, содержат интересный, глубоко проанализированный научный материал.

С. К. Кенесбаевым подготовлено 30 кандидатов и докторов наук, в их число входят представители и братских республик.

С. К. Кенесбаев является редактором или входит в число редакторов многих десятков монографий и коллективных трудов, тематических сборников и словарей, научных журналов, учебников и учебных программ.

Особо следует сказать о С. К. Кенесбаеве как организаторе науки. Более тридцати лет он возглавляет лингвистическую науку в Казахстане. Избранный действительным членом Академии наук Казахской ССР в 1946 году, в возрасте 39 лет, он отдает всю свою кипучую энергию делу организации лингвистической науки, делу развития казахского языкознания.

С. К. Кенесбаев достойно представляет казахскую лингвистику на различных научных форумах тюркологов и алтаистов. Большой интерес вызвали его выступления на заседании Постоянной Интернациональной Алтаистической Конференции (в 1970 году — в ГДР, в 1971 году — в Венгрии), на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве в 1960 г., на тюркологических конференциях в Турции (в 1966 и 1971 гг.), а также на всесоюзных лингвистических конференциях.

Многолетняя научно-педагогическая деятельность С. К. Кенесбаева отмечена высокими правительственными наградами — орденом Ленина, орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, рядом медалей, ему присвоено звание заслуженного деятеля науки Казахской ССР.

Смет Кенесбаевич Кенесбаев полон сил и творческих замыслов, и его многочисленные коллеги и ученики от всей души желают ему больших успехов в научной, педагогической, организаторской деятельности, доброго здоровья и долгих лет жизни на благо советской науки.

¹ В стенах этого института С. К. Кенесбаев слушал лекции С. Е. Малова по древнетюркским письменным памятникам, В. В. Бартольда — по истории тюркских и монгольских народов.

² Ш. Ш. Сарыбаев. Смет Кенесбаевич Кенесбаев (К шестидесятилетию со дня рождения). — «Народы Азии и Африки», 1967, № 1, стр. 216—218.

³ С. К. Кенесбаев. О некоторых особенностях фразеологических единиц в казахском языке. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологии и искусствоведения», 1954, вып. 1—2; его же. Қазақ тілінің идиомдары мен фразалары. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологическая», 1946, вып. 4; его же. Қазақ тіліндегі фразалық қос сөздер. — «Известия АН Казахской ССР. Серия лингвистиче-

- ская», 1950, вып. 6; *его же*. К вопросу об экспрессивно-стилистических функциях фразеологизмов. — В кн.: «Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР». Ашхабад, 1968; *его же*. О природе казахских лексикализованных единиц с формой *-дай/-дей*. — В кн.: «VII региональная конференция по диалектологии тюркских языков». Тезисы. Алма-Ата, 1973.
- ⁴ С. К. Кеңесбаев. О смысловой характеристике слов (на материале словарей казахского языка). — В кн.: «Қазақ тіл білімі мәселелері». Алматы, 1959, т. I.
- ⁵ I. К. Кеңесбаев. Қос сөздердің кейбір жасалу жолдары. — «Қаз-Гудің ғылыми еңбектері», т. XI, 1946.
- ⁶ С. К. Кеңесбаев. Еще раз о трансформированном повторе в казахском языке. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологии и искусствоведения», 1961, вып. I; *его же*. О трансформированном повторе в казахском языке. — В сб.: «Вопросы тюркологии». Ташкент, 1965.
- ⁷ I. Кеңесбаев. «Жеті», «ұш», «тоғыз», «қырық» пен байланысты ұғымдар. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологии», 1946, вып. 4; *его же*. Этимология слов: *алдияр, ашқарақ, аян, әулие, әнбие* и др. (всего 30 слов). — В кн.: «Қазақ тілінің қысқаша этимологиялық сөздігі». Алматы, 1966 и др.
- ⁸ С. К. Кеңесбаев. К вопросу о влиянии русского языка на казахский язык. — «Вестник АН Казахской ССР», 1953, № 6.
- ⁹ С. К. Кеңесбаев, Ш. Ш. Сарыбаев. О научной деятельности Ж. Д. Доскараева. — В кн.: «Местные особенности в казахском языке». Алма-Ата, 1973.
- ¹⁰ С. К. Кеңесбаев и др. Қазіргі қазақ тілінің бір томдық түсіндірме сөздігінің инструкциясы (составители). Алматы, 1953; *его же*. Кіріспе. — В кн.: «Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі», т. I. Алматы, 1959; *его же*. Из опыта составления двухтомного толкового словаря казахского языка. — В кн.: «Материалы V Всесоюзного лексикографического совещания». Фрунзе, 1964.
- ¹¹ I. Кеңесбаев. Әдеби тіліміздің кейбір келелі мәселелері жайында. — «Қазақ әдебиеті», 1959, в номере от 15 мая.
- ¹² С. К. Кеңесбаев, Т. Жанузаков. Русско-казахский словарь лингвистических терминов. Алма-Ата, 1966; С. К. Кеңесбаев и др. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі, т. I. Алматы, 1959 (составитель).
- ¹³ С. К. Кеңесбаев и др. О географических названиях Казахстана, их исследовании, написании и транскрипции. — «Известия АН Казахской ССР. Серия общественная», 1971, вып. 4; *его же*. Об использовании собственных имен в казахском языке в нарицательном значении. — «Советская тюркология», 1973, № 1; *его же*. О лексических пластах ономастики казахского языка. — «Советская тюркология», 1976, № 3 (в соавторстве с Т. Жанузаковым) и др.
- ¹⁴ I. Кеңесбаев. Қазақ тілінің грамматикасы мен оқу материалдары, I бөлім. Морфология. VIII—IX—X кластарға арналған. Алматы, 1939 и др.
- ¹⁵ I. Кеңесбаев, Ф. Мұсабаев. Қазіргі қазақ тілі. Лексика, фонетика. Алматы, 1962.
- ¹⁶ I. Кеңесбаев. Қазақ тілінің екпін категориясы. — «Известия АН Казахской ССР. Серия лингвистическая», 1948, вып. 5; *его же*. Қазіргі қазақ тілінің дауыссыз дыбыстары. — «Халық мұғалімі», 1948, № 11; *его же*. Осы күнгі қазақ тілінің дауысты дыбыстары. — «Халық мұғалімі», 1949, № 5; *его же*. К вопросу о закономерностях акцентуации в казахском языке. — В сб.: «Вопросы казахской филологии». Алма-Ата, 1964 и др.
- ¹⁷ Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. М., 1948.
- ¹⁸ «Современный казахский язык. Фонетика и морфология». Алма-Ата, 1962.
- ¹⁹ Ж. А. Аралбаев. Вокализм казахского языка (Очерки по экспериментальной фонетике и фонологии). Алма-Ата, 1970; «Фонетика казахского языка». Алма-Ата, 1969 и др.
- ²⁰ А. Джунусбеков. Гласные казахского языка (экспериментально-фонетическое исследование). Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1969; Б. Қалиев. Редукция узких гласных звуков в казахском и каракалпакском языках. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1967; М. А. Раимбекова. Длительность гласных в казахском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1968 и др.
- ²¹ М. Балакаев, I. Кеңесбаев, А. Ысқақов. Алфавит пен орфографияны жетілдіре берейік. — «Социалистік Қазақстан», 1957, номер от 4 апреля; I. Кеңесбаев. Өңделген қазақ жазуы. — «Социалистік Қазақстан», 1957, номер от 9 июня; I. Кеңесбаев, Ф. Мұсабаев. Алфавит пен емле ережелерінің кейбір өзгерістері туралы. — «Халық мұғалімі», 1957, № 7 и др.
- ²² С. К. Кеңесбаев и др. О нормах казахского литературного языка. — В кн.: «Вопросы развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху». Алма-Ата, 1964 и др.
- ²³ I. Кеңесбаев. Тіл мәдениеті арта түсін. — «Социалистік Қазақстан», 1954, номер от 3 сентября; I. Кеңесбаев и др. Сауатты жазу мәдениеттіліктің белгісі. — «Социалистік Қазақстан», 1957, номер от 20 октября; *его же*. Тіл мәдениеті туралы бірер сөз. — В кн.: «Өрелі өнер». Алматы, 1976 и др.
- ²⁴ Ф. Мұсрепов, I. Кеңесбаев. Әдеби тіліміз — кең арналы тіл. — «Лениншіл жас», 1972, номер от 27 апреля; С. К. Кеңесбаев. Развитие казахского литературного языка в советское время. — В кн.: «М. О. Ауэзову. Сборник статей к его шестидесятилетию». Алма-Ата, 1959, стр. 56.
- ²⁵ С. К. Кеңесбаев. Абай — основоположник казахского литературного языка. — «Советский Казахстан», 1955, № 5; *его же*. Важное событие в культурной жизни казахского народа. — «Казахстанская правда», 1957, номер от 13 июня; *его же*. О не-

которых насущных вопросах казахского языкознания. — «Учитель Казахстана», 1957, № 14; *его же*. Әдеби тіліміздің кейбір келелі мәселелері жайында. — «Қазақ әдебиеті», 1959, в номере от 15 мая; *его же*. Развитие современного казахского литературного языка. М., 1960; *его же*. О казахском литературном языке. — В кн.: «Очерки истории казахской советской литературы». М., 1960; *его же*. Емлеміздің көкейесті мәселелері. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологии и искусствоведения», 1962, № 3 (в соавторстве); *его же*. Ұлт әдеби тілдерінің совет дәуірі тұсындағы даму заңдылықтары. — «Известия АН Казахской ССР. Серия общественных наук», 1963, вып. 1 (в соавторстве); *его же*. Развитие казахского литературного языка в советское время. — В кн.: «М. О. Ауэзову. Сборник статей к его шестидесятилетию». Алма-Ата, 1959 и др.

²⁶ С. К. Кенесбаев, А. К. Курышжанов. Новый труд о языке древнетюркской письменности. — «Вестник АН Казахской ССР», 1960, № 12; Ю. Д. Дешериев, С. К. Кенесбаев. Социолингвистический анализ функционирования и развития тюркских языков в развитом социалистическом обществе. — В кн.: «Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР». Тезисы докладов. Алма-Ата, 1976 и др.

²⁷ С. К. Кенесбаев. К вопросу о тюркомонгольской языковой общности. — В кн.: «Проблема общности алтайских языков». Л., 1971.

²⁸ С. К. Кенесбаев и др. О статистическом изучении тюркских текстов. — В сб.: «Статистическое и информационное изучение тюркских языков». Алма-Ата, 1969; *его же*. Инженерная лингвистика и тюркология. — «Советская тюркология», 1970, № 3 (в соавторстве).

²⁹ С. К. Кенесбаев. Прогрессивное влияние русского языка на казахский. — В кн.: «Прогрессивное влияние русского языка на казахский» (Сборник статей). Алма-Ата, 1965; *его же*. Орыс тілі — өз тілің. — «Қазақстан мұғалімі», 1961, номер от 7 сентября; *его же*. Тіл достық пен ынтымақ құралы. — «Социалистік Қазақстан», 1962, номер от 16 ноября; *его же*. Русский язык — язык межнационального общения народов СССР. — В кн.: «Вопросы разви-

тия литературных языков народов СССР в советскую эпоху». Алма-Ата, 1964 (в соавторстве с И. К. Белодед, Е. А. Бокаревым, Н. Г. Корляну) и др.

³⁰ С. К. Кенесбаев. Казахские ученые на международном форуме. К итогам XXV международного конгресса востоковедов. — «Казахстанская правда», 1960, номер от 2 сентября; *его же*. Всесоюзная тюркологическая конференция. — «Советская тюркология», 1976, № 3 (в соавторстве с А. Н. Кононовым и Г. Ф. Благовой) и др.

³¹ І. К. Кеңесбаев. Қазақ тіл білімінің Совет өкіметі тұсында дамуы. — «Наука в Казахстане за 40 лет Советской власти» (Сборник статей). Алма-Ата, 1957 (в соавторстве с Ш. Ш. Сарыбаевым); *его же*. Қазақ тіл білімі 40 жылда. — В кн.: «Наука Советского Казахстана» (Сборник статей). Алма-Ата, 1960; *его же*. Основные вехи изучения языка казахского народа. — В кн.: «Октябрь и наука Казахстана». Алма-Ата, 1967; *его же*. Казахское языкознание за 50 лет. — «Вопросы языкознания», 1973, № 1 и др.

³² С. К. Кенесбаев. П. М. Мелиоранский — один из первых крупных исследователей казахского языка. — «Вестник АН Казахской ССР», 1969, № 10.

³³ С. К. Кенесбаев. О Малове Сергее Ефимовиче. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологии и искусствоведения», 1961, вып. I (17).

³⁴ І. К. Кеңесбаев. Ұлағатты ұстаздар жайында бірер сөз. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологическая», 1974, № 1.

³⁵ С. К. Кенесбаев. Основоположник казахской лингвистики. — «Учитель Казахстана», 1957, номер от 5 декабря (в соавторстве с М. О. Ауэзовым); *его же*. Профессор Худайберген Куанович Жубанов. — В кн.: «Х. Жубанов. Исследования по казахскому языку». Алма-Ата, 1966 и др.

³⁶ С. К. Кенесбаев. М. О. Ауэзов — тюрколог. — «Известия АН Казахской ССР. Серия общественная», 1968, № 6.

³⁷ С. К. Кенесбаев и др. Академик Андрей Николаевич Кононов. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологическая», 1976, № 3.

А. Т. Кайдаров

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Б. А. Серебренников* (Москва). Происхождение аффиксов звукоподражательных глаголов в тюркских языках 3
- З. И. Будагова* (Баку). Структура сказуемого в тюркских языках 8
- Н. П. Голубева* (Москва). Синонимия и вариантность приглагольных управляемых форм в турецком языке 15

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- М. Р. Федотов* (Чебоксары). О некоторых огузских чертах чувашского языка 25

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

- З. А. Ахметов* (Алма-Ата). Актуальные проблемы казахского литературоведения 33

ОНОМАСТИКА

- М. М. Гинатулин* (Алма-Ата). Мотивация некоторых тюркских названий птиц 38
- К. Ибрагимов* (Фрунзе). Некоторые древнетюркские названия диких животных в современных тюркских языках 45

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- А. М. Щербак* (Ленинград). Является ли количественная оппозиция гласных в халаджском языке трехчленной? 52

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

- Н. А. Баскаков* (Москва). Владимир Федорович Минорский как тюрколог 56

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- Л. В. Дмитриева* (Ленинград). Этюды по тюркскому словообразованию 61
- К. М. Абдуллаев* (Баку). Соотношение глубинного и поверхностного состояний структуры в предложениях с параллельными компонентами (на материале тюркских памятников) 74
- Ф. С. Сафиуллина* (Казань). О сегментации в татарском литературном языке 81
- Г. Г. Фисакова* (Кемерово). Послелог в языке бачатских телеутов 88
- Н. Исакова* (Алма-Ата). Винительный падеж в словосочетаниях «Дивана» Махмуда Кашгари 94
- Э. А. Умаров* (Ташкент). Ранний персидско-турецкий фразеологический словарь 98

РЕЦЕНЗИИ

- Д. М. Насилов* (Ленинград). Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков 101

<i>М. И. Исламов</i> (Баку), <i>Р. Г. Азнагулов</i> (Уфа), <i>Н. Х. Максютова</i> . Восточный диалект башкирского языка	106
<i>Г. Х. Ахунзянов</i> , <i>М. Г. Мухамадиев</i> (Казань), <i>З. Г. Ураксин</i> . Фразеология башкирского языка	109
<i>А. Н. Тихонов</i> (Ташкент), <i>И. Г. Добродомов</i> (Москва), <i>М. Ф. Чернов</i> . Краткий русско-чувашский фразеологический словарь	112
<i>Х. Д. Хамракулова</i> (Москва), <i>Х. Кор-оглы</i> . Узбекская литература	115
<i>Т. Шарифли</i> (Баку), <i>Вагиф Арзуманов</i> . Эбэдијјэтə говушан сənəт	117

PERSONALIA

<i>А. Т. Кайдаров</i> (Алма-Ата). Смет Кенесбаевич Кенесбаев	120
--	-----

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>B. A. Serebrennikov</i> (Moscow). The origin of the sound-imitative verbal affixes in the turkic languages	3
<i>Z. I. Budagova</i> (Baku). The structure of a predicate in the turkic languages	8
<i>N. P. Golubeva</i> (Moscow). Synonymy and variation of verbal Forms in the Turkish language	15

LANGUAGES IN CONTACT

<i>M. R. Fedorov</i> (Cheboksary). On some ogus features of the Chuvash language	25
--	----

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

<i>Z. A. Akhmetov</i> (Alma-Ata). Actual problems of Kazakh literary Critics	33
--	----

ONOMASTICS

<i>M. M. Ginatulin</i> (Alma-Ata). The motivation of some turkic names of birds	38
<i>K. Ibragimov</i> (Frunze). On some ancient Turkic names for wild animals in the modern Turkic languages	45

DISCUSSIONS

<i>A. M. Sherbak</i> (Leningrad). Is the qualitative opposition of the Khaladz vowels the treenominal one?	52
--	----

HISTORY OF NATIVE TURCOLOGY

<i>N. A. Baskakov</i> (Moscow). Vladimir Fyodorovich Minorsky as a turkologist	56
--	----

REPORTS, SURVEYS

<i>L. V. Dmitriyeva</i> (Leningrad). Essays on turkic wordbuilding	61
<i>K. M. Abdullayev</i> (Baku). Correlation of deep and surface states of the structure in the sentences with parallel components	74
<i>F. S. Safiullina</i> (Kazan). On segmentation in the Tatar literary language	81
<i>G. G. Fisakova</i> (Kemerovo). Postpositions in the language of the Bachat teleuts	88
<i>N. Iskakova</i> (Alma-Ata). The accusative case in wordcombinations of Makhmud Kashkari's «Divan»	94
<i>E. A. Umarov</i> (Tashkent). Early Persian — Turkish phraseological dictionary	98

REVIEWS

<i>D. M. Nasilov</i> (Leningrad). Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков	101
<i>M. I. Islamov</i> (Baku), <i>R. G. Aznagulov</i> (Ufa). Н. Х. Максютова. Восточный диалект башкирского языка	106
<i>G. Kh. Akhunzyanov</i> , <i>M. G. Mukhamadiyev</i> (Kazan). З. Г. Ураксин. Фразеология башкирского языка	109
<i>A. N. Tikhonov</i> (Tashkent), <i>I. G. Dobrodomov</i> (Moscow). М. Ф. Чернов. Краткий русско-чувашский фразеологический словарь	112
<i>Kh. D. Khamrakulova</i> (Moscow). Х. Кор-оглы. Узбекская литература	115
<i>T. Sharifli</i> (Baku). Вагиф Арзуманов. Ўбедижжэтов говушан сэнэт	117

PERSONALIA

<i>A. T. Kaidarov</i> (Alma-Ata). Smet Kenesbayevich Kenesbayev	120
---	-----

Технический редактор Б. А. Абдуллаев

Корректоры Э. Я. Алиева, Ф. М. Джавадова, С. В. Лисицова

Сдано в набор 13/V-1977 г. Подписано к печати 9/VIII-1977 г. ФГ 03681. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4. Физ. печ. л. 8. Усл. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.

Заказ 2808. Тираж 3005. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ
ТРАНСКРИПЦИЯ НА ОСНОВЕ ЛАТИНСКОЙ
ГРАФИКИ, ПРИНЯТАЯ РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ»

ГЛАСНЫЕ

A a — а
Ä ä — э
E e — е
У у — ы
I i — и
O o — о
Ö ö — ө
U u — у
Ü ü — ү

СОГЛАСНЫЕ

B b — б	N n — н
V v — в	ŋ — н
G g — г	ng — н (ڭ)
G' g' — к (گ)	P p — п
Y y — ґ (غ)	R r — р
D d — д	S s — с
Z ž — ж	T t — т
Ž ž — ч, дж (چ)	F f — ф
Z z — з	X x — х (خ)
Δ δ — 3 (ذ)	H h — h, x (ه, ه)
J j — j	C c — ц
Q q — ка (ق)	Č č — ч (چ)
K k — ке (ك)	θ ð — ґ (ث)
L l — л	Š š — ш
M m — м	

ДИАКРИТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ

—, : долгота
 ˘ краткость
 ~ носовой
 ' мягкость